

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Февраль 1919 — январь 1920 гг.

*Воспоминания
Левинцев*

Архив А.Ю. Чернышова

Глава 3

КНИГА № 5

МАРИНА ЕВЛАНТЬЕВНА БРЮХАНОВА

(урожденная Рукосуева)

Родилась в 1894 году, бывшая жительница деревни Талая.

Беседа состоялась 23 января 1961 года

» Родилась я в деревне Ганькино, Неванской волости, близ Бунбуя. В конце прошлого века или в начале XX века — точно не знаю и не помню, так как была ребенком — отец мой Евлампий... Рукосуев переселился с Чуны в деревню Щетиновку (Рождественку) в верховьях Бирюсы.

В 1914 году я вышла замуж за крестьянина деревни Талой Степана Григорьевича Брюханова, по уличному Самолятова. Свекор мой, Григорий Константинович Брюханов — Самолятов, был родным братом богатого крестьянина Спиридона Константиновича Самолятова (Брюханова). Третий их брат, Степан Константинович, погиб к германскую войну. Самый младший из них — Степан Константинович, средний — Спиридон Константинович, старший мой свекор — Григорий Константинович.

Мой муж Степан Григорьевич Брюханов родился в 1895 году в Талой, а отец его и дядья родились на Чуне и переселились в Талую в молодости, с отцом Константином Федоровичем Брюхановым (Самолятовым). Но, по их рассказам, не они были основателями деревни Талой, а там уже жили Москвитины — Христофоровичи и др. Избы стояли с маленькими окошками, чтобы медведь не мог залезть.

Венчались мы в зиму 1914 года, еще до германской войны, в Шелехове, где в 1910 году была построена церковь (а в Талой была только часовня).

Ближайшие к Талой деревушки и хутора, южнее Талой, выше по Бирюсе и Тагулу:

1. Северо-западнее Талой в глухой тайге переселенческий участок Пещеровой, 13 верст от Талой (Черневский: «По переписи 1917 г. именуется «п. у. Пещерный¹», с одним хозяйством, членов семьи шесть человек, в т.ч. пять женщин». — Е. С.).

2. Юго-западнее Талой на реке Тагул, у места впадения в нее другой речки (Большая речка), — деревня Георгиевская, или Большая Речка (переселенческий участок Явочный). (Черневский: «По переписи 1917 года значится деревня Георгиевская, или п. у. Явочный, заселенная в 1909 году. В 1917 году здесь было 13 переселенческих хозяйств с населением 119 человек, в т.ч. 54 женщины, 2 хозяйства занимались промыслом. Но та ли это Георгиевская или нет, неизвестно. Сомнительно количество дворов и расстояния: до уезд-

¹ В 1926 году значится как Пещерово. Основано в 1912 году, 10 хозяйств, 64 жителя (34 муж. и 30 жен. пола).

ного центра 240 верст, до волостного центра 102 версты, до школы 30 верст, до железной дороги 180 верст, до отделения почты 30 верст, до базара 180 верст. Скорее всего, это оно и есть». — Е. С.).

3. Восточнее Талой участок Березовый (Черневский: «В описи 1917 года его нет». — Е. С.).

4. Южнее Талой, вверх по Бирюсе, хутор Потарогина Матвея (Мотьки). С ним жил еще один хуторянин, фамилию не знаю. У Матвея был сын Филипп, женатый на шелеховской Татьяне... Он участвовал в Москве в революции 1905 года, потом заболел чахоткой и умер дома. Паторогины — их настоящая фамилия. Позже на этом хуторе стали поселяться вятские переселенцы — Козловы, Мясниковы и др. И тогда хутор стал называться деревней Благодатской. В годы колчаковщины это была уже деревня. (Черневский: «По переписи 1917 года ни хутора Паторогина, ни деревни Благодатской² по Конторской волости не значится, а есть Паторина и Лукашевского хутор. Время возникновения 1916 год; два хозяйства, оба переселенческие; население 17 человек, в т.ч. 11 женщин; одно хозяйство занималось промыслом. В хуторе было 9 лошадей, 23 головы крупного рогатого скота, в т.ч. 11 дойных коров, 39 овец и 5 свиней. Расстояние от Канска 230 верст, до Конторки 85, до базара и до железной дороги 60 верст, до школы 25 верст. Расстояния, подходящие к хутору Паторогина, но население и время возникновения сомнительные, т.к. рассказчики говорят о том, что Матвей Поторогин из старожилов и задолго до 1916 года жил на этом хуторе, где и умер Филипп в годы германской войны». — Е. С.).

5. Южнее Талой и Благодатской, еще выше по Бирюсе, деревня Соляная³, где сперва был хутор мельника Козлова, вятского переселенца, из деревни Благодатской. Имя его не знаю, а сын у него был Павел. (Черневский: «По переписи 1917 года, деревня Соляная в 22 переселенческих хозяйства, возникла в 1912 году, т. е. раньше Поторогина и Лукашевского хуторов; 230 верст от Канска, 85 верст от Конторки, 60 — от базара и железной дороги, 25 — от школы и отделение почты». — Е. С.).

6. Хутор Красный, выше Соляной. Жил там переселенец Янченко. (Черневский: «По описи 1917 года, здесь 4 переселенческих хозяйства, возник в 1911 года, именуется переселенческим участком. До Канска 185 верст, до Конторки 75, до базара 65, до железной дороги 65 верст, до школы и о/п 30 верст. Но возможно, он ниже Соляной, т. е. между Соляной и Благодатском. Нет, у самого Сереброво». — Е. С.).

7. Выше по Тымбыру — Калтоши заимка охотника Жукова и место, называемое Пещерный (на Тагуле), но там никто не жил (Черневский: «В описи этих участков нет». — Е. С.), а по Бирюсе — участок Облавка, место большо-

²Благодатский, поселок, основан в 1911 году. На 1926 год 26 хозяйств, 153 жителя (80 муж. и 73 жен. пола), до окружного центра 224 км, до районного (Тайшет) 64 км.

³Соляной, поселок. В 1926 году 1 хозяйство, 7 жителей-татар (2 муж. и 5 жен. пола). 101 км до Тайшета.

го перекаата, но там тоже никто не жил. Сереброво и Патриха⁴ тогда не было. (Черневский: «По переписи 1917 года, Облавка — переселенческий участок, в 1916 году одно хозяйство». — Е. С.).

От Талой до Тайшета 80 верст, от Талой до Патрихи 40 верст. Патриху заселили уже при советской власти известные охотники Ильины из деревни Талой.

Деревня Пещеровой позже, уже при советской власти, переселилась на новое место, т.к. у них было сырое место — рано ударяли заморозки и поздно сходил снег (тайга, бор).

От Талой до Алзамая в годы германской войны был проложен тракт, на строительстве которого работали пленные австрийцы. По этому тракту и шли отступавшие белые, а затем прошли красные. Мой брат, Рукосуев Антон Евлампиевич, тогда ушел с красными из Рождественки (они тут же обмундировали его) и погиб на Врангелевском фронте.

Пропал без вести. Мой муж, Степан Григорьевич, был у партизан Серафимовского фронта.

(Черневский: «В беседе принимал участие подошедший позже муж рассказчицы Брюханов (Самолятов) Степан Григорьевич, 1895 г.р. Он добавил, что их Серафимовский отряд стоял в школе в деревне Серафимовка и что он участвовал в диверсиях на железной дороге на участке Разгон — Николаевка, и Николаевка — Байроновка. Бич в Талой никогда не был. Рассказал также, что, когда он был подростком, в Талую переселился с Чуны еще один Брюханов, Константин Кириллович, охотник. Он выписал откуда-то новые охотничьи ружья (одноствольные берданки) и стал их в деревне пристреливать, прицеливать. Тут же собрались и другие мужики-охотники пристреливать свои ружья. Константин Кириллович побежал смотреть попадание в мишень, в это время кто-то выстрелил и угодил ему в зад, тот завертелся, держась рукой за зад. С тех пор к этим Брюхановым пристала уличная фамилия — Стреляный, Стрелецкий. Это было в начале 900-х годов». — Е. С.)

Паторогин Матвей не переселенец, а старожил, жил издавна на своем хуторе и имел много лошадей, штук сорок, у него были племенные жеребцы и кобылы. Он разводил породистых лошадей и торговал ими. А кроме того, зимой на льду реки Бирюсы ставил мельницу, а к весне ее разбирал. Между Талой и хутором Паторочна, через две реки, в полутора-двух верстах, почти напротив Талой, на правом берегу Бирюсы, была небольшая деревушка Козловка⁵, основанная старожилом Козловым.

⁴ По данным на 1926 год: поселок Патриха основан в 1922 году, 7 хозяйств, 36 жителей (20 муж. и 16 жен. пола); поселок Серебрякова основан в 1922 году, 2 хозяйства, 13 жителей (5 муж. и 8 жен. пола); поселок Облава основан в 1912 году, 7 хозяйств, 36 жителей (18 муж. и 18 жен. пола); поселок Красный основан в 1911 году, 22 хозяйства, 114 жителей (57 муж. и 57 жен. пола).

⁵ Поселок Козловский основан в 1910 году, в 1926 году здесь было 19 хозяйств, 92 жителя (40 муж. и 52 жен. пола), 58 км до районного центра.

Лучшими охотниками в Талой были мой дядя Спиридон Константинович Самолятов (Брюханов), Семен Филимонович Рукосуев (Спиринский) и Осип Рыбаков, менее знатными — мой отец Григорий Константинович и дядя Степан Константинович Брюхановы (Самолятовы), Брюханов (Стреляный) Константин Кириллович. Отца братьев Самолятовых — Спиридона, Григория и Степана Константиновичей — звали Константин Федорович, а его отца (их деда) — Феодор Самойлович (отсюда и Самолятовы).

Осенью и зимой они охотились главным образом на соболя — самого ценного зверька, на белку, затем на колонка и горноста. Осенью с собакой и плашками или кулёмой. Плашка — ловушка в виде капкана, сделанная целиком из дерева: две плахи на навесе, между ними колышек — челак и язычок с приманкой. Кулема состоит из двух бревен одинаковой толщины, не заструганные, напоминающие естественные валежины, между ними те же челак и язычок с приманкой — подстреленная бракованная белка или рябчик. Это все на соболя. На кулему соболь идет охотнее.

Зимой больше охотились с обметом без капканов (кулем и плашек) и без собак, т.к. по глубокому снегу собаке идти трудно. Но иногда брали собак и ставили капканы, которые больше приносили пользы осенью, до снега, или по первому снежку, не глубокому.

Обмет — это сеть шириной в метр, длиной метров сто, так что, если ее поставить кольцом, получится круг с диаметром метров тридцать.

По большому снегу выходили в тайгу на камусовых лыжах с обметом, выслеживали по следу спрятавшегося под коряжиной, или камнями, или в норе соболя, ставили вокруг обмет, внизу нижнюю тетиву укрепляли кольшками (тычками) в снегу, сверху тоже подвязывали к кольшкам и, если охота затягивалась на ночь, подвешивали колокольчики. Начинали выгонять соболя, а если не удастся, выкуривать куревом так, чтобы дым пробирался в щели. А если это не помогало, просто устраивались балаганом и ждали иногда сутки. Зверек все равно выбежит и запутается в сети, в дырочках, а его тут и хватаем (с рукавицами, а то если укусит, то долго не заживает). Ночью ошмыгнувшем в сеть соболе дадут знать колокольчики. Если видит, что попадает, — орет благим матом (лихоматом), а если попался — еще больше орет. Подавит или выгонит белку из ее гнезда — гайна, а сам заберется туда и спит, тепло.

Соболя тогда ценились дорого: самый плохой — 25 рублей (столько же стоила корова), средний — 45—50 рублей, а самый высокосортный — до 120 рублей, чуть не пять коров. (Теперь соболь стоит 250—700 рублей, или от 25 до 70 рублей на новые деньги.)

Приходилось хаживать за сободем и мне с отцом, но мало — был на германском фронте (вернулся в 1917 году при Керенском), а затем партизанское движение. Помню хорошо, что в пору партизанского движения соболя было почему-то мало. Больше всего соболь водился по Тагулу, вернее говоря, по его мелководным притокам, ближе к их верховьям, к скалам.

Спиринские (Рукосуевы) Семен Филимонович и его отец Филимон Спиридонович (Спира, отсюда — Спиринские) были самыми богатыми, сами охотились, а дома имели двух постоянных работников и стряпуху, запрягали по восемь пар коней в плуги.

Соболь черный, чернец, добрый казак. Если заберется в дупло, проделаешь дырочку и выкуриваешь — слышать, как свалился вниз. А иногда и лесину валишь.

Соболь хищный — давит белку, глухаря, зайца. Бывало, потеряешь след соболя, глянешь вверх на лесину, а там гайно — гнездо белки из моха. Стукнешь по лесине, чтобы спугнуть, он сразу прыг на наклепанную березу, то есть, значит, наклоненную к другому дереву. Вона чернец, здоровый казак! Тычек нарубишь — голенков для укрепления тетивы обмета. Обмет несешь — тяжелый, а иногда, если живого надо взять, и клетку (решетник) деревянную на горбу тащишь.

Брюхановы (Стреляный и Рукоусевы — Спириинские) состояли в родстве: мать Брюханова — Стреляного Константина Кирилловича, Ефросинья Павловна, и мать Рукоусева — Спириинского Семена Филимоновича, Александра Павловна, были родными сестрами (жены Кирилла Брюханова и Филимона Рукоусева Спиридовновича). Следовательно, Брюханов — Стреляный Константин и Рукоусев — Спириинский Семен были сродные братья, а их отцы, Кирилл и Филимон, — свояки.

Кулаками в 1919 году и до этого были Спиридон Константинович Брюханов (Самолятов), Семен Филимонович Рукоусев (Спириинский).

Брюханов — Стреляный Константин Кириллович, прибыв с Талую с Чуны примерно в 1895 году, сразу закупил тайгу (участок) на Тагуле у Брюханова — Самолятова Константина Федоровича, вместе с зимовьем и плашником. Плашник — это значит несколько плашек, т. е. целое хозяйство их. (Мы купили 600—800 штук.) Константин был стар и бросал охоту, да и лес его был уже стар. Сыновей своих, Спиридона, Григория и Степана, отправил в другую тайгу, выше по Бирюсе.

(Черневский: «По описи 1917 года было:

- в селе Шелеховском (в 1903 году основано) 136 хозяйств, церковь, школа, отделение почты;

- в деревне Ингашет — 91 хозяйство, отделение почты;

- в деревне Талой — 100 хозяйств, школа, почта;

- на переселенческом участке Пещерный (?) — 1 хозяйство;

- в деревне Георгиевской (переселенческий участок Явочный) (в 1909 году основана) — 13 хозяйств;

- в деревне Соляная (в 1912 году основана) — 22 хозяйства;

- на переселенческом участке Красный (в 1911 году основан) — 4 хозяйства;

- на переселенческом участке Облавка (в 1916 году основан) — 1 хозяйство.

Деревня Козловка, хутор Паторочина (Благодатск), Калтоши и охотничья будка Жукова в переписи не указаны. Населенного пункта Сереброво не было, он возник в годы советской власти.

В Талой живет Рукоусев Илларион Филимонович, 1893 г.р., который многое знает о событиях 1919 года Он остряк, сочинитель: «Ум во все стороны несется, и рука трясется», «Партизанские бойцы — русские молодцы».

Акто такие Брюханов Мирон Феофанович и Рукоусев Прокопий Константинович?» — Е. С.)

ЗАХАР ВАСИЛЬЕВИЧ БОКАНОВСКИЙ

Родился в 1889 году.
Беседа состоялась 21 июня 1966 года

В изложении А. Ю. Черневского

Семья прибыла в Черенгачет в... году (об этом смотрите воспоминания Кашицкого). Захар был в 1919 году старостой (30 лет), а еще раньше, году в 1910-м, работал в Тайшете на станции в ремонте и знал Бича, который в то же время работал в Тайшете табельщиком. Поэтому Бич был с ним хорошо знаком, однако всегда ему не доверял — как старосте, и где проходили тайные подпольные собрания, Захар не знает. Но последнее перед шиткинским восстанием проходило в сборне. И Бич, уезжая с подвязанными к вязям¹ саней винтовками, попросил у него провожатого — возчика, и поехал Бакановский Михаил Семенович, сродный брат рассказчика, который потом, с первых дней и все время, был активным партизаном (его Бич мог взять и сам, но для отвода глаз надо было, чтобы назначил староста).

Голятов Семен Григорьевич женат на... рассказчика Авунье... сам дрянный человек, шkodник, в партизанах был с первых дней, а потом скрылся. Летом чехи жили в доме его отца и уговаривали старика, чтобы Семен явился, — ничего не тронут. Тот сдался, его возили в Черчет и не то отпустили, не то он сбежал.

Третьим партизаном-добровольцем был Равковский Александр Данилович, молоденький паренек, погибший под Бирюсой и похороненный не то в Шиткиной, не то в Нижней Заимке, но не в Бирюсе и не в Черганчете.

Из лиц, указанных Аблицем в числе погибших, он отрицает Ясинского Тита Ивановича, Гульгяева Михаила Ивановича, Млявого Аврама Тарасовича (1889 г.р.) и Заркова Марка Ивановича.

Дополнения Бокановского Дмитрия Семеновича, 1893 г.р., сделанные 13 сентября 1973 года и записанные в книге 13-й, в отношении мобилизованных и погибших:

- 7) Аблиц Александр Васильевич,
- 8) Захаров Ефим Семенович,
- 9) Золотухин Михаил Семенович.

И все погибли, как другие пятеро (Ващенко, Гульгяев, Млявый, Цекаленко и Ясинский). Он, как и З. В. Бакановский, отверг только Марка Заркова.

Каминский Иван Семенович в беседе 20 сентября 1973 года подтвердил всех указанных Аблицем и сказал, что погибло «не шесть, а больше» и будто бы их успели вывезти и похоронили в гробах в Нижней Заимке, что мало вероятно, по крайней мере, [в отношении] Ващенко Николая (худой и длинный как жердь). Его воспоминания в книге 2-й.

¹ У крестьянских саней на вбитых в полозья копыльях держится поперечная вязь. Такая же вязь, называемая стужни, на передних изогнутых концах полозьев.

АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ АБЛИЦ

Родился в 1895 году.

Бывший житель деревни Черенгачет Шелаевской волости.

Участник партизанского движения. Ныне пенсионер,
проживающий по ул. Партизанской, 85 в поселке Суетиха.

Беседа состоялась 20 февраля 1961 года

» Наша семья в числе других... семей переселилась из Белоруссии в Сибирь, и мы на плотах прибыли в деревню Тремино, где прожили несколько дней, а затем на подводах приехали на участок Черенгачет. Это было в 1908 году, когда мне был тринадцатый год.

В числе прибывших были семьи:

- 1) Аблица Семена... (моего отца), мать — ... дети: я, шестилетняя Мария;
- 2) Бокановского *Дмитрия* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Семена (Захар Бокановский приехал позже);
- 3) Гьятова Онуфрия... (сам старик вскоре помер, было пять дочерей, по старшинству: Мария, Агафья, Прасковья, Анна, Екатерина и три сына: Осип, Аврам... (Агафья до замужества работала у попа Падюкина);
- 4) Гьятова Григория... сродный брат Онуфрия, с детьми: Семеном...

В деревне тогда уже было дворов пять — Равковского Данилы, Савченко Александра, Лелина Никонора (с сыном Василием), Мотылева... И мы, пока строились, жили у них или в палатках (шалашах). Старожилы называли нас лапотонами¹.

Позже, когда прибыло еще много хозяйств, решили строить церковь, дом для попа и псаломщика, и наш дом из-за этого перенесли на другое место.

В 1919 году деревня состояла уже дворов из... Старостами были Аблец Никифор, живет сейчас в Тремино, и Бокановский Захар Васильевич.

Самыми первыми партизанами-добровольцами у нас были братья Тресковы Петр (пожилой) и Кондрат (молодой) Григорьевичи, которые принимали участие в Шиткинском восстании в числе 18—19 человек, но вскоре вернулись и в отрядах не участвовали. Тресков Петр говорил, что нет порядка, нет хорошего командира, и дела не будет.

После шиткинского восстания добровольцами в партизаны пошли:

- 1) Равковский Александр Данилович, молодой, не служивший еще в солдатах, но боевой, хороший партизан. Погиб в бирюсинском бою. (Черневский: «Похоронен в Нижней Заимке». — Е. С.);

¹ В настоящее время в народной среде старожилками называют тех, чьи предки прожили в Сибири три-четыре поколения, а также тех, кто родился и прожил в Сибири около 30 лет. Переселенцы (новоселы, российские, расейские, расея, самоходы, кацапы, хохлы, лапотоны, лапотники, поселенчики и пр.), как правило, помнили места своего исхода в Сибирь и соответственно называли себя: витебскими, воронежскими, вятскими, курскими, смоленскими и др.

2) *Ефимов Василий Егорович, молодой, но вскоре вернулся и фактически в боях не был* (зачеркнуто Черневским. — *Е. С.*);

3) *Голятов Семен Григорьевич тоже, ушел в Чуну и мародерствовал. В 1930 году способствовал банде, в 1937 году репрессирован и не вернулся* (Черневский: «В банде не был, уверяет Бокановский Дмитрий Васильевич». — *Е. С.*);

4) *Бокановский Михаил Семенович, фронтовик-солдат, умел агитировать, но сам тоже вскоре сбежал.*

Каминского Никифора Ивановича не помню (Черневский: «Не был!» — *Е. С.*).

Так что, можно сказать, из партизан-добровольцев хорошим и боевым был один Равковский Александр.

Позже, перед тайшетским боем, проводилась партизанская мобилизация (после Пасхи), под которую попало в Черенгачете семь человек (Черневский: «По другим сведениям, десять человек». — *Е. С.*):

1) Ващенко Николай Андреевич,

2) Цекаленков Митрофан Никитович,

3) Ясинский Тит Иванович,

4) Гультяев Михаил Иванович,

5) Млявый Авраам Тарасович,

6) Зарков Марк Иванович (не был), (Черневский: «Был!» — *Е. С.*)

На подводах прибыли через Шегашет в Кочергину заимку (село Нижняя Заимка), откуда штаб всех нас вместе направил в Верхнеголеветский отряд, где командиром или начальником штаба был Дерюшкин, а секретарем в штабе Николай Шевелев. Других командиров не знаю. Отряд был небольшой, всего вместе с нами пятьдесят человек. Меня, как отделенного командира, фронтовика (я вернулся с германской войны раненным), поставили командиром взвода, в который, кроме наших людей, входило еще несколько человек. Да, помню еще Буйлова Петра, который в Гоголевском отряде все время выполнял роль кавалериста-связиста с другими отрядами и штабами.

Мы пробыли в отряде не более недели, а то и того меньше, как началось наступление на Тайшет. Это было в распутицу, по большой воде, кругом стояли лывы (большие лужи), в которых можно было утонуть и укрыться. Наш отряд (но, насколько я помню, ни Шевелева, ни Дерюшкина с нами в этом походе не было) получил задание занять продовольственные склады, что находились между переездом (переезд был один) и станцией по северной стороне линии железной дороги.

Подошли к поскотине, вошли в ворота. Залегли и ждем сигнала, как было уговорено. Место чистое, небольшая чаща. Рассветает. Слышим, стрельба на станции, идет бой. Рассыпались в цепь. Вдруг с водокачки по нам открыли пулеметный огонь. Мой взвод был по южную сторону дороги, ближе к линии, а второй взвод — по северную сторону. В моем взводе, стоявшем левым флангом, были: я, Ващенко Николай, Цекаленков Митрофан, Ясинский Тит, Гультяев Михаил, *Млявый Авраам* (зачеркнуто Черневским. — *Е. С.*), Короткий Александр (с Кемчено) и один чунар (Черневский: «А где был Зарков Марк?» — *Е. С.*).

У меня и у Короткого были боевые винтовки, при мне штук девяносто патронов, а у остальных берданки и по семь — десять патронов.

Второй взвод севернее нас. Мы перебежали в лощинку. Вдруг видим, идет на нас цепь белых, в ночном белье. «Настоящие беляки, все как есть белые», — пошутил кто-то.

Их много, нас мало. Надо было соединиться со вторым взводом — посылаю узнать, там ли они, но никто не рискует подняться из лощины и перемахнуть через открытую дорогу. Ползу по-пластунски сам. Вижу, второй взвод укрылся в ложку (ложбина), — перемахнул обратно, даю команду: всем туда, но никто не поднимается, боятся, дрожат. Тогда я на Короткого, у которого была боевая винтовка, прикрикнул: «С боевой винтовкой да боишься?». Он и Млявый перебежали, и я с ними, а остальные остались.

Нет, все это произошло во время стрельбы из пулемета, когда цепи белых еще не было. Ее мы увидели уже из ложка, соединившись с вторым взводом, где нас всего было человек пятнадцать—двадцать. Открыли и мы огонь по цепи, а сами по ложине отступаем немного к акульшетской дороге, т.е. севернее, но все это в пределах поскотины. Подошли ложинкой к небольшой чаще и перемахнули через поскотину, где начиналась пашня, угодили на вспаханное поле — на пары, в грязь. Бежать трудно, стали сбрасывать сумки с припасами (думали, что в Тайшете задержимся!), стало легче.

В это время ранило тяжело Авраама Млявого, старого фронтовика. «Братцы, не бросайте меня на погибель белякам, спасите!» — кричит он. Но все бегут! Кто-то выхватил у него берданку. Я, пробегая мимо, приостановился, но сзади жмут белые. «Эх, прости, Авраам...» Так и погиб Млявый.

А оставшихся по ту сторону дороги четверых наших ребят (Ващенко Николая, Цекаленкова Митрофана, *Ясинского Тита* и *Гультяева Михаила* (зачеркнуто Черневским. — Е. С.) да одного чунаря, кажется Смолина), как мы узнали после, белые захватили в плен и повесили.

Мы выбрались на твердую почву, в березняк и ушли. Пришли к Грибановой заимке, обмылись у речки — и в Гоголевку.

Во время отступления, кроме Млявого, убило еще двоих из второго взвода, но я их не знаю.

А вскоре началось общее отступление. На рассвете разведчики донесли, что на Старый Акульшет идет наступление. Мы решили идти на помощь и соединились с Акульшетским отрядом, пошли напрямик, через бор (версты четыре), и вышли к Старому Акульшету. А деревня уже горит, снуют белые, поджигают. Тогда мы свернули в сторону и обходным путем вышли к дороге, ведущей к парому и здесь, вблизи парома, соединились с Акульшетским отрядом и все вместе вошли в Нижнюю Заимку. После нас стали прибывать конторцы и бирюсинцы. Простояли в Нижней Заимке дня два-три, пошли на Шиткино.

Я отпросился у Бича сходить домой, там не далеко. «Иди, да пригони оттуда мою корову сюда, в Шиткино». Бич купил в Черенгачете у нашего соседа хорошую корову, но она все время убегала домой из Тремино, где в то время жила его семья.

Дома я пробыл два дня, шел туда из Шиткино тропами, чтобы сократить путь. От Тремино до Черенгачета тропой по болоту... версты, а по дороге шестнадцать верст. Обрато — с коровой и на подводе.

Бича застал в Бузыканоно с небольшой группой партизан в какой-то избе. «Привел корову, Иван Андреевич». — «Эх, Аблиц, не до коровы теперь, поставь ее в пригоне. Плохи дела наши». Тут я узнал, что главные силы ушли с Чуны на Ангару. «А что же теперь делать, куда нам?» — «А кто куда хочет».

И я вернулся в свою деревню. Там же скрывался Семен Голятов. Вскоре прошел слух, что идут чехи и все сметают на своем пути. Весь народ ушел на заимки и в тайгу, угнали лошадей. Дома остались старики. Жена (урожденная Трескова) с годовалым грудным ребенком (мы женились в 1918 году) вместе со мной ушла на заимку, дом закрыли на замок.

Дня через два иду в деревню, где у меня осталась хорошая кобылица. Деревня наша на горе, за деревней лог, через который в году идет дорога на Шегашет. Вижу, с горы, т.е. с Шегашета, едут на подводах человек сорок чехов. Я в кусты, проехали, меня не заметили. Постояли в деревне дня два, плохого ничего не сделали и уехали в Черчет. Чехи разместились (часть) в доме Григория Голятова, отца Семена. Уговорили старого отца, чтобы Семен вернулся, мол, ничего не будет, не тронут, тот и пришел, сдался на милость победителю. Его увезли в Черчет, но отпустили. Чехи были вроде разведки от основных сил, которые шли на Тремино. Второй раз приехало много, той же дорогой, уже в жниво² — это были румыны с кавалерией. Те стояли долго, искали Семена Голятова, избили его отца.

Дополнения Марии Семеновны Аблиц, 1902 г.р., сестры А. С. Аблица

С 1916-го по 1919 год я была в работницах у треминского зажиточного крестьянина Каверзина Василия Трофимовича, женатого, второй раз, на нашей черенгачетской переселенке, старой девахе с приемным ребенком Данилкой Агафье Онуфриевне Голятовой (сродной сестре Семена Голятова). У них появился совместный сын Василий.

Помню, чехи шли большой силой: впереди кавалерия, затем пехота на подводах и за ней кухня и обоз. В Тремино стояли дня три-четыре. Уже не помню, они тогда или после румын повесили в Тремино трех человек, а кого не знаю. Поймали и партизана из треминских Михалева Степана, толком не знали, что он партизан, а подозрение имели (Черневский: «А не Егор ли Степанович Рукусуев?..» — Е. С.). Посадили его в амбар. Он попросился оправиться, часовой повел его за амбар, он прикинулся, что снимает штаны, а сам как рванется, как даст часовому, так и сбил его с ног, сам бросился в Бирюсу ушел на тот берег.

Чехи (или румыны) били моего хозяина, спрашивали, где его сын Илюха (Черневский: «Партизан Илья Васильевич Каверзин». — Е. С.). Забрали у него и закололи быка и борова³, сами расположились в большой горнице. Вообще чехи вели себя хорошо, а румыны грубили и избивали.

² Жатва хлебов.

³ Боров — кастрированный хряк. Используется в мясном животноводстве. Из-за сокращения синтеза и выделения половых гормонов менее агрессивен, чем некастрированный, при этом быстрее набирает вес.

В том же 1919 году я вышла замуж за треминского крестьянина Каверзина Дмитрия Матвеевича и ушла от хозяина.

От Шегашета до Черенгачета по прямой дороге верст восемь, от Черенгачета до Черчета двенадцать.

(Черневский: «Уроженка деревни Треминой Каверзина Матрена Зиновьевна, 1902 г.р., по мужу Мутовина, вышла замуж в советские годы за бужыкановского крестьянина Мутовина Демьяна Алексеевича. Дочь Каверзина Зиновия Васильевича, по-уличному Кононовские, Коношенковы (его отца и деда рассказчицы звали Василий Кононович, т.е. прозвище пошло по деду ее отца или по ее прадеду). Она рассказала, что у Каверзина Ильи Васильевича было два брата и две сестры, все младше его: Степан, 1912 г.р., Николай, 1910 г.р., Надежда и Люба — все тогда живы. Отца звали не Василий Трофимович, а Василий Трифонович, и по деду их кличка Трифиловы». — Е. С.)

СЕМЕН ПАВЛОВИЧ ТОЛСТИХИН

Родился в 1895 году¹ в селе Конторка, где и жил.

Женился в 1920 году. Бывший партизан.

Беседа состоялась 14 июня 1961 года

С 1915 года по февраль 1918-го был в армии, на Западной Двине, под Икскуем, близ Риги. В марте прибыл в Конторку. Здесь захватил бело-чешский переворот. Бич в это время работал в Красноярске, приехал к Гавриле Неизвестных и уплыл на плотках на низы. В зиму 1918—1919 гг. деревня голодала, не было хлеба. Мой брат Ксенофонт поехал за хлебом, а я с Георгием Корчагиным в Тинскую рубить лес. (Вообще-то в 1918 году урожай был средний.) Когда вернулись, идем с Венгерки, видим, от Никифора Климова выходит Бич с наганом на боку, гайтан² с кисточкой. Он уже был в Конторке со своим отрядом, восстание уже началось. Провели собрание уже при нас, из Бирюсы прибыли Сергей Бурлов, Тарас Яковлев (Ковалев), Ульянов Алексей и др. Поехали в Бирюсу, провели там собрание и начали рыть окопы. Бич отправился в Еловую и Половино-Черемхово. Из Черемшанки прибыли братья Яков и Максим Галло, Иван Шулов, Ракитин и др.

Я ходил только на посты, а в диверсиях на железной дороге не участвовал. Хорошо знаю, что в них участвовали мой брат Ксенофонт и Николай Белоусов, молодой и грамотный, очень храбрый. В операции по взятию моста, как мне кажется, из наших конторских участвовал Александр Необъявляющий.

Я участвовал в бою с красильниковцами на болоте. Командовал Матвей Критинин. В май я сменился с поста на горе у бирюсинского кладбища, а утром надо было снова заступать. Только собрались идти, часов в восемь утра, слышим выстрелы на горе. Мы бросились туда. Со мной были Игнатовский Николай, Козлов Иван, Пестерев Алексей, Макаров Илья, Сафронов Алексей (Лешка Тоболинский). На горе меня, Сафронова, Макарова и Пестерева, т.е. четырех человек, ранило. Меня — в руку.

Шла шуга³, паром не ходил. Нас переправил Петр Богданов (бирюсинский крестьянин, живет в Бирюсе и сейчас). Он переплавил меня и еще кого-то вместе, у Лавинки, паром тогда точно не ходил. Пестерев почему-то оказался в Акульшете. В Конторке мне сделали перевязку (Никитина там уже не было, меня перевязали Агентша Повликайтис и Федор Михайлович Москвитин). Брат Ксенофонт отвез меня в Нижнюю Заимку в госпиталь — к Рамоновскому, что стоял в доме *Алексея Кочергина* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Иванова.

В госпитале лежали раненые: Кислицин из 6-й роты, лежал только в Нижней Заимке, а потом ушел в отряды, в Кондратьево не лежал, он был ра-

¹ Умер в 1968 году.

² Гайтан — лента, тесемка или шнурок, на котором носят нательный крест.

³ Шуга — рыхлое скопление льда.

нен в красильниковском бою на горе у болота; Кирмасов Александр, Бычков Николай, этот был ранен в Тайшете в ногу, лежал в госпитале до Березово, а потом выписался на амбулаторное лечение; Первунецкий Семен — ранен во время восстания 6-й роты; после меня прибыли Пестерев, Макаров, Сафонов и Марченко из Черчета, раненный в том же бою, где и мы, но раньше нас (см. воспоминания Макарова). Обслуга: Позднин Игн. Зос., Соловьев Илья (фельдшер из Костомарово), Кочергина Антонида, Криволицкая Акулина, Марфа Москвитина (Кузьминская), Привалова Варвара, Кретицина Татьяна (эти три прачки), еще одна Марфа, по отчеству Гавриловна, нижезаимская, дочь Кочергина Гаврилы, Богатого (уличная кличка).

Привалова Варвара жила с Поздненым, а Марфа Гавриловна — с партизаном Грозным из Точилки, или Черемшанки, или Ключей, он был ранен в грудь и лежал в госпитале. Его ранило в Бирюсе.

Кажется, после сожжения Бирюсы и Конторки, еще до нашего отъезда из Нижней Заимки в Шиткино, прибыли Сидорова (потом Пятаева) Екатерина, Костецкая — Непомнящая (Козлова) Мотя и Москвитина Женя.

Из Нижней Заимки на подводах поехали в Шиткино. В это время за Шиткино (в яковской заимке?) расстреляли Лубниных, Евдоким Кочергин шел оттуда с винтовкой. Здесь, в Шиткино, Евдоким Кочергин передал штаб Москвитину Илье (Майковскому). Из Шиткино на подводах же — в Бузыкано, там стояли два-три дня. Затем в ночь, опять на подводах, в Тремино. Переночевали. Слухи: идут чехи. Крестьяне подвод не дают (треминцы сильно противодействовали). Снаряжаем плоты, руководит Романовский.

С нами был Кальман (Ян?), ссыльный из Шалаева. Его брат Василий был ранен в тайшетском бою и тоже был среди раненых, больных. (Черневский: «Очевидно, Ян Калнынь. — Е. С.») Потом Кальман Василий ушел с Бурловым на Ангару.

Позднин тоже с нами, на нашем плоту. Наш плот шел впереди, за нами Никитин с больными (не ранеными). Наш плот развалился — паника. Позднин стал переплавлять раненых на лодке на берег, Кальман Ян успокаивает.

Плот починили. Утром приплыли в Шалаево. Романовский сделал перевязки в шалаевской больнице. С нами почему-то оказался Игнат Козлов (Черневский: «?! см. воспоминания Денисовой». — Е. С.). Одни решают идти на Тасево, другие на Кондратьево.

В Шалаево я встретил товарища по германскому фронту Илью Елесина, он шалаевский, не партизан. У него на квартире живет шалаевская фельдшерица. Она достала мне йод, индивидуальный пакет, Илья дал сала и булку хлеба. Я с Алексеем Пестеревым решаюсь идти вперед отдельно, т.к. ранен был легко, а Пестерев был ранен осколком разрывной пули в лицо, лоб и грудь, но чувствовал себя тоже неплохо (его не глубоко ранило). Он был босой, я отдал ему галоши, а сам в сапогах.

Пришли в Лапино. Там встретили батрака Минея, что когда-то был в работах у нашего конторского кожевника Тараканова. Он лапинский. Дал нам парня, который переправил нас на тот берег, на мельницу у Ключа. Стали подходить партизаны-одиночки. Заночевали. Утром глядим — идут наши плоты, стали выгружаться, с ними Игнат Козлов. Позднин с Варварой, Гроз-

ный с Марфой и Тоня Кочергина с... из Шалаева сбежали (Черневский: «Нет, смотреть воспоминания Макарова». — Е. С.).

Все вместе плывем ниже Лапино к парому. Переправили на пароме аптеку, скот, таратайку — это уже сборное отрядное имущество. В это время трос лопнул. Обслуга, здоровые и легко раненные — пешком, кто слаб, может верхом, тяжело раненные, в т.ч. Григорий Марченко, — на подводах. На 33-й версте — обед, на 43-й — ночевка (все: пешие, вершие и подводы — двигались кучно). Рано утром — дальше. Игнат верхом вместе с Шурой Денисовой на одном коне. Я, Дуся Яковлева, Сидорова Катя, Мотя Костецкая (самого Пятаева с нами не было, он был на Ангаре) — идем все вместе пешком. По дороге отдыхаем — ноги кверху, я как опытный солдат даю медикам этот совет. «А правда, легче становится», — говорит Шура Денисова.

Не доезжая верст шесть до Кондратьево нас встречают подводы, это кто-то там уже распорядился. В Кондратьево был паром, но не работал, нас всех переплавили на лодках, развели по квартирам. Народу, в общем, не очень много. Отправили разведку в Лапино. Переночевали. Днем Рамоновский проводит собрание. Бежит баба: «Чехи в Лапино!» До этого кондратьевские крестьяне встретили нас плохо, и тут говорят: «Уезжайте, а то нас сожгут».

Делать нечего, отправились вверх по Чуне на лодках. Почему вверх? Знали, что на Неванку — Бунбуй пошел наш большой отряд, да на баерцев надеялись. Но на лодках только тяжело больные и слабые и аптека, а остальные пешком, в том числе я, Романовский, Козлов и др. Утром прибыли в Петропавловку — никого нет. Крестьяне говорят: «Ночь ночуйте, а завтра идите от нас куда хотите».

Но вечером получили сведения, что движется наш отряд с Кежмы (через Червянку на Березово, выше Петропавловки). Это было уже начало июля. Крестьяне заговорили по-другому, но мы все же поехали навстречу своим. От Петропавловки до Березово 55 верст, много порогов. В Петропавловке взяли лошадей, да и свои были. Больные по прежнему на лодках, а мы верхом по тропе. В Березово наших нет, разместились по квартирам. По слухам наши в Савино (Выдрино), еще верст 10-15 или 12, а через хребет восемь.. Я пошел узнать. Есть наши в Савино! Вернулся и сообщил своим. Вскоре в Березово вступили со своими отрядами Костя Москвитин и Матвей Критинин. С ними Богданович.

Снова на Кондратьево; больные на плотках и лодках с лоцманами, всего два плота. Лоцманы нужны, чтобы провести плоты через два порога: один прямой, другой с заворотом. К Неванке выдвинули конную заставу (Черневский: «Кто? Завязкин? Шалыгин? Бурлов Сергей? Или Маевский — Кочергин и Игнат Козлов?». — Е. С.). Впереди по тропе идут отряды, мы в хвосте. Прибыли, наконец, в Кондратьево.

Госпиталь разместили в школе, легко раненных по квартирам. Я из Кондратьево пошел с отрядами в Лапино. Там встретили Бича.

Забыл сказать: среди раненых были Николай Гугушкин и Савелий (Савва) Сучков. Они до Шалаева шли с нами, а оттуда вернулись домой.

Отдельные эпизоды и замечания

- Ловинских называли картошечниками, конторских — семикаврижниками и Хомутовской губернией, еловских — субботниками (скупыми), получеремховских — хомутовщиками и гужеедами (потому что снимали хомуты с прибудных лошадей), бирюсинских — конфетниками и Омuleвской губернией.

- Помещик Логинов держал ямщину⁴ — шестьдесят обозов. В Сахотове у него был заезжий двор. Пашни — до Камышлеевки.

- Швирев Иван Егорович был в партизанах в железнодорожной форме.

- В красильниковском бою было на болоте убито семь лошадей.

- Федотов Иван — Колчак. За что был прозван: он конторский, хромой с японской войны, после отступления стал старостой и, не располагая документами, отправлял в армию Колчака молодежь.

- В майской стычке, кроме нас были ранены: Власов Георгий Евд. (у моста) и бирюсинский Попов Константин, очень легко в руку. Негриенко Федор?

- Жил у нас в Конторке Андрей Стрелков, сосланный, дряхлый старик, хромой (по-уличному Косолапый, Косолапов), прасол⁵, торговал лошадьми. К партизанскому движению отношения не имел. Он жил на Тарае (часть села Конторка), первый с венгерского края.

Беседа 20 января 1962 года

- В Березово мы жили недели четыре, а отряды все время стояли в Савино. О их приближении стало известно еще в Петропавловке (Черневский: «По документам, отряды пробыли в Савино неделю, примерно 1—7 июля, а в Березово — с 8 по 11 июля». — Е. С.). Деревня небольшая, дворов двадцать пять. Собрание отрядов происходило на гумне.

Когда двинулись из Березово в Кондратьево, мы на плотках в Петропавловке не высаживались, а поплыли прямо в Кондратьево, поэтому я ничего не знаю о съездах...

В Кондратьево разместились так:

- штаб в доме Носова (его уже не было в живых, а только хозяйка. Там же жили Волгин, Швырев, Швайдецкий и секретарь штаба из кежемских учителей. Они прибыли с ангарчанами — два учителя: один, в очках, был в отрядах, а второй в штабе (Брюханов и Лушников);

- хозчасть в доме Ивана Палатова, в его же амбарах были частью склады (у него жили заготовитель Ковалев Андрей, он же размещался и в Кадарее, и Горюнов, заведующий хозчастью. Но потом его посадили в тюрьму, за него стал Шевелев. У Шевелева в ремне было зашито организационное золото, которое он всегда носил при себе, — Шевелев вступил в организацию в начале или в середине августа...);

⁴ Ямщина — занятие ямской гоньбой, перевозками пассажиров, грузов, почты.

⁵ Прасол — мелкий скупщик мяса и рыбы для розничной, мелочной распродажи.

- портновская мастерская — отдельно (закройщик Севастьянов Андрей, портной Малышев Василий, потом Малышев стал каптенармусом⁶, с ним работал Кирмасов Александр, выдававший мясо);

- хирургический госпиталь — в школе (здесь работали Романовский, Денисова, Горемыкина, Тоня Кочергина (эта на перевязках), Никитин, Москвитина Женя, Кретинина Тася, Москвитина Марфа — тоже были, но не постоянно, кажется, в прачках. Сидорова (Пятаева) была при хирургической части постоянно. Дуся Яковлева, Швайдецкая, Рожкова и Свенская — в отрядах. Мотя Костецкая еще в Березово родила, и там они с Иваном Козловым поженились официально. Соловьев Илья — в нижнезаимском госпитале, а потом в отрядах. Дуся Яковлева в начале была недолго в Кондратьево при госпитале).

• В Кондратьево жил Дерюшкин, а что он делал, — не знаю. (Черневский: «Дерюшкин был начальником команды связи ниже Кондратьево по Чуне — до Хаи, у него было пятнадцать человек». — Е. С.). Был у него каурый конь. Жил в Кадарее. Он из адвокатов, работал еще при царе в Тайшете. У него было два сына приемных, от второй жены, Голдиной, — Голдин Николай (молодой, не партизан, жил с матерью в Кондратьево и в Кадарее) и второй — звать не знаю: Алексей? — в отрядах. Кадарей — домов пятнадцать, но дома хорошие, жили крестьяне крепко.

• Тюрьма — в большой половине дома Амеляна Каверзина, без решеток, но постоянно охранялась.

• Конюков был на связи в Березово (командир тылового взвода). Кони обозные по разным оградкам. Часть обозников жили у Иннокентия Смолина. Заведующим обозом был сначала Патрин Андрей, потом его куда-то выбрали, а вместо него стал Бекарев.

• Деревня Кондратьево — в один ряд на берегу, без оград — пристройки сбоку. Были еще дома за болотом, те с оградками.

• Я, как легко раненный, в госпитале в Кондратьево не лежал, а только ходил на перевязки. Жил у Данилы Ивановича Смолина. Со мной еще жили черемшанский Шулов Иван (ранивший себя нечаянно при чистке винтовки в деревне Савино), Чурков Лука (раненный у водокачки) и Макаров Илья (хныкалка, неженка, не работал). Николай Бычков был ранен в ногу и лежал только до Березово.

• Шкапина вместе с Громовым, Кулакова и Некрасова расстреляли в один день на кладбище. Шкапин снял тужурку (пропадает, пусть лучше кто-нибудь носит), потом сказал: «Погодите, не стреляйте». Снял очки — пусть и ими люди пользуются.

• После паники Маевского госпиталь эвакуировали в Кадарею. Я возил из Кондратьево продукты в Кадарею, потом работал конюхом, а потом меня послали на связь (в обоз) в Лапино. Там стояла часть обоза, и мы возили

⁶ Каптенармус — воинский чин, военнослужащий (унтер-офицер), ведающий учетом, хранением и выдачей военного имущества: провианта, оружия, боеприпасов, обмундирования и военного снаряжения.

людей, продукты от Лапино до Шалаево и Покатеево и до 33-го километра. А основной обоз был уже в Шалаево. Секретарем обоза был в Шалаево Ракитин (он был где-то ранен и лежал в Кондратьево в госпитале), когда я ездил из Кондратьево в Кадарею. Наоборот — ездил также Николай Шалыгин, уже выздоравливающий, ему было лет тридцать пять.

- Забыл сказать, когда трогались из Березово на Неванку, послали заставу: Пятаев, Завязкин, много бирюсят, командир Шалыгин, а потом его сменил Маевский.

- Савино — самая большая деревня, там был даже двухэтажный дом, паром. От Березово до Савино через паром семнадцать верст, а через хребет таежной тропой по левому берегу верст восемь.

- Иван Козлов болел и в 30-й дивизии не был.

- Алексея Горенского совсем не знаю, и в госпитале он не лежал.

- Тимофеев Тимофей Тимофеевич — большой, белобрысый. У него был какой-то конфликт с Евдокимом Кочергиным.

- Криволицкий П. еще до партизанщины женился на конторской Масленниковой Машке. Он должен был призваться в 1918 году, а призван был в 1916 году.

- Белоусов Николай — молоденький, маленького роста, но дельный и храбрый.

- Земеров Евгений года с 1903-го. В партизанах он был только до отступления, а потом его забрал Колчак, но он заболел и вернулся. По мобилизации попал в 30-ю дивизию. Его то и сдал в солдаты Иван Федотов (прозвище Колчак).

- Помню, рассказывали, что когда был съезд на 33-й версте, там расстреляли одного старика-шпиона. Он доводился родственником бирюсинскому партизану-кавалеристу Ваське Горенскому, одноглазому и горбтому, который все время был со своей карей кобылицей.

- Захар Лубнин служил в армии еще до переворота, потом был дома, потом попал под мобилизацию к Колчаку. В это время конторский крестьянин Тимофей Попов подрался с Лубниным Захаром-отцом. Захар-младший после отступления приехал в деревню с чехами и взял Попова (их дом уцелел от пожара, и у него тогда жил Евгений Земеров). Но Попов остался жив, и жил долго при советской власти. Захар считал, наверное, Попова виновным в смерти отца и брата. Захар года на два моложе меня, роста среднего, небольшой, но коренастый.

- Я слышал от Бакановского, что в их доме в Черенгачете собирались в подполье (в подвале) подпольщики с Бичом. С ними были Силин — Ходя, Афиноген Чемоданов и другие. Бич точно работал при советской власти в Красноярске, приезжал весной перед переворотом в хромовой кожаной тулупе и опять уехал. А после переворота пробрался в Черчет, купил себе коня и чем-то занимался, а сам готовил восстание.

- Во время отступления и после отступления вообще на низах или в Кондратьево я Бича никогда не видел. Если он и был в Кондратьево, то мало. Он болел во время отступления, а не перед гибелью.

Беседа была прервана и продолжилась 23 января 1962 года

Поправлюсь, я с Корчагиным возвращался не из Тинов, а с железной дороги, где мы снова с ним работали на линии. Дело было в субботу. Смотрим, из дома Никофора Климова (хороший охотник) выходит Бич с кем-то из конторских. Он в этот день прибыл со своим отрядом, расставил людей вокруг деревни, а сам пошел собирать оружие. У Климова они взяли централку (дробовик). К дробовикам относят берданки (не переломные) и централки (переломные). Но централки бывают разные: одноствольные, двуствольные и трехствольные, причем у последней два ствола дробовых и один винтовой (пулевой) посредине. Климов жил напротив меня, недалеко от Тарая.

• В чьем взводе в Бирюсе я был, когда меня ранило, не помню (Черневский: «У Жичкина». — Е. С.). Но Ильин Ганька там командиром взвода никогда не был. Перевязывала меня Павликайтис, которую мы звали Агентша, потому что ее муж был до революции агентом компании Зингера. Москвитин Федор Михайлович вскоре после этого, между майским налетом и майским отступлением, сеял на лугах и был схвачен чехами. Его увезли в Тайшет, но там он заболел, кажется ospой, и чехи, боясь заразы, его выпустили. Впоследствии он снова прибежал в отряды на низы и до конца был отрядным фельдшером.

• Рахманов тоже после отступления был писарем в отрядах, а не в главном штабе (секретарь Совета до отступления в Конторке и Нижней Заимке).

• О Лубниных: они жили зажиточно, имели пять запрягаемых коней, временных работников, работал и я у них. Абрам был старостой еще до революции, после фронта. Захар был мобилизован Колчаком, а до этого, в 1917 или в 1918 году, женился на Серебренниковой Афимье Иннокентьевне, сестре партизана Серебренникова. (Абрам бежал из немецкого плена.) Лубнины, Абрам и старик Захар, особенно последний, были здорового роста. Их сестра, рябая и крикливая, засиделась в девках, вышла замуж за катанщика Филиппа Андреевича.

• Госпиталь эвакуировали из Шиткино после того, как на Неванку ушел отряд Матвея Кретинина. Мы об этом знали. С Тремино до Шалаева мы плыли одну ночь. Лоцманом у нас был Калман Василий. В Шелаево спешили, и тогда я ушел пешком до Лапиной. Мельница в Лапиной была — на правом берегу, у ключика, работала даже зимой. Это между Лапиной и паромом (примерно в версте). Туда то я и прибился.

• О скоте. Стадо коров было захвачено отрядом при отступлении, оно принадлежало тайшетцам. Этот скот гнала хозяйка — переплавляли в Лапино на пароме, а также бричку с медикаментами и другой скарб. Канат оборвался, и не знаю, весь ли скот переплавили. Скот остался в Кондратьево, а мы ушли вверх. Коротков с Лапино шел вместе с нами.

• Наш госпиталь дошел до Березово, как я уже говорил, а в Савино не был. От Кондратьево до Березовой я шел тропой с пешими и конными, а от Березово до Кондратьево, т.е. обратно, на плотках. Плоты сделали в Березово, лес отдал проживающий там бывший ссыльный Павловский. Ночевали в лесу на этом пути только один раз, где-то между Березово и Петропавловкой. В Кондратьево приплыли после обеда. Отряды шли впереди, а мы под их прикрытием, и когда приплыли в Кондратьево — отряды были уже там.

- После победы Ивана Федотова (Колчака), Филиппа Авдеевича Кочергина и Глуценко (его сын, сотник, тоже выслуживался в Канске, сек людей, а потом эмигрировал в Японию) арестовали, возили в Шиткино, а Глуценко даже в Канск. Но всех выпустили. Глуценко Василий Амелянович.

- Бланку (Черневский: «Ямщина?». — Е. С.) в Конторке держал ингашетский Иосиф Горегляд, отец партизана Максима Иосифовича Горегляда. Еще до революции он уехал (уезжал? — Е. С.) в Польшу, бросив семью. Содержателю бланки мы платили по 7 рублей в год с «боевой» души, то есть с 18-летнего возраста, когда уже сам мог идти в гоньбу. Конторка вела гоньбу с нового года до конца февраля (7 недель), затем, до Пасхи, — Ловинское земельное общество. С Пасхи до Петрова дня (12 июля по новому стилю) опять Конторка, а с Петрова — Ловинка и т.д.

- Паромы сдавали тому, кто дороже даст. Держит год, а если захочет, — второй год, тогда бесплатно, но зато держатель парома должен был построить из своего материала и своими средствами новый паром, год им пользоваться — и так далее. Паром был тогда не на двух лодках, а на одном большом карбасе, вмещал три подводы, тянулся не тросом, а канатом. Плата: за полный воз 16 коп. (хоть петух — все равно воз считается полным), за порожний воз — 12 коп., за пешего — 2 коп., за голову скота — 6 коп., а если скот пускали вплавь, все равно взималась плата — 3 коп. с головы.

- Неподалеку от Конторки во время такой переправы скота вплавь утонул один сопровождающий еврейчик, и место то называли Жидовский затон.

- Необъявляющий Александр Никонорович, отец, что жил по левую сторону улицы, ближе к Ловинке, держал дворню (заезжую). В зимовье у него была людская, стряпуха, готовившая для заезжих. Вообще же этим делом больше занимались еловские — там было несколько дворов. У нас в Конторке годами было место пребывания крестьянского начальника и даже мирового судьи. С ним дружил поп Лев — не пьяница, умный мужик. В разное время урядниками были Иван Данилович Сытин, после Кокун, Жеребцов (Черневский: «А Корчагин говорит: Кобылин». — Е. С.), Старшина, глава волости — он был выборным, а двух помощников нанимал сам. Писарь — тоже лицо наемное, а не выборное. Кроме того, выборными были сотский⁷ и десятский⁸.

- Конторская церковь была очень красивой, обшита тесом и выкрашена. Часовню (молитвенный дом) построили тоже просторную, но без купола, крыта обыкновенным тесом, четыре колокола рядом — на столбах под грибом. Церковь сгорела при попе Льве (Черневский: «В 1908 году». — Е. С.), который был здоровый, работяга, не пьяница, сам косил и сеял, но и работников

⁷ Сотский — в России выборное должностное лицо от городского посадского населения, обычно от 100 дворов (XVI—XVIII вв.), государственных крестьян (конец XVIII в. — 1861 г.) и всех категорий крестьян после реформы 1861 года для выполнения общественных, а также полицейских обязанностей.

⁸ Десятский — выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее обязанности полицейского в деревне и избиравшееся обычно на десять дворов (в Российском государстве до 1917 г.).

держал. У него было два коня, да одного прикупил на период сенокоса. Купил, сам выложил и вырастил вороного жеребенка, ставшего у него выездным меринком.

В 1919 году был отец Егорий, старый, глухой и пьянчуга. Он перешел к нам из Нижней Заимки еще до революции (его дочь была замужем за Необъявляющим-отцом). Спился до того, что ходил в кальсонах и подряснике, а то и без кальсон, в одном подряснике.

Поп Леоненко был уже при советской власти.

• На Тарае в 1919 году жили, с запада на восток:

1) Косолапов (Стрелков) Андрей, просол,

2) Сидоров Капидон,

3) Попов Тимофей,

4) Попов Егор,

5) Попов Леонтий —

это трое братьев,

6) Рукосуев Василий (мельник).

За ними шла пустошь, а затем на углу Тарая и Конторки стоял дом Ермолаева Михаила Иосифовича. Его дом поэтому и сгорел, а остальные нет. Еще был и уцелел один дом по правую сторону (если идти с Венгерки) — Яковлева Венедикта.

• У ревтрибунала была своя охрана.

• Айдиновский гнедой бегунец с большой гривой был в Кондратьево в обозе.

О Конторке

• В 1919 году кулак Сергей Алексеевич Сидоров (Сергеевский) сам уже не хозяйствовал. Хозяином у него был сын Алексей. Он был женат на еловской Устинье Ефимовне Макаровой, но в 1919 году ее уже не было, умерла, а была вторая жена Алексея, Любава, не местная. Отец жил у них в зимовье, делал сани, шорничал.

Второй сын, Дмитрий Сергеевич, жил отдельно и держал стряпуху.

• Купец 2-й гильдии Кулеев Степан (Павлович? Сергеевич?) тоже был стар и глух, жил один, сыны его были где-то. После сожжения уехал в Тайшет с дочерью Августой — женой Павла Мамаева (она не уехала из Бирюсы с мужем).

• Купец Афанасий Климентьевич Кочергин умер еще до германской. С ним жила сестра его, Матрена, которая так и осталась жить в Конторке при хозяйстве брата, но торговлю прикрыла, а сама вышла вскоре замуж за Лукашевича Николая. В Тайшете торговал ее брат Милентий Клементьевич, а в Нижней Заимке — Алексей Клементьевич. В его доме и был хирургический лазарет. В другой половине жил он сам. У Милентия в кассирах была его сестра, девка. Третья сестра Кочергиных вышла замуж за тайшетского пимоката Кабанова Павла. Милентий держал магазин и винный погребок. Кабанова дом и пимокатная мастерская были в доме, где теперь аптека.

• Жил у нас в Заверталовке беглый с Монетного двора Максимыч. Он был пимокат. Умер еще до германской, а его сыновья Иван (в возрасте Гаврила Никонович Кочергина) и второй... этим не занимались.

• Тогда же в Конторке поселился бывший ссыльный Тараканов Василий, купил у Никанора Кочергина большой дом на углу и построил кожевенный завод: конная дробилка, конная мялка, большие чаны, куда закладывали по сотне овчин. У него работали два сына, невестка и человека три наемных. Пятеро сотню овчин в день отомнут, мездру⁹ драли косой. Корье заготавливали тальниковое для дубления. Черненые овчины полоскала в озерке или на реке невестка (жена старшего сына Тимофея). После пожара все дотла сгорело. Уехали в Рождественку. После смерти старика сын Тимофей приезжал и откопал во дворе золото.

• Рубежок — деревянная заметка с зарубками, выдаваемая на принятие кожи или на скот, принятый пастухом и сборщиком (одна половина у давальщика, другая у хозяйки).

До германской войны пастухами овечьих табунов были сперва ссыльный пьяница Петр Малеванов, а потом старик Спиридон Яковлев. Овечий пригон был на лужке справа за мостиком.

Поскотина за деревней — по горе до Мамаевского выгона, а в сторону Еловой сразу у деревни, т.к. там начинались луга. Скот свободно входил и выходил из деревни, пастухов крупного рогатого скота не было, там же паслись кони. Было очень много молодняка, в жару прибегут и толкаются в переулках, взрослые кони поумнее — те на гумно, там тень и гнус не так мучит. Зимой скот толкётся на глызах¹⁰, которые вываливали за деревней или на берегу.

• С отступающими контрреволюционерами в Конторку прибыло много попов. Они заняли поповский дом. Немного даже служили в часовне. Приезжие попы имели свою вооруженную охрану (в 1918 — 1917 — 1919 гг.).

• Степан Копцев — с огромной черной бородой, заядлый самогонщик. Ни один из попов с ним никогда не пил, это неправда, что рассказывал Василий Степанович Копцев, — и сам он никогда в работниках у Сидоровых не был.

• Во время бомбежки Конторки (ее бомбили со стороны станции Суетиха, а Бирюсу — с переезда Бирюсинского) на Тарае у Василия Рукоусева, мельника, пробило снарядом стену понизу, снаряд ушел через подполье в землю, но не взорвался и образовал дыру-выбоину в нижней части стены. А у Леонтия Попова подрезало столб в ограде у ворот, но столб опустился и сел на землю так, что забор даже не похилился.

• Власов Георгий Евдокимович ранен в одном из первых небольших боев — на горе у кладбища, а к майскому бою уже вылезился и в госпитале не лежал. Остался на заимке у Соломенки.

• Попов Константин ранен тоже раньше, лежал в госпитале в Нижней Заимке, Шиткино, Бузыкканово вместе со мной. Но после в Кондратьево я его не видел.

⁹ Мездра — слой подкожной клетчатки на невыделанной коже, шкуре животных, изнаночная сторона выделанной кожи или шкуры.

¹⁰ Глыза — ком, кусок, глыба.

О чунарях

• На реке Чуне, особенно на реке Муре, среди женщин и девчат не было никакой морали — разврат.

• Главной обувью у чунарей были чирки с опушками. Бабы ходили в чирках и зимой и летом. Дома женщины и мужчины одевали бокари — те же чирки, но без оборок, сделаны из сохатины. Мужчины зимой ходили или в чирках с опушками и самотканых суконных чулках до паха, подвязываемых к поясу, или в комчурах — род обуви вроде бродней, но до полу голени мехом наружу. Подошва лосиная. Иногда мужики надевали вместо чулок холщовые поголётки к чиркам или поверх самотканых суконных чулок.

• Бирюсинская однорядка (самотканая, суконная, черная или рыжая) называлась у чунарей шинелью (из овечьей шерсти).

• Бирюсинские посидёлки (посиделки)¹¹ назывались у чунарей вечерки, а наши вечерки — игрищами, причем у нас на вечерках была только молодежь, а у чунарей (на игрищах) и старики и старухи, которые занимали обычно первые ряды (т. е. сажались впереди, а за ними стояли молодые).

• В Кондратьево был закоперщик (зачинщик) всех игрищ Харитон Тарасов — молодой, не женатый парень с бандуркой (бандура).

• По дороге от Березово (вернее, от Савино, а Березово оставалось слева от дороги) на Червянку были два зимовья. Первое:.. Второе под самой Червянкой — Ивана Мазарата. Но зимовье тогда уже сгорело, и он жил с сыновьями в охотничьей избушке верстах в трех от тракта.

• В Березово жил один старик в большом пятистенном¹² доме. В его доме все останавливались, и его дом и его самого называли Конторой.

• Путь с Петропавловки до Березово вверх по Чуне только тропой с горы, местами болотами по бревенчатой лежневке.

• Богданович отпускал длинные волосы и бороду, потом вдруг все сбреет и снова отпускает.

• Рукосуева Василия мельница работала только весной — выше Конторки на реке Конторка. А зимой ледянка — под камнем на старице на шиверах¹³. В 1919 году ледянка была и работала.

• Из Нижней Заимки раненых отправили первыми на подводах. В Шиткино дожидались отряды. К. Москвитин скомандовал и выстроил людей, стал переписывать, а нас отправили в Бузыканоно. Они остались. В Бузыканоно прожили три-четыре дня, затем на подводах до Тремино, а оттуда подводы ушли обратно. В Тремино лошадей нам не дали, и стали делать плоты. Работали целый день и ночь. В Тремино переночевали только одну ночь и на плотях двинулись дальше. Командовал Романовский. Плыли от Тремино до

¹¹ Посиделки — молодежный досуг в осенне-зимнее время.

¹² Пятистенок — разновидность рубленой избы, когда сруб, имеющий в плане форму прямоугольника, разделен внутри надвое пятой стеной.

¹³ Шивера — относительно мелководный (глубина до 1,5—2 м) участок реки с беспорядочно расположенными в русле подводными и выступающими из воды камнями и быстрым течением.

Шалаево только сутки: день — ночь — утро. Кто спал, кто сидел на скамьях. Впереди лодман. Весна.

• На Чуне был случай. Роман Макошин Беркей и еще двое плыли на плоту. Подпорожные (перед речными порогами) шиверы слышать верст за семь. Наткнулись на камень у порога, застряли. Роман разделся, нырнул, выплыл и вышел на берег, позвал крестьян, и те пришли, помогли стащить плот с камня. Это было между Березово и Петропавловкой.

• Острова: Веденев — первый... от Суетихинского моста, близко; Пронькин — второй, у Нахаловки; Бадай — третий и немного ниже, почти напротив старины.

• Летние гулянки происходили на большом углу (у дома Тараканова), или на лужке, или у берега у Ловинки.

• Миней Федотов (Мина) работал пимокатом в Конторке у... и ушел вместе с партизанами. В Лапиной у него были свои. Он был старшим связным на узле Лапино — Покатеево — 33-я верста — Шалаево.

• Лубнин Захар-старший — одноглазый, здоровый. Абрам, сын его, тоже здоровенный, но сухощавый. Захар-старший — хороший рыбак. Пройдет по берегу, сразу узнает, есть рыба или нет. Невод зря не замочит. Хороший «агроном». По погоде да по приметам определял, что лучше уродит и что сеять: яровую пшеницу (если не предвидится заморозков), или яровую рожь, или озимую рожь, или озимую пшеницу. У них была своя заимка, я у них был в работниках на уборочной (с покосом управлялись сами). Я работал вместе с их сыном Захаром. Старик приходил рано на заимку, сядет и сидит, ждет, когда выйдем на работу, не спим ли долго. Подкарауливает. Машин у них почти не было, только жнейка. Сенокосилку брали у попа Льва. На использовании попова косилка и поповы луга, Захаровы кони и руки. Мне платили 12 рублей в месяц.

• У Серебрянникова Иннокентия было пятеро сыновей и две дочери. Захар — самый старший, косолапый, ноги колесом и внутрь; второй — Николай (партизан) — здоровый, без изъяна; третий — Михаил; четвертый — Илья; пятый — Егор. Дочери — Афимья (вышла замуж за Захара Лубнина) и Соломанида, больная, урод, так и померла в инвалидном доме.

• Отряд Бича арестовал в Конторке Лубниных, Омельченко, минусинского охотника и рыбака Малышева Михаила, Сидорова Алексея Сергеевича и еще кого-то из волости — всего семь человек.

• Лушнев рассказывал мне, что он участвовал в Чукшинской операции, как там в ущелье убили головного коня, как встала во весь рост барыня и что-то кричала, и ее сразили. Привезли много шинельного сукна.

• От моста и от церковной ограды, по правую сторону, если идти на Еловую, жили:

1) мы,

2) Журавлев Василий (не Муса),

3) Журавлев Дмитрий,

4) Корчагин Георгий Васильевич,

5) Ермолаев Василий Терентьевич,

6) Яковлев Василий Венедиктович, по-уличному Брыга (очень не любил, когда их так, по-уличному звали),

- 7) Барабанов,
- 8) Ермолаев Михайло,
- 9) Ермолаев Трофим (крайняя изба).

По другую сторону был только один дом — Ермолаева Михаила Иосифовича.

Между Толстихиными и церковной оградой переулок, который шел мимо общих амбаров и выходил в центр Конторки к угловому дому Семена Батранина.

По другую сторону церковной ограды тоже был переулок (между церковной оградой и поповским домом), но поп... перегородил его и расширил усадьбу. Отсюда в направлении к углу, т.е. к дому Тараканова, по берегу реки Конторка на улице в один порядок размещались:

- 1) поповский дом,
- 2) бывший дом Кудлина (жил Феофан Сидоров),
- 3) Толстихина Ефима Петровича,
- 4) Архипова Никифора, но в 1919 году в нем жил только его сын Михаил,
- 5) Сидорова Григория Ивановича и Сидорова Павла Ивановича — в одном доме, в своих половинах (два двора),
- 6) Сидорова Панфила Николаевича,
- 7) Сидорова Исаака,
- 8) Тараканова Василия (угловой дом с выходом уже на главную магистраль Конторки).

ЕРМИЛ ПОЛИКАРПОВИЧ НАСОНОВ

Партизанское имя Александр Костромин.

**Родился в 1896 году. Коренной житель села Конторка,
ныне пенсионер, проживает в г. Тайшет по ул. Красноармейская, 68.
Беседа состоялась 26 апреля 1961 года**

После тех событий, о которых вы знаете из моих воспоминаний, опубликованных два года назад в районной газете, т.е. после боев на Нижнеудинском фронте и на Востоке, в октябре 1918 года я вернулся тайком в Конторку и, опасаясь ареста, несколько дней (две недели) скрывался в подполье.

Староста, кулак Лубнин Захар — старик, пронюхал и спрашивает у моего отца Поликарпа: «Что-то ты повеселел, али сынок-красногвардеец воротился?».

В Конторке уже были вернувшиеся с фронта братья Козловы — Игнат и Иван, Белоусов Николай Афанасьевич (маленького роста), Ильин Гавриил Флегонтович (Ганька, самый старший или второй по старшинству из братьев-партизан Ильиных), Проскуряков Пимен, Малышев Василий Алексеевич, Масленников Алексей и пожилые братья Неизвестных — Гаврила и Иннокентий Романовичи. Всего первых подпольщиков у нас было человек семь, а вскоре их стало 32 человека.

Я прибыл на товарном вагоне ночью и соскочил на станции Венгерка, в двух верстах от моста, откуда и пробрался в Конторку. Привез с собой браунинг № 2¹, с которым впоследствии не расставался все время партизанства.

При старосте Лубнине Захаре были дома оба его сына: Захарка, младший, лет двадцати, еще не служивший в армии, и Абрам, старший. Однажды они подгуляли, в компании с ними были Яким Проскуряков, брат Пимена, женатый на Блохиной Елене (торговала самогоном), Ильин Корнилий (потом стал партизаном), лет двадцати двух, самый младший из братьев Ильиных и другие. Захар Лубнин-младший в пьянке грозился убить меня, а Корнилий прибежал и сообщил мне.

Подпольщики стали собираться у меня. Послали меня в деревню Енисейка к Бичу, Бич сказал, что он уезжает из Енисейки в Нижнюю Заимку. Советовал пока выявлять надежных людей.

Позже, когда нас стало уже много, я опять ездил к нему в Нижнюю Заимку. Это было уже после шиткинского восстания. Бич сказал, что скоро придет к нам с отрядом. Решили, когда отряд Бича будет подходить к Мамаевке, объявить по всему селу о восстании.

Белоусов Николай принес бутылочную гранату.

И вот желанный день наступил. Бич приближался. Я сел на своего Мухор-

¹ Пистолет Браунинг (№ 2) образца 1903 г. (Бельгия для России), калибр 9 x 20 мм, 7.65 x 17 мм. Емкость барабана (магазина) семь патронов (9 мм) или восемь патронов (7.65 мм).

того савраску и поскакал по селу. Приехал на почту к Ведерникову: «Восстание! Собирайте и несите оружие».

Это было в субботу (по календарю 15 марта нового стиля, воскресенье — 16-е. Согласно документам, это, скорее всего, было 16 марта, в воскресенье) (Черневский: «Нет, 15-е!». — *Е. С.*).

День был базарный, тогда базары были по субботам. Возвращавшихся с базара крестьян задерживали в Конторке, как только они переправятся на пароме (Черневский: «Зимой-то?». — *Е. С.*) из Бирюсы (?). В Бирюсе восстание еще не было поднято, но уже все подготовлено.

В народном доме состоялся митинг. Выступал Бич, после речи прочитал какое-то жалобное революционное стихотворение и сам заплакал.

Послали людей в Еловую, Енисейку и Половино-Черемхово. Пришел из Еловой Степан Петров с семьей человеками, за ним первая, небольшая группа получеремховцев, тоже человек семь, в том числе Павел Логинов.

Дня через два в народном доме совещались: Бич, я, Ильин Ганька, Козлов Иван и, кажется, Степан Петров. Решили разоружать охрану моста. Бывшие в Конторке четыре волостных охранника разбежались, возможно, что среди них были Витковский, Казанцев и др. (Черневский: «Витковского отвез часа за два до прихода Бича Пятаев Илья». — *Е. С.*).

Меня Бич отправил на Венгерку обезоружить начальника станции и сломать железную дорогу, чтобы с запада не помешал поезд. Не знаю, было ли закрытие с востока.

Со мной пошли Логинов Павел, Кавалеров Ефим (живет и сейчас в Конторке). Вез нас на Рыжке на санях старик Лазарь Власов. (Черневский: «Кавалеров, кроме себя и Насонова, называет Костецкого Исака, Необъявляющего Александра, Ильина Гаврилу». — *Е. С.*) «Неужели мы, сила народная, не сокрушим их!» — все время повторял он.

Власова с конем оставили, не доезжая Венгерки, а сами пошли на станцию. Я с браунингом и гранатой, Пашка Логинов с четырехлинейкой, длинной винтовкой, да со штыком. Вошли в станцию: «Руки вверх!».

Все в рукавицах подняли руки. Дежурный ерзает, подбирается к столу, я перерезал ему путь, полез в стол, извлекаю оттуда большой револьвер Смит-Вессон.

В другой половине жил начальник разъезда со свояченицей. Вошли — свояченица в постели, стала одеваться, хотела выйти, но мы не пустили. «Сдайте оружие!» Он собирался уезжать, и у него были упакованы вещи. Достал из сундука разобранную централку и в патронташе пули. Когда я принял от него патронташ, вывалилось несколько патронов. Начальник в страхе отскочил. «В чем дело?». — «Это ведь не простые пули, а «дум-дум»². Взорваться могут».

² Экспансивные, они же разворачивающиеся пули, или пули «дум-дум». Конструкция этих пуль предусматривает существенное увеличение диаметра при попадании в мягкие ткани для повышения поражающей способности и/или уменьшения глубины проникновения. Соответственно, экспансивность — способность пули расширяться, увеличивать свой диаметр при попадании в мягкую среду. Существуют различные конструктивные решения, способные обеспечить такое поведение пули.

В здании орудовали я и Павел Логинов. Кавалеров дежурил у дверей на линии, следил за сигналом — выстрелом, который Бич обещал подать с Суе-тихи для возвращения. Мы со всем покончили, а выстрела нет. Уехали назад на Рыжке. Бич со своими ребятами и пленными уже в деревне, сказал, что забыл дать сигнал.

После этого создали отряды:

1-й, главный отряд — Козлова Игнатия,

2-й отряд — ...

3-й отряд — Ильина Гавриила (я его помощник),

лыжная команда — Петрова Степана.

Тут у нас были уже и енисейские ребята.

В это время был создан первый отряд под командой Матвея Критинина и Елизара Москвитина.

Вскоре началась бомбежка Конторки. Мы стали ходить на диверсии. Был я в той операции на Бирюсинском переезде, где убило Александра Семеновича Мамаева. Я участвовал в бою с красильниковцами на болоте, где мы делали завалы из ельника. В этом бою участвовали Евдоким Кочергин (?), братья Костя и Яков Москвитины. Помню одного храброго паренька-латыша. Белые уже отступают, а он выскочит и стреляет по ним.

Убитых красильниковцы похоронили прямо у линии железной дороги (Черневский: «Нет!». — Е. С.). Говорят, Красильников устроил в Тайшете молебен по убитым, а своим офицерам заявил: «Я бы десяток вас за одного красно-го командира отдал».

При майском налете белых (чехов) я стоял с отделением на западной стороне тракта, на горе у кладбища у бирюсинской поскотины. Со мной был Иван Козлов и еще шесть человек. У поскотины в окопах были чунари с красными оборочками. Они хорошо охотились на зверя, но с человеком воевать не умели. Когда чехи забросали гранатами чунарей, я сшиб из ружья одного чеха. Мы отступили, чехи выскочили на горку — и из пулемета по мосту и деревне. Тут и скосили Якова Москвитина. Я стал пробираться по задам, поймал чью-то лошадь и поскакал на ней.

Да, был еще в нашей группе нижнезаимский Малахов Василий. Я, он, Иван Козлов вместе отстреливались, пробежали мост. В этом налете осколком гранаты был ранен Георгий Евдокимович Власов.

Когда началось отступление из Конторки, я, Козлов Игнат, Ганька Ильин отходили последними, столкнулись на горе с чехами и вступили с ними в перестрелку. Они хотели отрезать обозы с населением, что шли низом по берегу. После перестрелки чехи не пошли, мы переправились через Мамаевку и вышли на дорогу. Бич митингует на Камне. Мы доложили ему обстановку. Конторка уже горит. Я зашел к отцу на пашню, взял Бурку и на нем прискакал в Нижнюю Заимку, а Бурку отправил с мужиками обратно отцу. (Мухортый, саврасый...).

Из Шиткино я отступал на Шалаево, потом в Кондратьево. Участвовал в бою на мосту через болото возле Червянки, когда туда пытались пробиться чехи (?).

Потом меня выбрали в революционный трибунал, секретарем был Комайликов. 13 ноября 1919 года меня, Жичкина, Попова Гаврилу, Короткова

Николая, Павла Савицких (с какого-то участка) и еще несколько человек отправили на Ангару по деревням для расследования действий Яна Пепула. Мы собрали много материалов. С Червянки через единственное зимовье верхом добрались до Кежмы. Оттуда на плотках до места впадения Оны (?!). Возвратились уже по льду в Шиткино.

В Кондратьево я жил вместе с Сергеем Бурловым у одной чунарки. Я играл на гармошке, а Сергей хорошо плясал. Отпляшет: «Это, бабушка, за молочко. А это за сметанку». Она все давала.

Однажды, когда мы стояли на 33-м километре в зимовье, командир отряда Костя Москвитин послал меня на разведку в Шиткино. Подъезжаем к Лапинскому парому... На паром погрузились чехи и плывут. Мы перерубили трос, и паром с чехами поплыл вниз, а мы на конях ускакали обратно. (Будка паромщика была на правом берегу, а чехи грузились с левого.)

Другой раз, тоже с 33-м километре, снова отправились в разведку вместе с Костей. Я на серой лошади, конфискованной у нижнезаимского кулака Меркурьева. Выехали к парому поздно вечером. На правой стороне у меня висит обрез, на левой — шашка. Я впереди, со мной человек семь. Серко на полной рыси. И врезался прямо в чешскую разведку на правом берегу. Кони заржали, на дыбы. Я выстрелил из обреза, огонь у самого носа. Чехи на хороших скакунах ускакали. Я лечу за ними. Оглянулся — никого не видеть и не слышать. Темная ночь — и я обратно. Приезжаю на 33-й километр — уже светло. «Ты из мертвых воскрес?» Они посчитали меня убитым и так доложили Косте.

Дело было осенью, нет, летом, т.к. Костя был еще командиром отряда.

Отдельные эпизоды и замечания

- Еще до революции я ходатайствовал перед консисторией о замене мне имени Ермил на Александр. В партизанах звался Александром Поликарповичем Насоновым, одно время носил партизанскую кличку Костромин Александр.

- В конце 1918 года я ездил в Канск и сагитировал своего брата Ивана и Калбасова Власа (оба 1899 г.р.) бежать из колчаковской армии. Они бежали, но их поймали. Выручил Плущенко Иван, наш конторский, дежурный по гарнизону, колчаковский офицер. Он просто вернул их в часть, но вскоре они снова бежали, а брат Иван сражался на Врангелевском фронте.

- Абрама и его отца Захара мы закололи штыками и спустили в прорубь в Конторке. Тогда-то Захар-младший ушел к белым и стал мстить за отца, приводил отряды в Конторку.

- Помню, когда был бой с красильниковцами, я залег под елями, укрылся ветками. Ребята мерзнут, мороз, а я снял шапку и помахиваю: «Фу, жарко!».

- В Кондратьево начальником арестного дома был некто Кондратьев, картавый, когда ему поручали расстреливать врагов, он выведет, а потом приказывает: «А ну-ка, повильнись халей». Никогда не стрелял в затылок.

- Я участвовал в чукшинском бою, но помню плохо. Кто был командиром, не припомню. Было нас немного, человек пятнадцать. Жену полковника за

то, что она нас прокляла, поддели на штыки. Это был не боевой белый отряд, а буржуазия. Мы все вернулись домой. Все верховые. Кажется, был с нами Шалыгин и Завязкин.

- Юферова звали Петром. Расстрелянного чехами Губкина тоже звали Петром (Черневский: «Нет, Иваном!»).

- Бича несли хоронить не с ворот, что были тогда с южной стороны, т.е. с Большой улицы, а с севера, через сделанный в заборе лаз. Федор Губкин, механик лесозавода, провел тайком через лес электричество, и над могилкой Бича горела лампочка (Черневский: «Он проводил электрическую лампочку над могилой брата!»). — Е. С.).

- В 1919 году я ухаживал, а позже, в 1920 году, женился на приемной дочери литовца Павлюкайтиса Иосифа Юрьевича, застрявшего в Сибири с царской военной службы и женатого на польке Анне Михайловне (Павлюкайтис). Она, Анна Михайловна, была сестрой милосердия, организовала в Конторке госпиталь. Ей было тогда лет пятьдесят. Муж ее работал в конторском штабе, но оба только до отступления, а потом жили на заимке в Соломинке, где и Федосевы. В Соломинке протекает речка Еловка, поэтому Соломинку называли еще Еловкой.

Анна Михайловна умерла в 1936 году. Она была важная и гордая барыня, не хотела отдавать дочь Зинаиду Иосифовну Павлюкайтис за меня (моложе меня лет на пять).

- Я часто бывал на съездах — документы съездов у вас есть.

- После соединения с Красной армией меня оставили ликвидировать дела ревтрибунала, документы я отвез в Нижнеудинск и сдал Бельницкому, который был тогда уже в ревкоме. До этого я видел его в Конторке. Он ходил всегда в длинной шинели.

Потом участвовал в ликвидации банды Николая Захарова — сына тайшетского купца. В банде было много румын. Когда мы брали Николая Захарова, дверь открывал первым Ванька Гуськов. С румынами из банды была тесно связана Марта Загородникова — Якущенко. Ее мы заставили вести нас показывать, где в балаганах прятались румыны в Авдюшино у реки.

- Расстрелянного Губкина звали Петром (Черневский: «Нет, Иваном!»).

- У Ельмиры был умный конь Савраска (Бурка, Мухортый).

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА ЧЕРНЯВСКАЯ

(урожденная Агапитова)

**Родилась в 1898 году, из старожилов.
Проживает в поселке Суетиха на ул. Калинина.
Беседа состоялась 10 июня 1961 года**

Мой отец, старожил деревни Байроновка, что в десяти верстах от Тайшета, переселился на Бирюсу, в деревню Старо-Шелехово, на Остров¹, когда мне было четыре года, примерно в 1902 году. На островном участке деревни Старо-Шелехово было тогда только три (четыре? — Е. С.) избы: «

- 1) Понамарева Петра (моего деда, отца моей матери),
- 2) одинокого деда Давыда (фамилию не помню),
- 3) Романовского Павла (с женой Верой и сыном),
- 4) наша, Агапитова Семена Ивановича.

В наводнение 1912 года мы жили еще на Острове (сносило дома, плыл живой и затонувший скот, Остров сильно пострадал), а вскоре после наводнения перебрались в Ново-Шелехово — это большое село из пяти улиц: Чалдонская², Хохляцкая, Орловская, Забочная (за забокой³) и Загуменная (за гумном старожилов, т.е. за Чалдонской).

В Острове к 1919 году было уже дворов двадцать, в Старо-Шелехове больше, а в Ново-Шелехове, или просто Шелеховском, еще больше. Между 1912-м и 1919-м годами новоселы Острова построили через протоку Хлам паром.

В Ново-Шелехово было всего дворов десять чалдонов, остальные новоселы. Там была церковь и базар. Церковь построена в 1910 году. Из Шелехово в Ингашет ездили бить шерсть на шерстобитку Бузыляка (Базылюка), а из Ингашета в Шелехово ходили на базар и в церковь, а также молодежь на погулянки. Еще из Шелехово на подводах ездили в Сергин⁴ за брусникой, каждый набирал по два ведра (Сергин на горе в бору). Там жил один старичок, семейный, чудаковатый. Он поставил избу не рубленную, а рассчитал

¹ Деревня Остров основана в 1911 г. На 1926 год 30 хозяйств, 164 жителя (83 муж. и 81 жен. пола).

² Чалдоны (челдоны) — первые русские поселенцы в Сибири и их потомки. Постоянное население из числа переселенцев из Европейской России сложилось в Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. (https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/573747-cite_note-berezhnova-1).

³ Забока — сиб. берег, край, обочина, лесок вдоль берега речки, озера; урема; ветвь или часть чего либо, отделившаяся вбок; речной рукав, образующий с настоящим руслом остров (dic.academic.ru).

⁴ Деревня Сергина основана в 1911 году. На 1926 год 29 хозяйств, 137 жителей (72 муж. и 65 жен. пола).

сосны, срубил как надо, ошкурил, сделал пазы — и в пазы самодельные плахи или полубревна, а может, и нетолстые бревна. Я, бывало, иду за ягодой, а он: «Ах, Ягодка пришла». Мы так его и прозвали: дедушка Ягодка.

Еще до войны ингашетская Евгения Горегляд вышла замуж за шелеховского Ермошку Грибановского, а другая ингашетская, Мария Ивановна... — за листовянского Горегляда Михаила Ивановича (они и сейчас живут в Суетихе по ул. Калинина). Листвянка⁵ — две версты от деревни Сохатовой⁶.

Мне приходилось в детстве работать в няньках у тальских богатых крестьян, и многое знаю и помню из жизни деревни Талая.

Еще когда мы жили на Острове, я, лет восьми (1906 год) жила в няньках у маминой родни, фамилии их не помню — ее звали Еленой, а его Афанасием. Потом, уже в Шелехове, лет пятнадцати, меня отдали в няньки к Семену Спириному (Семен Филимонович Рукосуев), самому богатому крестьянину в Талой. Его отец Филимон Спиридонович Рукосуев (Спиринский). У Семёна Спирина была жена Акулина да дочери: Дуня (старше меня, вышла замуж за Самолятова — Брюханова Петра Спиридоновича), вторая — как звать, не помню (сын Семен Семенович, кавалер).

Таким образом богатей Семен Спиринский породнился с другим богатеём Спиридоном Самолятовым. У последнего раньше была лавка, а когда я была в Талой, лавку он уже закрыл, а Семен Спиринский, наоборот, раньше не имел лавки, а уже после меня, перед германской войной или в войну, открыл лавку. И тот и другой имели по пятнадцать дойных коров, по три работника и прислугу. Но Семен Спиринский запрягал по восемь пар коней, а Спиридон Самолятов имел только девять коней запряжных.

Брат Спиридона Константиновича Самолятова (Брюханова), Григорий Константинович, был тоже богатый мужик, но победнее Спиридона. У Спиридона был свой сепаратор, а у Григория нет, и жена его всегда прибегала к Спиридону или его жене за сепаратором.

Рядом с Самолятовым Спиридоном жил третий богатей, Козловский или Козлов, тоже старожил. Его дочь и была женой Спиридона Самолятова, так что все три крупных кулака-лавочника состояли в родстве.

О партизанах я ничего сказать не могу, кроме того что был в Серафимовском отряде мой брат Агапитов Леонтий Семенович, фронтовик, пришедший с германской контуженным.

В 1920 году в Крещение у нас прошли отступающие белые. А перед Масляной, в том же году, я, на двадцать втором году жизни, вышла замуж за белоруса-переселенца Чернявского Гаврилу Ильича и стала жить с мужем в деревне Лука. Мой муж с отцом переселились в Сибирь, приехали в Луку в 1908 году. В 1920 году отца в живых уже не было.

⁵ Поселок Листвянка основан в 1909 году. На 1926 год 24 хозяйства, 117 жителей (54 муж. и 63 жен. пола).

⁶ Переселенческий участок Сохатовый (деревня Троицкая) основан в 1900 г. На 1917 год 65 хозяйств, 220 жителей.

О деревне Лука

В 1920 году в Луке было двенадцать домов:

четыре под горой у реки — два брата и сестра Дробушевские (Петр, Александр и Кастуся Григорьевичи), все в отдельных домах, и Антон Ковальков;

один на полугоре, на краю — Филимонов... с женой;

семь на горе, в трех верстах — Чернявский Гаврила, Чернявский Алексей Ильич, Белокопытов Игнат, Белокопытова Матрена, солдатка, Ковальков Павел, Прилипенко Илья, Дробушевская Степанида, вдова (мать тех, что жили под горой).

На горе было всем хорошо — и луга хорошие, но воды не было. Бурили колодец, но до воды так и не добрались, и место то называют Бур.

НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ АДАМОВИЧ

**Родился в 1898 году,
бывший крестьянин деревни Догадаевка (Покровка),
партизан Шиткинского фронта,
ныне колхозник, живет в деревне Троицк (Сахатово).
Беседа состоялась 4 июля 1961 года**

Мой отец Адамович Игнатий Васильевич, белорус, в 1905 году за участие в революционном движении был осужден на три года каторжных работ с высылкой в Сибирь на поселение на 18 лет. Отбыв каторгу, он прибыл в Сибирь и работал на железной дороге между Юртами и Ключами на Мозаихе, куда вытребовал свою семью из Вильно. Так в 1909 году, когда шел девятый (одиннадцатый) год, я попал в Сибирь. В 1914 году, когда началась германская война, отец перевез нас в деревню Догадаевка, где меня и застали белочешский переворот и колчаковщина.

В октябре 1918 году я вместе с односельчанами Капустиным Емельяном, Лысенко Иннокентием (мы его звали не Иннокентий, а Венцук) и Филипповым Тимофеем был призван в колчаковскую армию, и мы прибыли в Канск на призыв. Там в это время хоронили убитого 26 июля на Байкальском фронте полковника (генерала) Ушакова¹, и нас, новобранцев, специально водили посмотреть на зверства партизан: уши у него были отрезаны, живот набит опилками. Чехи плакали.

Из Канска нас направили в Иркутск, где мы проходили обработку и формирование. С нами были земляки из других соседних деревень: с Рождественки (Щетиновки) Мельников Осип, Шпак Петр, с Камышлеевки Афанасенко Алексей, с Туманшета Одинцов Иван, тальские и другие. Одинцов не дался стричься, стал буянить, и его увели в тюрьму. Ребята забунтовали, но не наши. Нашелся организатор, собрал нас человек пятьдесят идти к тюрьме, но в воротах лагеря нас задержали. Так нам и не удалось освободить Одинцова.

Всех остальных, 164 человек, одели в солдатскую форму и направили на охрану тоннелей и мостов на Кругобайкальской железной дороге. Высаживали группами, нас, всех перечисленных и других, а всего двенадцать человек, высадили между Култуком и Слюдяной. Петр Шпак был назначен начальником караула. В Култуке был наш резерв. Там же находился наш непосредственный начальник, старший унтер-офицер Виноградов, большого роста. Обращался с нами очень хорошо, и мы его уважали. Начальником всей охраны Кругобайкальской железной дороги был штабс-капитан Трофимов, тоже хорошего обращения.

¹ Ушаков Борис Федорович 17 августа 1918 года захвачен в плен красными и убит у станции Боярской (или под станцией Посольская). Вскоре посмертно был произведен в полковники.

С проходящих пассажирских поездов часто бросали неизвестные люди записки, листовки и воззвания к солдатам — бросать посты и уходить домой. С товарных поездов иногда летели в нас камни, глыбы угля. Один среди нас был с Ачинского уезда. Как-то он стоял на посту на мосту у тоннеля. Вдруг с углярки в него полетел ком угля, и убило его наповал — он слетел в Байкал.

То, что мы видели в Канске, с одной стороны, вселило в нас какую-то неприязнь к красным, а с другой, насторожило: мы узнали, что кто-то борется против контрреволюции. Арест Одинцова в Иркутске и появление среди нас агитатора за его освобождение уже зародило в нас мысль, что служить Колчаку не стоит. Теперь же мы все чаще задумывались над этим, говорили между своими, не уйти ли нам домой.

Однажды, когда мы были в караульном помещении, где и жили (казарма), увидели, что со стороны Култука едет дрезина и на ней Виноградов. Подъехал, двух рабочих, которые качали рычаг, оставил у дрезины, а сам к нам. Шпак быстро построил караул и рапортует: «Господин старший унтер-офицер...» «Отставить! — дал команду Виноградов. — Здравствуйте, товарищи!» Мы опешили. Молчим. Не провокация ли? Ведь за «товарища» давали по восемь шомполов.

«Не бойтесь, товарищи, я свой. Противна мне это форма. Я послан партией большевиков, нас много таких в колчаковской армии. Я призываю вас: уходите в лес, к партизанам. Я дам вам адреса. Кто не хочет бороться за советскую власть, пусть идет домой, но не помогайте Колчаку. Я сам тоже ухожу к партизанам». Он угостил нас «Казбеком» (?). Это было примерно в апреле, реки уже вскрылись.

После его ухода мы решили уходить. Дня через два-три собрался я и Емельян Капустин. С винтовками пробираться было опасно, сняли штыки и бросили в Байкал, винтовки за дула — туда же. Шпаку говорим, чтобы заявил о нашем побеге не раньше, как через три дня, чтобы мы успели добраться домой.

Прошли восемь верст в обход своих постов, а потом сели в товарный вагон и благополучно добрались до Иркутска. Капустин был у нас каптенармусом, часто ездил в Иркутск за продуктами, и его появление там не вызвало подозрений. Он пришел к капитану Трофимову, там украдкой наштамповал на бумаге справок, и мы сели в пассажирский поезд.

Перед Нижнеудинском — проверка документов. Был приказ Колчака: никаких справок, увольнений и командировок солдатам не давать. Боимся — решаем бежать. Проводник прошел вперед: «Приготовьте документы». За ним идут офицеры. Я поднялся и вышел в тамбур. Проводник пропустил, но хотел закрыть на ключ за мной дверь и не пустить Капустина, он пнул его ногой и прорвался. Мы спрыгнули на ходу — поезд уже замедлил ход перед станцией Нижнеудинск (здесь чаще всего проверяли документы). Спрятались за поленницу дров. Смотрим, когда остановился поезд, офицеры и солдаты бросились на вокзал, — наверное, нас ищут.

Осторожно обошли стороной — и в лес, к реке Уде. Бродим по берегу. Наткнулись на старика рыбака. Просим переплавить. Он оглядел нас несколько раз с ног до головы. Молчит. Мы опять к нему. «А кто вы такие?» — Видишь,

чай, кто (по форме). А ты кто, дедушка?» — «Гражданин, обыкновенно». — «Ну, так переплавь нас, гражданин дедушка». — «Стар я, боюсь». — «А нет ли закурить?» — «Откуда же, табачок да папиросы у Колчака, вы меня угощать должны». Достали сигареты, угостили. Сказали, что сами поплывем на его лодке, потому что нам крайне надо поскорее переплыть на тот берег. Старик, наконец, поплавил.

На реке мы ему во всем открылись. «Что ж вы, родименькие, раньше не сказали. Я бы вам харчей дал». — «Нет, дедушка, не ворочайся, некогда». — «Ну хоть табачку возьмите с собой, добрый самосад²». Он сказал, что верстах в... станция Курят, безопасная, здесь, на левом берегу Уды, не отыскивают, там можно сесть на поезд. Дед тоже открылся нам, что специально поставлен большевиками для переправы и помощи своим людям, советовал идти на Барский фронт в Шипицино.

На станции было много солдат, и на нас никто не обратил внимания. В Курятах сели на поезд и благополучно прибыли в Тайшет. На вокзале видим, наши покровские ходят в жандармской форме — Иван Жигалка (с брюшком) и Петр Ковальков (худой). Хоть и свои, а побоялись мы показываться им на глаза, пошли на базар, там покровских не нашли, а встретили авдюшинских и с ними приехали в Авдюшино, а ночью переплавились через Бирюсу и пошли в Покровку (?).

Стучу. Мать как услышала, что это я, обомлела, слышу — упала. Подходит отец: «Кто там?» — «Я, Николай».

Отец сказал, что нас уже ищут, что был недавно Бич, говорил о том, чтобы все молодые и дезертиры шли в Конторку. Мы хоронились от соседей в подвале три дня, а потом вместе с Капустинным ушли в Конторку.

Это было перед апрельским боем с Красильниковым. Я попал в разведку лыжную, командиром у нас был Павел (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Москвитин. Вместе со мной из наших в этом отряде разведки в восемнадцать человек был Иван Дорожка (Копочка), потом прибыл Лысенко, Филиппов Тимофей, Рукоусев Алексей и последний Шпак Петр.

Там уже были Влад. Сем. Можейко (покровский) и Евсеев Филипп, бывший унтер-офицер, Яков Захаров, Бонетченко Павел, Попов Митрофан (наш).

В первом бою мы пошли в разведку и обход в тыл цепи белых, шедшей на наши окопы с бирюсинского переезда, и ударили в тыл ползущей по-пластунски цепи. Побили много белых. Когда те разбежались, подобрали бинты, шомпола, шапки.

Хорошо помню, что второй бой был перед Пасхой, в пятницу (с уфимскими стрелками Красильникова). Точно! — это была пятница 18 апреля, но снег был еще большой.

² Самосад — это табак собственного посева и домашней выделки. Махорка — курительный табак низшего сорта в виде измельченных листьев и стеблей. Табак — род многолетних и однолетних растений семейства пасленовые, содержит никотин, употребляется для курения, в лечебных целях и т.д.

Когда произошел майский налет на Бирюсу, на окопы, я был в караульном помещении, направо от моста. Командир Москвитин Павел (?) вскочил на коня и перескочил мост: «За мной!» Мы бросились за ним: я и все остальные. Видим, чехи бегут из окопов. «Сдавайтесь!» Москвитина ранило в руку, и он закричал: «Спасайтесь!».

Так как силы были не равны, проскакал обратно через мостик в Бирюсу, а мы в ельник по материковому берегу протоки Озерной и пробрались в Акульшетский отряд, а оттуда в Конторку.

Через несколько дней началось наступление на Бирюсу и Конторку. Я в эту ночь стоял на посту у конторской поскотины, на тракте, с еловой стороны. Вижу на заре, идут чехи. Бросил пост, бегу в Конторку. Навстречу едет на сером коне Бич. Он наотмашь ударил меня кулаком: «Кто разрешил пост бросить?!» В это время подбежал второй постовой, со стороны Венгерки, с мельницы, — Яков Захар (покровский). Бич и на него напал: «Марш на свои посты!»

Мы побежали обратно. Вслед за нами уже бежит человек пятьдесят подкрепления, но силы были не равны. Кто-то предложил переходить протоку, т.к. дорога на заимки перехвачена чехами. Бросились кто куда. Филипп Елисеев (старый, покровский) переступил через заплот, угодил в старый колодец и в нем утонул. Осип Мельников, Яков Захаров, Попов Митрофан и Павел Банетченко переплыли протоку, и все, кроме Банетченко, сразу ушли в Покровку и больше в партизанах не были.

Я и Алексей Рукосуев забрались на гумно, в клуню³. Слышим, в деревню вошли чехи. Мы укрылись под каменкой, под полом. Лежали долго. Слышим, заходят, чужие голоса, поджигают солому на вышке — думали, что там прячутся партизаны. Постояли, видят, что никто не выскакивает, и ушли, а под каменку не заглянули. Дым, мы выглянули — клуня горит, отваливаются жерди стены. Никого нет. Вылезли, огляделись и стали пробираться на Ловинку. А чехи уже сожгли Конторку, кругом полыхает пламя, а каратели стоят за Конторкой на Еловском тракте, подбрасывают шапки вверх, что-то кричат, празднуют победу. Подошли к берегу Бирюсы, а на том берегу на плоту белые, они начали стрелять по нас — Алексей в воду.

На краю Ловинки видим сквозь пламя и дым одного человека — думали, что чех с ружьем, упали в яму, а потом разглядели, что это крестьянин крючком вытаскивает из пламени домашние вещи: самовар и др. В одном дворе лежит сгоревший боров, бок зажарился. Рукосуев отрезал кусок, съел без хлеба и соли, и сразу его пробрал понос.

Идем на Соломинку. Впереди видим, кто-то выглядывает, будто из окопчика. Думаем, это чешский пикет. Прячемся и высматриваем. Наконец разглядели, что это мужик. Подошли, он сидит в дегтярной яме и накрылся листом железа. Поднимаем — Пашка Горельченко, одноногий из деревни Еланка, сапожник. Он сапожничал в Конторке на партизан. «Алексей, это ты?» — говорит он Рукосуеву. Просит не бросать, но мы все же ушли одни дальше, не до него.

³ Хозяйственная постройка для молотбы и хранения хлеба.

Пробирались далеко от дороги болотом и тайгой между заимок, бросили ружья (у меня была берданка 12-го калибра). На другой день добрались до Нижней Заимки (в Соломинке нас задержал постовой партизан, потребовал пропуск).

В Кочергиной заимке людей не много, но Бич еще там, и с ним в штабе пожилой штабной работник по кличке Скрипка. Бич сказал, что организует летучий отряд для нанесения удара по уязвимым местам противника. Мы просимся вернуться за винтовками, Скрипка выдал пропуск и посылает на подпись к Бичу. «Домой захотели? Однако меня бросаете. С кем же воевать буду?» Мы порвали пропуску.

Он посылает нас — восемь человек, на связь в село Долгий Мост и село Апано-Ключи. Дает письмо. Велит идти через... где нам окажут содействие. Отправились я, *Банетченко*, *Журавлев* (они подошли в Нижнюю Заимку после нас) (зачеркнуто Черневским. — Е. С.), Рукосуев, Шпак и еще четыре — шесть человек, чужих. Банетченко, прибывший в Нижнюю Заимку раньше нас, на Червянку не пошел. В Червянке нас встретили хорошо. Человек снабдил нас всем, дал провожатого, который провел нас за пятнадцать верст и указал дорогу.

Но ни в Долгой Мост, ни в Апано-Ключи мы не попали. Партизан там уже не было. Пробирались мы долго, прятались то в лесу, то по деревням, пока не вышли в деревню Перевоз под Канском и попали в партизанский отряд Лыткина из армии Щетинкина. С Щетинкиным (в отряде Рогова) мы и вошли в Новосибирск, где соединились с 5-й армией, где я был в отряде ЧК⁴ по ликвидации остатков белых банд.

Забыл сказать, что во время майского боя на мосту один наш партизан, Иван Дорожка, — он жил в Покровке, но сам приезжий с запада, — замешкался в караульном помещении, чтобы починить бродни, а когда выбежал, мост уже прошли чехи, и его взяли в плен и повесили. Его настоящая фамилия Копачка, а прозвали Дорожкой потому, что он всегда говорил: «Только я пойду дорожкой в разведку».

В нашей деревне Покровка в период отступления белой армии действовал отряд человек двенадцать так называемых деревенских, домашних партизан, которые в отрядах раньше не были, а некоторые были, крепко били белых при отступлении. Этот отряд уничтожил человек шестьдесят колчаковцев на Пономаревом ручье. Отряд был связан с ингашетским партизаном из Серафимовского отряда Никанором Гореглядом. Из наших покровских в нем были:

- 1) Шиманов Павел Ст., 1893 г.р.,
 - 2) Шиманов Филипп Ст.,
- эти оба пожилые, николаевские солдаты,

⁴ ЧК, ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, действовавшая с 1917-го по 1922 год. Чрезвычайные комиссии создавались в уездах, волостях, городах.

- 3) Шиманов Егор Ст., самый младший из трех братьев,
 - 4) Можейко Владимир Семенович (эти трое заворачивали в отряд),
 - 5) Платонов Яшка, тоже николаевский солдат,
 - 6) я (???)
 - 7) Захаров Яков,
 - 8) Попов Митрофан Ларионович, 1898 г.р.,
 - 9) Одинцов Иван (туманшетский),
 - 10) Афанасенко Алексей (камышетский),
 - 11) Шиманов Василий Степанович — самый старший,
 - 12) Шиманов Антон Степанович
(из этих лиц в Бирюсе были только я, Можейко и Шиманов Егор),
 - 13) *Беляев Минка, а также Захаров, Попов* (зачеркнуто Черневским. — Е. С.).
(Шестая рота была вооружена японскими берданками (?), но патронов к ним не было.)
- Теперь расскажу три боевых эпизода: поход на Тайшет, сожжение блок-поста и казнь предателя И. Ф.

Поход на Тайшет

С вечера Бич, Скрипка и еще каких-то два командира (хорошо помню, что всего было в этом походе четыре командира, и из них только один верхом на рыжей кобыле, но не Бич, — возможно, Козлов Игнатий?) создали партизан в Бирюсе и сообщили о наступлении на Тайшет. Ставят задачу нашему Конторско-бирюсинскому отряду — захватить депо и банк, базарную площадь. Выступать в 2 часа ночи.

Выступили точно в назначенное время, 250 человек. Я в числе пяти человек (остальных не помню, чужие) пошли в разведку. Темно. Перешли мост через Тайшетку, подкрались к водокачке — никого. Но ворота на запоре. Вернулись, доложили. Бич дает команду: строиться по четыре человека с большим интервалом и переходить мост (толпой не идти!). Первые ряды уже прошли мост, вдруг с водокачки пулеметный огонь. Команда: вперед, охватить водокачку! Она опутана колючей проволокой. (Дописано позднее Черневским: «Раздается команда Козлова (или М. Критинина): «На штурм, марш!» Бич: «Отставить! Броском по 5—10 человек, но не шеренгой, по забору. Штурм безуспешный, а если пойдем на Тайшет — нас на далеком расстоянии перестреляют (на ближнем не берет, как в танке». — Е.С.).

Стало светать, вдруг слышим — в Тайшете стрельба, шум, крики, взрывы, дым. Отступили. Во время отхода через мост двоих легко ранило (дописано позднее Черневским: «Верно!». — Е. С.).

Укрылись в чаще, выставили дозор, в него попал и Филипп Евсеев. В это время с вышки стал спускаться по веревке чех. Филипп из обрезка снял его.

(Черневский: «После некоторого размышления рассказчик уточнил: перешла только разведка, а когда хотел идти весь отряд и начался пулеметный обстрел, все ринулись назад, хотели обойти мост, но вода была большая и это не удалось. Вот почему отряд вернулся. Никто из больших командиров на том берегу Тайшетки не был». — Е. С.)

У Бича был 18-зарядный маузер в деревянной кобуре. Ближайший помощник и хороший оратор Бича — Скрипка, высокого роста, сутуловатый, в тех же годах, что и Бич, или немного моложе, лет тридцати пяти. Интеллигент, чисто говорил по-русски. В черной поношенной кожаной тужурке.

Сожжение блок-поста

После неудачного похода на Тайшет решили сжечь блок-пост (там, где сейчас блок-пост Восточный). Там стояло 50 чехов, охранявших железную дорогу Тайшет — Суети́ха. Сторож сообщил нам, что по воскресеньям они оставляют человек пять-шесть, а остальные уходят в город. Рано утром пошли 32 партизана. Филипп Евсеев и Можейко подползли к будке (травы еще не было, только зеленела). Машут рукой. Подошли остальные. Окна закрыты ставнями, двери на замке. Выломали прикладами, ворвались — никого. Изломали телефонный шкаф (щит), порвали провода — все изломали. Сняли с потолка керосиновую лампу, облили помещение и подожгли изнутри, а сами отошли в березняк. В окна и в дверь вырвалось пламя. Любуемся. Но вот подошел броневик и стал поливать нас огнем из пулеметов. Мы скрылись.

Бич, получив донесение от старшего, пожал ему руку. Ожидали наступления, все было готово к отпору, но наступления не было.

(Черневский: «Мартусин говорит, что блок-пост сжигал он, Старостин Кирилл, Афанасий Соколов.

По документам, 8 мая на 1100 версте перегона Тайшет—Суети́ха партизаны разобрали ж.д. пути и разрушили телеграфную линию (сборник «Партизанское движение в Сибири», стр. 210). А еще через пять дней, 13 мая, когда бело-чехи учинили кровавую расправу над пленными участниками тайшетского наступления, на перегоне Тайшет—Байроновка партизаны разобрали железнодорожный путь и спустили под откос два резервных паровоза. На 1064-й версте (Ключи—Юрты) в тот же день сожжена железнодорожная будка, на 1065 версте разобрали пути. 14 мая на 1064-й версте разобрали 80 саженей пути и разрушили телеграф». — Е. С.)

О предателе И. Ф.

Летом 1919 года, когда еще ходили чехи, а не румыны, произошел такой случай. Жил у нас переселенец И. Ф. Я. с женой, дочуркой и отцом. Вроде болтался он у партизан, был в Бирюсе и Конторке, иногда с обозом ездил и даже в окопах был до отступления. Однажды прибегает к нам на Можейкину пашню, что в верстах в трех от Покровки, где мы, двенадцать человек, базировались, и говорит: «Я только что от Бича, он ждет вас на Лысой горе (Лысая гора находится на правом берегу Серафимовской дороги, в верстах пяти от Старо-Шелехово, через ее лысую вершину проходит дорога). Седлайте коней и вместе с рождественцами подавайтесь к нам.

Вместе с ним мы пошли в Покровку, он остался в деревне, а мы оседлали коней и с оружием поскакали в Рождественку. Там мы рождественских партизан уже не застали, они уехали в направлении Шелехово, к Бичу, как им сказал Иванов.

Подъезжаем к шелеховской поскотине, слышим стрельбу. Что такое? Но поехали дальше. Видим, из деревни к поскотине навстречу скачут конные,

чьи — не разобрать в быстрой скачке и пыли. Спрятались в кустарнике с конями. Потом разглядели: едут один из командиров Серафимовского отряда Никанор Горегляд, рождественские Петр Шпак и Осип Мельников. Мы выехали из укрытия. «Что случилось?» — «Айда в Покровку, надо не упустить И., он предатель».

Поскакали. Дорогой рождественцы рассказали, что в Шелехово их встретила чешская засада, там полно чехов, они едва удрали (позже мы узнали, что чехи прибыв в Шелехово, оцепили его и никого не выпускали, а послали Иванова с провокационной целью, он давно служил у них).

Прискакали в Покровку, прямо к дому Иванова, который жил с отцом. Федора дома нет. «Где Федор?» — «Не знаю». Рассыпались по деревне, ищем. Подходит жена Владимира Можейки, Пелагея, и сообщает, что И. сел в лодку и поплыл вниз. «За мной!» — командует Никанор. Бежим к реке, садимся в две лодки и гребем во все руки. Проплыли версты две и только тогда увидели впереди лодку и в ней И. Он тоже увидел нас, жмет на весло. Но он с одним веслом, а мы в несколько весел — ему не уйти. Стали настигать. Тогда он уткнулся носом лодки в берег, выпрыгнул — и бежать в гору. Мы за ним. Он с горы сбрасывает на нас большие камни. Окружаем гору, взбираемся на нее. На самой вершине Никанор и Шпак схватили предателя. Связали, положили в лодку и привезли в Покровку (Черневский: «Связанного Ф. приплавлили в деревню». — Е. С.).

Со связанными руками ведем по деревне. Сбегается народ. Партизанские жены больше всего кричат: «Утопить предателя!» Приводим к отцу, все объясняем. На столе лежит умершая в этот день дочь Федора. «Коли предатель, своих мужиков чехам продать хотел, отказываюсь от него», — сказал старик.

Собрался сход, объявили все. Судили тут же и порешили расстрелять. Повели за деревню. Развязали руки. По пути Федор просит зайти к шурыку Степану Михайлову выпить перед смертью стакан самогону, чтоб помирать не страшно было. Зашли, и все выпили по стакану. Повели дальше. Никанор и Шпак с наганами в руках, мы сзади. «Куда вы меня ведете?». — «К твоим друзьям чехам, они в Шелехово тебя поджидают».

Подошли к покровской поскотине, влево ельник и стежки, по которым бабы к протоке за смородиной ходили. Никанор командует: «В стега!» (значит, на тропинку). Федор вздрогнул, побелел: «Все расскажу и деньги отдам, не губите!» — «Сам хотел сотни жизней погубить, а за свою держишься. В стега!».

Федор натянул на глаза соломенную шляпу, будто приготовился к смерти. Потом поднял ее — и как бросится в ельник. Никанор выстрелил, и Иванов свалился. Когда мы его пошевелили — в шляпе было полно крови, которая натекла из уха, в которое угодил Никанор. Сначала хотели спустить в реку труп, но сбежались люди, стали просить похоронить его вместе с дочкой.

Так кончилась жизнь предателя. В кармане у него была обнаружена целая пачка колчаковских денег.

Помню, когда мы вели на расстрел И. Ф., с нами увязался Яким Николаев, который потом все время по деревне хвастался, что участвовал в уничтожении предателя.

Истребление белого отряда на Пономаревом ручье

Был еще такой случай, уже зимой, по снегу, когда отступали белые. Но, кажется, это было, когда к нам еще заходили румыны. Отряд в 60 человек на подводах шел из Тайшета через Серафимовку — Шелехово — Рождественку. С Рождественки через кирпичные сараи на Светлый (обследовали).

Рождественские партизаны сообщили об этом нам, чтобы шли наперерез, а они, с Рождественки, вслед белым. Когда белые съехали с сопки, спустились и ехали по болоту, за которым начинался Пономарев ручей, на сопку вышли мы (двенадцать человек) и рождественские Петр Шпак, Беляев Минка, Осип Мельников, Алексей Рукосуев и Бекарев Фенодей — все на лыжах. С сопки мы открыли огонь и стреляли до тех пор, пока не уничтожили всех до одного, взяли много оружия и патронов. Всех раздели, а трупы оставили в снегу (была сильная метель). До сих пор там можно найти человеческие кости.

Пономарев ручей находится ближе к Рождественке, к пономаревой пашне (рождественского мужика Пономарева).

Отдельные эпизоды и замечания

- Часто нам приходилось попадать в затруднительное положение. По субботам мы с можейкиной пашни тайком приходили домой помыться и оставались обычно на воскресенье. Это хорошо знали чехи и позже румыны, и они в эти дни особенно часто наезжали, иногда оцепляли деревню, а иногда просто станут посреди улицы на конях и оглядываются по сторонам — кто побежит, значит, партизан, тогда начинают стрелять по нему.

Так случилось с Шимановым Павлом: он бросился бежать, чехи — стрелять, гнались, но он добежал до реки, спустился под берег и таким образом скрылся. (Шимановы, или, как мы их звали, шимонята, с одной стороны с нами — из-под Вильно, они переселились в Сибирь добровольно вскоре после того, как сослали моего отца. Поэтому-то мы из Юрт и переселились в Покровку.)

- Я и Емельян Капустин пришли домой. Он женат был тогда на дочери Мохана Анастасия, детей еще не было. Появились чехи, сразу оцепили его дом, он жил с отцом. Но одно окно, в сенях, выходящее на огород, было завешано сушившимся на жердочке бельем, и его, очевидно, чехи не заметили и оставили без обзора. Емельян выставил раму, а матери сказал, чтобы она с шумом открыла дверь (чехи уже стучались). Когда мать раскрыла дверь, он выпрыгнул, но было темно — поздний вечер, и он, забыв про жердочку, ударился об нее. Солдаты услышали, всполошились, стали стрелять. Потом привязались к старикам. «Ах, боже-ж мой, — говорит старуха мать, — да это был, наверное, Лизкин, девки нашей, ухажер!» — «Обманешь, старая. Где сын-партизан?».

Забрали отца, Григория Капустина (лет пятьдесят), увезли в Тайшет, там дали ему в зад двадцать восемь шомполов — и то благодаря чехам, а белые офицеры хотели повесить.

Григорий Капустин жив, ему сейчас 92 года, а живет он в Венгерке за Турманшетом. (В Покровке они жили в самой крайней избе, напротив, как идти в Рождественку, за огородами болото.)

• На меня в тот раз не охотились. Но в другой раз я забрался в подполье в другой половине дома. Были уже не чехи, а румыны. Зашли в дом два румына: «Партизаны есть?». — «Нет».

Я и Емельян Капустин были тогда уже женаты. Я женился в 1918 году, до призыва к Колчаку, а когда был у Колчака, родилась дочь Нина.

Румын спрашивает, чей ребенок. Жена Мария отвечает, что ее. «А где отец?» — «Служит у Колчака». — «А письма пишет?» — «Пишет». — «Покажи». Показала, а письма старые. Посмотрел румын на число и говорит: «А новые есть?» — «Нету». — «Что ж он четыре месяца не пишет?» (я сбежал в апреле, а это было в августе или сентябре). «Сами горюем, может, убили давно», — вмешался старик.

Румыны попросили у отца самогона. Он сказал, что у него нет, но можно купить. Дали колчаковских денег. Отец ушел и принес четверть своего самогона. Дали сначала ему выпить стакан, — может, отравы. Потом выпили сами, напились. Запели румынские песни. А я все слышу в подполье. Винтовки стоят, патроны — взять их и уйти, но погибнет вся семья, сожгут дом. Вдруг прибегает, испуганный, и хмель прошел: «Старик, где наши ружья?» — «Да вот, стоят, как выставили». — «Ну, спасибо тебе, старик».

Моя жена Мария, по-девичьи Зайкова (Зайкова Фомы Константиновича дочь), была сестрой жены Мажейки Владимира — Пелагеи, так что мы с Мажейкой свояки. (Черневский позже: «Просидели, как бараны, в подполье!». — Е. С.)

• В Бирюсе был наш покровский Алексей Остапенко, года на два-три старше меня (лет 23—25-ти). Он собирал гильзы, набивал патроны, доставлял их в окопы. Таких подносчиков патронов было четыре человека. Из головок снарядов отливали алюминиевые ложки, пользовавшиеся большим спросом (специально делал деревянные болванки).

• Однажды приехали в Покровку человек пятнадцать белых (отступающих). В кошеве, запряженной парой лошадей, генерал с женой и адъютантом. Выставили охрану — четыре человека с пулеметом на крыльце. Мы думали, как бы их взять. Потолкались на крыльце сельской потребиловки⁵, но генерал увидел: «Разойдитесь, иначе прикажу стрелять из пулемета». Охрана взяла на изготовку.

Среди белых отступающих было больше всего уфимских стрелков. От нас они уехали в Рождественку. Стояли у богатого старожила Ильи Трофимовича в круглом доме из шести комнат. У него всегда останавливались офицеры, попы, волостные старшины, писаря и прочее начальство. Но в годы коллективизации он был первым агитатором за колхоз, внес свои машины, и его не раскулачили, уцелел.

⁵ Магазин, лавка сельского торгово-потребительского общества.

- Вообще, в селе было восемь старожильческих хозяйств, все зажиточные, держали по четыре работника. Кроме Ильи Трофимовича... это были Филимоновский Федор, Филимоновский Архип — два брата, жили отдельно с семьями, самые богатые кулаки, оба имели мельницы: Архипова мельница и Федорова мельница.

Солдатов Наум — кулак, имел Наумову заимку, держал работников. Придет время рассчитывать работника, или сам тот попросит расчет, он и говорит: «Ладно, ладно, добро, паря. Завтра поутру и рассчитаю. А ты все подготовь, езжай на заимку, приברי все в порядок, а завтра и рассчитаю». Парень старается, собирает и укладывает бороны, а Наум тут как тут — да бац его из ружья и уложит. А наутро жалуется старосте: «Вот и найми работников — обобрал и айда!». Но староста все это знал и хитро посмеивался...

Козырев Михей имел в Покровке лавочку и торговал при Колчаке.

- Чехи и румыны носили всегда с собой свечку в кармане. Зайдут по темному в избу и зажигают свечку — светят, оглядываются. У румын были русские винтовки.

- Пулемет системы Кольт тяжелый — типа Максим, на колесах, с такой же лентой, но еще тяжелей и громоздче Максима. Не быстро бил, как Максим, а медленно, реже: ту-ту-ту.

- Вокруг Покровки были такие места: Архипов ручей, Уткин ручей, Нади-на дорожка.

- Когда пришла Красная армия — все целовались. Наши года, 1898—1900, — мобилизовали. Со мной из покровских попал только один Григорьев Евгений, 1900 г.р., отчаянный гармонист.

- Нас в деревне называли не Адамовичами, а Игнатенками, по отцу.

- Антон и Василий Шимановы и с ними Соболев Алексей (старый) однажды зимой поехали за реку по дрова. Навстречу им с Луки едет верховой, белый офицер: «Есть в деревне наши?» — «Кто ваши?» — «Разве не видно?» — «Есть-есть, много». Попросили закурить. Он протянул портсигар. Антон схватил его за руку и стянул с седла. Все набросились, убили и раздели, вырубили про-рубь и спустили труп. (Когда вскрылась Бирюса, по полной воде плыли десятки трупов.)

- Однажды один колчаковский солдат забежал к Антону, чтобы тот его укрыл, пока уйдут белые, т.к. он не хотел отступать с ними. Укрыл, а когда те ушли, открыл подполье: «Вылазь, ушли ваши». Солдат только высунул голову, а Антон его топором. Вырядился в колчаковскую форму и щеголял по улице.

- Мне пришлось из Бирюсы участвовать в походе на Суетихинский мост. Мы хотели его разоружить, взять пулеметы и взорвать. Пришли, но оттуда открыли огонь из пулеметов. В последнее время чехи охраняли его тщательно, вокруг все было вырублено и опутано колючей проволокой. Так и ушли ни с чем.

- Серафимовский отряд, насколько мне известно, в тайшетском наступлении участвовал, вышел и выполнил свое задание.

- В зимнее время мы ездили на Тайшет через Рождественку — Луговское — Софронову заимку.

• В четырех верстах от Покровки в направлении Рождественки через протоку был висячий мост.

• Софронов Иван (Иван Рыжий) никакого участия в партизанском движении не принимал и ни чем себя не проявил — ни с хорошей, ни с плохой стороны. О том, что Бич у него останавливался, мне ничего не известно, и слухов об этом на деревне не было.

• Отец партизана Захарова Якова, наш покровский Захаров Иван, сам участия в партизанах не принимал. Живет в Енисейке. Николаевский солдат. Сейчас лет семьдесят.

• Ничего о Михаиле Жичкине, да и его самого, я не знаю, о таком ни в Бирюсе, ни в Покровке не слышал.

• Когда отец работал в Вильно кочегаром на бумажной фабрике, мы жили с ним в фабричном поселке, в двух верстах от Вильно.

• В 1918 году я женился на дочери нашего покровского крестьянина Зайкова Фомы Константиновича Марии.

• Значит, в колчаковской армии 1 октября 1918 года были партизаны: покровские:

Адамович Николай Игнатьевич, 1898 г.р.,

Капустин Емельян Григорьевич, 1898 г.р.,

Лысенко Инн. (Венцук),

Филиппов Тимофей —

попали все на охрану моста Байкальской железной дороги и позже дезертировали,

Марщенко Николай,

Кондратьев Афанасий,

Ковальков Николай,

Софронов Ананий,

Николаев Кузьма (погиб уже при отступлении белых, где-то у Решот) —

все они попали в другие части, и ни один не вернулся, погибли у Колчака;

рождественские:

Мельников Осип Григорьевич,

Шпак Петр Онуфриевич,

Рукосуев Алексей (Михайлович?),

Беляев Минка (Михаил Игнатович) —

эти все попали с нами на Кругобайкальскую железную дорогу и потом дезертировали;

Афанасенков Алексей — камышлеевский, не с нами;

Одинцов Иван — туманшетский, его арестовали в Иркутске.

(Черневский: «Таким образом, с Адамовичем вместе у Колчака на Кругобайкальской дороге служили: Адамович, Капустин, Мельников, Шпак, Рукосуев, Беляев, Лысенко (Лысенок), Филиппов». — Е. С.)

В Бирюсе и Конторке в партизанских отрядах из них были:

Адамович Николай,

Капустин Емельян,

Лысенко Иннокентий (Лысенок, Венцук),

Филиппов Тимофей;

рождественские:

Мельников Осип,

Шпак Петр,

Рукоуев Алексей,

Беляев Минка,

т.е. все бывшие вместе у Колчака;

и, кроме них, не бывшие у Колчака и прибывшие в Бирюсу раньше нас:

покровские:

Мажейко Владимир Семенович (старше Адамовича года на три (1895?), николаевский солдат, женился раньше Адамовича, свояки),

Евсеев Филипп,

Захаров Яков Иванович,

Банетченко Павел,

Попов Митрофан Ларионович, 1898 г.р.,

Копочка (Дорожка) Иван,

Остапенко Алексей,

Шимонов Егор Степанович, 1898 г.р.,

(Черневский: «В последнем рассказчик сомневается. — Е. С.).

Но не все попали в Бирюсу в один отряд или взвод. Вместе с Адамовичем во взводе лыжной разведки Ильи Павловича Москвитина (Черневский: «А не Павла Москвитина, как говорит рассказчик». — Е. С.) из них были:

Адамович Николай,

Банетченко Павел,

Захаров Яков,

Попов Митрофан,

Рукоуев Алексей (живет сейчас в Сергино, или Соляной, или в Тайшете),

Копочка (Дорожка) Иван.

(Рукоуев Алексей высокого роста, белобрысый, хороший охотник. Когда он и Адамович прятались в горящем гумне (риге), он уговаривал Адамовича стрелять друг в друга.)

Остальные попали в другие отряды и взводы (Евсеев, Капустин, Можейко — в окопах, Остапенко — по боеприпасам и т.д.).

После отступления все дезертировали сразу, кроме Адамовича, Рукоуева и Банетченко, которые дошли до Нижней Заимки, а затем тоже разбежались.

В деревне Покровка, в составе местного отряда в двенадцать человек были (скрывались на можейкиной пашне и временами совершали налеты на отступавших колчаковцев): руководитель Шиманов Павел Степанович,

Шиманов Филипп Степанович,

Шимонов Антон Степанович, самый старший, —

все трое пожилые, николаевские солдаты,

Шиманов Василий Степанович,

Шиманов Егор Степанович, самый младший, 1898 г.р.),

руководил Можейко Влад Семенович,

Платонов Яков, пожилой, николаевский солдат, моряк-фронтвик, 1894 г.р., призыва 1915-го или 1913 года),

Адамович Николай,

Захаров Яков,
Попов Митрофан Ларион, 1898 г.р.,
Лысенко Иннокентий,
Банетченко Павел.

**А. Ю. Черневский: указатель других фамилий,
встречающихся в воспоминаниях Адамовича**

Адамович Игнатий Васильевич, отец рассказчика, урожденный с. Козьяны, в 20 верстах от г. Вильно, сосланный на три года каторжных работ в Сибирь за участие в революционных событиях 1905 года на Виленской бумажной фабрике и на 18 лет последующего поселения. Каторжные работы отбывал в Юртах и на Мозаихе, между Юртами и Ключами, будучи прикован к тачке на строительстве вторых путей в 1905—1907 гг., а затем поселился в деревне Покровка (Догадаевка).

Адамович Зинаида Ивановна — мать рассказчика.

Адамович (урожденная Зайкова) Мария Фоминична, жена рассказчика.

Адамовичи: Аркадий, 1901 г.р., Елена, 1903 г.р., Фиса, 1905 г.р., Игнатъевичи, брат и сестры рассказчика, жили все вместе, при отце.

Алексеев (Филимоновский) Александр Архипович (Санька), сын кулака Архипова Филимоновича Алексеева, убивший в годы советской власти бывшего партизана Шиманова Василия, за что был осужден к расстрелу с заменой на десять лет заключения, из которого не вернулся.

Ушаков — полковник, командир 2-го и 3-го Томских белогвардейских полков, один из ближайших сподвижников *Колчака* (зачеркнуто. — Е. С.) и помощников Гайды, убитый при разгроме этих полков 26 июля 1918 года советскими частями Байкальского фронта под общим командованием Хлебникова при поддержке прибывшего из Читы бронепоезда с командиром Пулятиным — в районе ст. Мурино. Через несколько месяцев — в конце сентября или начале октября — белогвардейцы откопали его труп и с пропагандистско-провокационной целью возили по городам, в частности в Канск, и демонстрировали «зверства большевиков» (см. стр. 306—307 в книге «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии»).

Виноградов — унтер-офицер колчаковской армии, большевик, призвавший своих подчиненных солдат на охране Кругобайкальской железной дороги уходить к партизанам.

Трофимов — штабс-капитан Белой армии, начальник охраны Кругобайкалки с резиденцией в Иркутске.

Жигалка Иван, Ковальков Петр — покровские крестьяне, служившие при Колчаке в железнодорожной жандармерии на станции Тайшет, умерли.

Москвитин Илья Павлович (Майковский) — полчеремховский партизан, командир отряда лыжной разведки в количестве восемнадцати человек, в который входили Адамович и его земляки. Был ранен в руку при белочешском налете в мае 1919 года. Начальник штаба Шиткинского фронта в июле 1919 года. Умер от гангрены легкого зимой с 1919 года на 1920-й и похоронен в деревне Кондратьево.

Горельченко Пашка — еланский крестьянин, был в Конторском отряде сапожником. Одноногий.

Бич Иван Андреевич.

Скрипка — адъютант и помощник Бича, фамилия партизанская, настоящая не установлена (Розенталь?).

Козлов Игнатий Моисеевич — командир Конторского отряда, один из командиров неудачного похода на Тайшет.

Горегляд Никанор Лукьянович — один из командиров Серафимовского отряда, вместе с Петром Шпаком осуществивший поимку и казнь предателя Федора Иванова.

Иванов Федор Яковлевич — покровский крестьянин, предатель, казненный партизанами.

Можейкина Пелагея — жена партизана Владимира Можейки, сообщившая партизанам о бегстве предателя Федора Иванова на лодке вниз по Бирюсе.

Михайлов Степан — покровский крестьянин, шурык⁶ предателя Федора Иванова.

Николаев Яким — покровский крестьянин.

Капустин Григорий — покровский крестьянин, отец партизана Капустина Емельяна, арестованный румынами (или чехами) и получивший 28 шомполов, ему было тогда лет пятьдесят. Сейчас 92 года, живет в деревне Венгерка за Туманшетом.

Филимоновский Федор (Алексеев Федор Филимонович), Филимоновский Архип (Алексеев Архип Филимонович), Солдатов Наум — старожилы-богачи Покровки (кулаки, мельники, лавочники, всегда гуляли вместе и поддерживали друг друга на сходах).

Буренков Сергей — просол, мясник, скупал скот, торговал мясом в Тайшете.

Григорьев Евгений, 1900 г.р., — покровский парень-гармонист, мобилизованный вместе с Адамовичем в 1920 году в Красную армию. В партизанском движении участия не принимал.

Соболев Алексей — пожилой крестьянин из Покровки, участвовавший вместе с Антоном и Василием Шимановыми в ликвидации белого офицера.

Захаров Иван — покровский крестьянин, николаевский солдат, в ту пору лет двадцати семи, отец партизана Захарова Якова Ивановича (???), живет сейчас в Енисейке.

Зайков Фома Константинович — тесть рассказчика.

Капустина Елизавета Григорьевна — сестра партизана Емельяна Григорьевича Капустина, девушка.

Гредюшко... — со Светлого, был у Колчака, бежал под Нижнеудинском, поймали, всыпали шомполов, вернули в часть. По прозвищу Боровики — низкие, коренастые.

Капустина Анастасия — дочь крестьянина, по-уличному прозвище Мохан, Моханова, жена партизана Емельяна Капустина.

⁶ Шурын — брат жены.

Бывший житель той же деревни Покровка Попов Онуфрий Ларионович, брат партизана Попова Митрофана, в числе покровских партизан называет только следующих:

Захаров Иван (Адамович отрицает),

Шлапунов Яков (Адамович допускает),

Платонов Яков (Адамович отрицает),

Шиманов Филипп (Адамович поддерживает его участие только в своей деревне, но не в Бирюсе),

Евсеев Филипп (Адамович подтверждает),

Попов Митрофан (поддерживает),

Капустин Емельян (Адамович поддерживает).

Поповы никогда в Светлом не жили.

Портрет рассказчика: высокий, нормостеник⁷, несколько флегматичный, говорит с белорусским акцентом, растопыривая руки, полусогнутые в локтях. Губы толстые, нижняя слегка отвисает.

⁷ Нормостеник — человек со среднестатистической фигурой, можно даже сказать, с атлетическим телосложением. В жизни это люди, стремящиеся к лидерству, поэтому общаться и быть на равных им очень трудно.

ЕФИМ ВАСИЛЬЕВИЧ КАВАЛЕРОВ

Родился в 1891 году, бывший партизан, ныне живет в селе Конторка, где и состоялась беседа 29 июля 1961 года

В 1914 году был призван на германскую войну, а в 1915 или 1916 году вернулся по ранению с двумя лычками (унтер-офицер) за отличие. В 1916 году женился на переселенке из деревни Средний Ужет Прасковье Кузьмовне Швецово́й. В 1919 году у них уже был сын Федотка, которого крестил в моленной доме глухой поп Егорий.

Как только приехал Бич и открылся фронт, он один из первых пошел добровольцем (в подполье не участвовал, но слышал о готовящемся восстании).

» Вместе с Ермолаем Носоновым, Исаком Костецким, Александром Необъявляющим и Гаврилой Флегонтовичем Ильиным, а всего шесть человек, поехали в Венгерку разоружить охрану. Не доезжая Венгерки оставили лошадей и сани с... (Черневский, позже: «Власовым Лазарем». — Е.С.) на лугах, а сами пошли пешком. Когда я вбежал в комнату, где жил начальник станции, там была женщина. Я сказал: «Сдайте оружие, какое есть». А она дает мне балабайку...

После этого ходил в разведку в Конторке с Ильей Макаровым на Ларинскую (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Рукоосуева мельницу.

Штаб первое время находился в доме Гаврилы Романовича Неизвестных, на западном конце Конторки (а Иннокентий жил в Ловинке), затем он перешел в Народный дом, принадлежавший до революции 1917 года винопольщику из Канска Романову. Рядом с ним раньше жил поп Лев.

Вскоре меня перевели в Бирюсу. Оттуда ходил на второй налет на Суети-ху. Со мной тогда тоже были Александр Необъявляющий, Исак Костецкий и Иван Козлов, но я только рубил телеграфные столбы и рвал провода.

Участвовал в бою с красильниковцами на болоте, где командовали Константин Москвитин, Матвей Кретинин, Федор Черненко. Жичкина на болоте не было! Думали, что главный бой будет на горе, а Красильников повел главные силы болотом, желая зайти в тыл окопам. Яков Москвитин командовал на горе.

Курсив (В числе участников рассказчик называет все время одних и тех же лиц: Александра Необъявляющего, Исака Костецкого, Ивана Козлова, а также Михаила Ильича Федосеева (ловинского), Михаила Игнатовского, Пимена Проскуракова и Дмитрия Серебрякова.)

Все они лежали в снежных окопах, а в лыжном рейде не участвовали, кроме Черненко. Часто ходил на посты. Был на посту в день налета в мае. Я, Исак Костецкий и кто-то третий, убегая с горы, не добежали до моста, а свернули в ельник влево (к болоту), а Ельмора — вправо. Мы трое, что ушли влево, на лодке переправились на Старину — так звали остров Старицин, или Старицкий.

Ходил я и на Тайшет, с нами Бич, Козлов Игнат, Исак Костецкий, Необъявляющий Александр (его партизанская фамилия была Коновалов), но с водокачки нас встретил пулемет. Бьет далеко, а наши 12-калиберные берданки с самодельными пулями летели не далеко, и мы не стреляли, вернулись.

После майского налета (или после сожжения?) я ушел в Средний Ужет, к тестю Кузьме Швецову, но при появлении чехов или румын скрывались. Однажды я, Орлов Федор (а кто такой Софрон Орлов?), Симонцев Денис (оба среднеужетские) и Ефим Болдовский с Болдовки наткнулись на чехов (Черневский: «Не чехи, а румыны. Когда это было?»). — Е. С.) и разбежались: я на свою заимку, а они на Тракт-Ужет (все трое бежали от Колчака). Их всех поймали в Тракт-Ужете и казнили в Нижней Заимке, где расстреляли разрывными пулями (страшно разворотило черепа). Их вели Л.И. и борисовский Ж.И. Л.И. промолчал, борисовский указал на меня: «Знакомое лицо» (???)

В Ильинскую пятницу я пришел в Верхний Ужет. Со мной были Архип Коршунов и Прокопий Рученко, конторский партизан.

(Архип Тихонович женат был тогда на второй жене, Афросинье, у них было много детей, в том числе Семен от первой жены, — четыре девки и два парня. Его жена Афросинья жива, живет в Тайшете одна, ее адрес знает бухгалтер типографии Валя.)

Мы узнали, что там румыны, и бежали в тайгу, в Средний Ужет. Там встретили румын (??). Архип вершой ускакал в Верхний Ужет. Потом я с ним пришел к партизанам на гору за Тракт-Ужетом (???), но Архип опять ушел на свою пашню у Соломинки. Там его вместе с Власовым поймали, но это уже после боя в Верхнем Ужете.

А в Верхнем Ужете хозяина дома, из которого стреляли партизаны, Штогаева Николая (старик, его сын Иван Штогаев был партизан) и другого верхнеужетского, Ивана Созонова (молодого, лет двадцати восьми), румыны казнили. Штогая (Штогаленка) не то засекли плетью насмерть, не то поддели на штыки, потому что он не признался, что из его окна стреляли партизаны. У старика жил конторский продавец, ему велели вынести все вещи, швейную машинку, а дом подожгли.

С партизанами в том доме были две девушки, кажется, Мотя Костецкая и Екатерина Пятаева, нет! — Дуся Вербинцева. (Черневский: «Петров говорит, что были Грызлова и Мария Рожкова, а Пятаев называет Марию Рожкову и Дусю Швайдецкую, что более достоверно, т.к. Грызлова его жена и сама это отрицает». — Е. С.)

Отдельные эпизоды и замечания

• Когда, еще в период подготовки восстания, приезжал в Конторку Бич, староста Абрам Захарович Лубнин, пронюхав, поехал в Канск к брату офицеру Захару Захаровичу. За это его с отцом арестовали и направили в Нижнюю Заимку, а позже расстреляли. Вместе с ним взяли кулака Алексея Сергеевича Сидорова (Сергеевского) — из самых богатых на селе. Сидоров Сергей, живший вместе с сыновьями Дмитрием (старший) и Алексеем (младший), имел

два своих амбара да у соседа снимал пятистенные амбары, 30 дойных коров. Все пашни по тракту к Еловой, так называемый Қривляк, были их. Но Алексея Сидорова отпустили.

Сидоровы — Сергеевские все время стояния отрядов в Конторке и Бирюсе обеспечивали их хлебом, мясом. Хлеб из их амбаров вывезли в другие отряды. Сидоровы жили на границе Конторки и Ловинки, но входили в Конторку. Их дом стоял на берегу протоки у самой Ловинки. Это не Грызловы!

- У Иннокентия Неизвестных в доме была лавка, но только до партизанщины.

- В партизанские годы паром был уже на том месте, где и теперь, а в Ловинке много раньше (Черневский: «Жена рассказчика говорит, что, когда она вышла замуж в Конторку в 1916 году, паром был уже на этом месте». — Е. С.).

- Попом был в молельном доме (в лиственничной роще, где раньше была церковь) глухой отец Егорий, а жил на Тарае. Он и крестил их Федотку. Его дочь Аксинья Егоровна вышла замуж за старика — отца Необъявляющего Александра Никаноровича. Молитвенный дом сожгли в 1919 году чехи.

- Посреди Конторки, на северной стороне, недалеко от церкви, были общественные амбары, там в сторожке жил сторож Мутовин Василий Давыдович. Там же построился Николай Филиппович Федосеев и др. Этот проулок назывался Мутовинской улицей.

- Из еловских был в партизанах Кондратий Журавлев.

- Чунари, находясь в окопах, разувались, снимали чирки и развешивали сушить портянки. Белые стреляют, а они спокойно болтают: «От, паря, как щалкают...»

- При штабе в народном доме во дворе была партизанская кухня и баня (напротив нынешнего магазина).

- Уже зимой, с 1919-го по 1920 год, через Средний Ужет проезжали чехи на Шиткино со сложенным, свернутым оружием. Человек пятнадцать ночевали в доме Кузьмы Швецова, отца Прасковьи Кузьмовны, в то время, когда она и ее муж Кавалеров жили у тестя.

- Леоновы (Соловьевы): отец Глеб Павлович и его сыновья Шурка, Николай и Трофим — жили вместе, там, где теперь школа, а старик Павел Леонов жил отдельно. Там, где теперь правление колхоза (бригады), был дом Москвитина Михайлы, но его в живых уже не было, и там жил Федор Михайлович Москвитин, партизанский фельдшер. Его брат Леонтий Михайлович Москвитин служил до конца у Колчака, а в советские годы — в ГПУ.

- Ильин день 20 июля по старому стилю или 2 августа по новому.

- Из Климовых никогда никто в партизанах не был.

- Куча в Сибири зовется аир (скорее всего, по-белорусски).

- Когда я уходил в партизаны, жена Прасковья не пускала.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ГОРЯЕВ

Родился в 1895 году, старожил деревни Конторка, бывший партизан.

Ныне живет в Суетихе, на станции Бирюса.

Беседа состоялась 2 августа 1961 года

А. Ю. Черневский: Я очень рад с вами познакомиться, очень долго разыскивал и ждал вас, т.к. вы последний из живых участников похода отряда Бурлова на Ангару, и после беседы с тремя другими участниками — Проскуряковым, Золотухиным, Михайловым — беседа с вами должна окончательно разрешить ряд сомнений относительно состава отряда Бурлова, посланного из Шиткино. «

И. Г. Горяев: Я обижен жизнью, поэтому мне не хотелось приходить к вам. Я воевал до полной победы советской власти, но сейчас мне нечего есть, я лишен всяческой помощи.

А. Ю. Черневский: Иван Григорьевич, я наслышан об этом, и в этом некого винить: государство платило пенсию, и приличную, чуть ли не в тысячу рублей, вашей жене как за погибшего на фронте, а сообщение о вашей гибели оказалось ошибочным. Поэтому вас и лишили пенсии...

И. Г. Горяев: Но я не жил с женой и не знал, что она получала пенсию.

А. Ю. Черневский: Обиды с вашей стороны несправедливы, я, к сожалению, не могу ничем помочь вам. Ведь вы писали в высшие инстанции. Теперь можете хлопотать о пенсии только по старости или инвалидности. Прошу вас все же поделиться своими воспоминаниями для общего дела воссоздания истории Шиткинского фронта.

И. Г. Горяев: В 1918—1919 годах, уже по снегу, я был призван в колчаковскую армию, в г. Канск.

Вместе со мной были призваны и служили в Канске мои односельчане:

- Тимка Москвитин (умер в Конторке в начале партизанского движения от туберкулеза, после того как дезертировал от Колчака),

- Ленька Степаненко (конторский сирота, рос у людей, бежал от Колчака, как и Тимка, вместе со мной, был партизанам),

- Сидоров Павел Сергеевич (Грызлов) (1895 г.р., вместе с нами бежал от Колчака и стал хорошим партизаном),

- Серебренников Николай (1895 г.р., тоже),

- Ильин Иван Флегонтович,

- Ильин Корнелий Флегонтович (1895 г.р.),

- Игнатовский (Маланьин, по матери вдове Маланье) Николай (1895 г.р.),

- Лубнин Захар Захарович (1895 г.р., ставший потом офицером).

После неудачного восстания (декабрь 1918 года) мы прятались у Пузанова Михаила, бывшего конторского, что жил в Канске в военном городке. Нас было трое: я, Павел Сидоров и Тимка Москвитин, нет, был и четвертый — Николай Серебренников. А от него через Кан — на ближайшую станцию и приехали в Конторку, откуда я ушел в Шиткино, и там, в Нижней Заимке, Константин Москвитин дал первый бой группе белых в пять человек (???)

Затем прибежали и другие. Когда в Конторке открылся фронт, мы все вступили в партизаны, я ходил на диверсии — Арсений Бич дал нам ключи для разболтывания (вывинчивание болтов) рельс. Участвовал в бою с красильниковцами на болоте, вместе со мной был Николай Игнатовский. Когда белые стали бить из пулеметов по своим со стороны Суетиhi, т.е. с карьера (передовая цепь обстреляла вторую цепь, думая что это партизаны в рез. лыжного маневра, а когда все в панике бросились назад, по ним ударили свои с тыла, чтобы не отступали), мы вытащили из снега шесть трупов белых, раздели их, Николай Игнатовский их изрубил на куски, а сам оделся в английскую шинель колчаковцев.

В походе на Тайшет я тоже участвовал, но его провалили из-за того, что в подвале у Мамаева нашли мед и стали его есть, пришли поздно и нас обстреляли с водокачки из пулеметов.

В майском наступлении я был на горе и успел бежать, переплавился у старого парома.

Примерно в то же время или вскоре после этого двое наших партизан, Белоусов Павел и Самойлов (из Синякино¹), попались в плен к чехам, их отправили в колчаковскую армию. Самойлов снова перешел к нам где-то на Илеме или Лене, а Белоусов — в Иркутске.

Отступал из Конторки я одним из последних, до Белого камня, шли вместе с Бичом и Василием Малышевым (мой дядя), в Ловинке под полком в бане Игнатовских спрятали часть документов. На Камне Бич отбился от нас, мы услышали выстрел, подумали, не он ли кончил с собой — поискали, не нашли и вдвоем подались дальше. Бича я после этого не видел.

Из Шиткино я отправился с отрядом К. Москвитина на Ангару, а когда мы возвращались, Москвитин, не зная, что творится на Шиткинском фронте, и допуская, что придется уходить на Тасеево, решил взятые в операции и у купцов товары не везти с собой в Шиткино, а оставить во Дворце, а меня одного поставил их охранять, т.к. близко никаких белых отрядов не было. Но вскоре прибыл от них нарочный Сорокин с предписанием плавить груз вниз по Ангаре. Мы стали плавить. Вслед за этим догоняет новый нарочный, фамилию его не помню, и сообщает, что надо везти товары в Червянку.

А. Ю. Черневский: Громов Михаил?

И. Г. Горяев: Громов? Да, Громов.

Как я попал в бурловский отряд. Привезя груз в деревню Червянка, мы двое (я, Горомов Степка, нарочный) стали ждать последующего распоряжения. Вдруг приезжают пятеро конных с Баерского фронта, и в том числе одна женщина: Пелагея Страус. Не предъявляя нам никаких документов и полномочий от штаба Шиткинского фронта или от наших командиров, они потребовали передать им все товары и следовать вместе с ними на Ангару.

¹ Деревня Синякино. По данным на 1917 год, хутор деревни Ловинской, 19 старожильческих хозяйств, 3 переселенческих, 119 жителей (58 муж. и 61 жен. пола).

Мы отказались. Тогда они заявили, что нас никуда не отпустят, арестовали и продержали сутки под арестом.

Видя такое положение, мы тайком оседлали лошадей — и летим в Шиктино. В Березово встречаем весь штаб и все отряды, в том числе и своих командиров — Москвитина и Евдокима Кочергина. Экстренно создается отряд под командованием Николая Бурлова, которому поручается нагнать и обезоружить баерцев. Мы даже не успели поесть и вместе с отрядом Бурлова едем в Червянку.

Я заверяю и подтверждаю, что в этот отряд вошли мы трое, все указанные Золотухиным, Проскуряковым и Михайловым тринадцать человек, а также Рупасов — Окладников Иннокентий, Горенский Георгий (Егорша).

А. Ю. Черневский: Но ведь тогда получается не 15, а 18 человек? А отряд Бурлова состоял из 15 человек.

И. Г. Горяев: Мне помнится, что он состоял из 25 человек, но возможно, что из 15-ти. Значит, нас троих в том числе не учитывали, поэтому с нами и было 18 человек.

Когда мы прибыли в Червянку, там ни товаров, ни баерцев не оказалось, и мы пошли преследовать их дальше, прибыв во Дворец, нашли их там. Еще в Червянке крестьяне рассказали, что часть товаров баерцы раздали крестьянам, а часть увезли с собой. Я хорошо помню, что среди товаров были: швейные машинки, лисьи дохи, 18 тюков чая, мануфактура и бочка пороха — специально для того, чтобы все подорвать, если будет опасность. Мне лично еще Евдоким дал велосипед (Громов, с велосипедным подсумком). Чем все это кончилось, я плохо знаю, а как произошло объединение отрядов, вам известно.

На Ангаре, до соединения со Зверевым, мне пришлось участвовать в следующих операциях: в казни трех шпионов связи, которых мы расстреляли за деревней Заимка 17 августа, в том числе одного цыгана. Я расстреливал высокого белого мужика лет восьмидесяти, а Гошка Михайлов — цыгана.

Там же, в Заимке, произошел такой случай: на горе стояла церковь, Федор Прокопьев (Федька Селифанов) забрался на церковь и принес кружку поповскую с керенками.

Там же, в Заимке, я, Гошка Михайлов напились пьяными, и Бурлов за это послал нас в разведку. Это было вскоре после того, как мы прибыли в Заимку, еще до разоблачения, поимки и казни шпионов.

А. Ю. Черневский: По документам, отряд прибыл в Заимку 20 июля, а разведка из шести конных и пяти пеших была послана в Кежму 26 июля.

И. Г. Горяев: Разведка состояла из пяти конных и шести пеших, а не наоборот. В конную разведку попали я и Егорша Горенский, начальник конной разведки Карл уже в годах, не латыш, а скорее грузин, черный (Черневский дописал позже: «Марийский». — Е. С.). Нет, учитель молодой был начальником разведки, его помощник молоденький Иван — фамилии не помню ни того, ни другого.

Разведка выехала на лодках вверх по Ангаре. До Кежмы было 45 верст. Из расспросов крестьян в Кежме стало ясно, что белых нет. Летим верхом на всех парах: впереди Карл, за ним Иван, я третий. Из недостроенного дома на краю деревни (села) огонь, Карл падает раненный и стонет, Иван тоже падает

вместе с конем, т.к. под ним ранило коня. Я не успел повернуть и осадить коня — проскочил мимо, свернул в переулочек, чтобы скрыться в лесу, но перед поскотиной мой конь поскользнулся в луже и упал, а я перебежал — и бежать в лес. Навстречу мне летит Егор Горенский. Он хотел стрелять в белых, но я машу — не надо, уходи в лес. Вышли, сошлись со своей пешей разведкой и вернулись в Заимку.

Таким образом, у нас был потерян только Карл. Его взяли раненым в плен, допрашивали, но он держался стойко, его расстреляли. Иван уполз в полегшую пшеницу и там спрятался. Пролежал сутки, т.к. белые наблюдали за тем местом, куда он скрылся. Когда сняли наблюдение, он пришел в Заимку и рассказал, как Карл просил увезти его, пока не схватили белые.

Вспоминаю точнее: первый скакал Карл, за ним я, за мной Иван. Когда застава дала первый огонь, ранило Карла, а я проскочил, вторым залпом убило коня Ивана. (Черневский: «О Карле и Иване говорится в документе, что неизвестно — живы они или нет, т.к. Иван вернулся уже после составления донесения Бурлова, а среди убитых трех лошадей поминается и конь Горяева, брошенный у поскотины». — *Е. С.*)

Вот после этого и были пойманы шпионы, передававшие нам ложные сведения, и мы их расстреляли 17 августа.

Когда получили весть о восстании в отряде Мамаева и соединились с Зверевым, был только один офицер (прапорщик) Никольский, которого не расстреляли.

Помню, Бурлов пересек пополам шеренгу своего отряда (объединившегося тогда с Пепула — Баженова — Антонова отрядом), а Зверев пересек своих — и из двух половин первой и второй шеренги был образован один отряд, а из двух половин других — второй отряд: Бурлова и Зверева, под общим командованием Бурлова. Я дошел до Иркутска с отрядом Зверева.

Там мы — а я был любитель выпить и часто нарушал дисциплину, за что не раз подвергался взысканиям, — погуляли на Ушаковке в кабаках, в частности был там кабак «Тайшет». У меня был маленький, но умный монголка Васька белой масти. Я променял его одному казаку на чешского здорового буланого жеребца. (Черневский: «Горяев ехал верхом на громадном буланом жеребце, мотая охмелевшей головой. За плечами болтался карабин. «Иван, чьего жеребца подцепил? А где твой Васька?» — «Казаку променял да еще четверть самогонки в придачу взял...» — *Е. С.*)

В кабаке мы по карточкам выбирали себе девочек. Водку в кабаке продавали в бутылках, которые мы называли сороковушками.

Мы, в том числе и я, а также отряд Каландарашили, охраняли Колчака, его любовницу (она даже подмигивала нам в очко — в глазок), Пепеляева и палача-китайца.

Отдельные эпизоды и замечания

- У Игната Козлова, о боевых заслугах которого мне сказать нечего, была карая кобыла.

- У Якова Москвитина, очень хороший командир, был колыт, а не маузер (Черневский: «Нет, маузер!». — *Е. С.*).

- Чехи в майском налете были сначала шрапнелью, и потом из пулеметов.
- Конторский Глуценко Иван, сын путевого обходчика, служил давно и был офицером в Канске, не вредный, конторских всегда выручал, в деревне не шkodил. А Захар Лубнин был призван вместе с нами, попал с Ксенофонтом Толстихиным в учебную команду, потом стал офицером и приезжал со своим отрядом в Конторку после сожжения.

- Шиткино и в Нижней Заимке я скрывался вместе с синякинским Михайловым Иваном и конторским Харьковым Степаном. После стычки Москвитина с белыми мы через Коновалово — Синякино (двое) вернулись в Конторку, где вскоре и поднялось восстание.

- Моя сестренка Любовь Григорьевна Горяева с первых дней пошла в партизаны и была в госпиталях. Она сейчас живет на востоке и получает партизанскую пенсию.

- Партизанами были синякинские Иван Михайлов, Самойлов (был в лыжной разведке в Бирюсе), Харьков Степан (конторский, сейчас живет в Тайшете), Ленковский... Был еще один партизан конторский, из приезжих, у него была только мать, жили в Ловинке. Он случайно зарезался своим складешком — складной нож, упал, напоролся и умер.

- Мой отец приемный сын богатого мужика, татарина-выкреста² Ивана Горяева, по отчеству... Бабку звали Харитинья Алексеевна (урожденная Сидорова). Они купили моего отца еще мальчишкой у поляков-ссылнопоселенцев, проходивших этапом через Конторку. Дед сговорился за 35 аршин товара, а бабушка не знала да заплатила еще 25 рублей золотых (они были бездетные). Шестнадцать лет отца не выпускали из огады, чтобы никто не рассказал, что он не родной.

Позже отца женили на бирюсинской Екатерине Авдеевне Горенской. Первой у них родилась дочь Августа, затем, вторым, в 1895 году я, за мной... (Черневский: «Гермоген, Михаил, Александр, Василий... Михаил, 1907 г.р., и сестра Любава». — Е. С.). Горяевы славились буйной жизнью, пьянками. Мой отец дружил со вторым дебоширом, Копцевым Степаном Илларионовичем, их боялась вся деревня. В 1914 году нас выслали за убийство отцом Соколова, а в 1916-м мы вернулись.

Отец меня сильно бил, измывался над матерью, и мы часто с ним дрались, хотели убить друг друга. После того как отец отделился от деда, мы жили там, где стоит теперь маслозавод. Меня отец и мать звали Гринька. Я в юности разодрался с Дмитрием Серебряковым (Митька Селиверстовский), и когда он утонул в Илеме, его родные — мать Федосья и отец Селиверст — все обвиняли меня, что это я его убил.

С Дмитрием Серебряковым в лодке был Никита Савристов, которого мы звали Полторыбродяги за большой рост. Я остался на берегу с конями. И, кажется, Маруська.

- Моей ухажкой была Дуська Егонина.

² Перешедший из мусульманской веры в православие.

А. Ю. Черневский:

Портрет Горяева Ивана Григорьевича (рассказчика): высокого роста, подстрижен под художника — большая густая шевелюра, уже седая, а в молодости черная. Немного орлиный нос и орлиные зеленые глаза. Когда мрачен — лицо страшное. Немного напоминает Григория Мелехова по кинофильму. Говорит на сибирском наречье, но «тажно» не упоминает.

Горяев Василий Григорьевич проживает в Бирюсинске по ул. Горького, 42. В мимолетной беседе в сентябре 1977 года, в автобусе, рассказал, что их отца, Горяева Григория Ивановича, которому тогда было лет сорок пять, осенью 1919 года, когда они временно жили в Синякиной, арестовали белорумыны: «Он сидел в вагоне одновременно с Бичом. Чтобы разузнать о нем, мать моя, Екатерина Авдеевна (бирюсинская, урожденная Горенская), прихватив и меня, повезла на станцию Тайшет овес на лошади. Ходила по линии и предлагала белым овес, а сама визнавала. Отца вскоре отпустили. Всего нас было у отца шестеро. По старшинству так: Августа (первенец), за ней Иван (1895 г.р.), за Иваном Гермоген, Александр, я, Михаил (1907 г.р.) и Любава».

Поддерживает малоправдоподобную версию, будто при отступлении белых Иван убил в Конторке шестерых чешских офицеров (он приезжал один в разведку).

МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ НЕОБЪЯВЛЯЮЩИЙ

**Родился в 1894 году, житель Тайшета,
бывший партизан, ныне пенсионер.
Беседа состоялась 5 августа 1961 года**

Михаил Ефимович среднего роста, плотный, нос большой, мясистый, длинный. Человек флегматичный, как все сибиряки.

А. Ю. Черневский: Кто, кроме вас, из жителей Тайшета был в партизанах Шиткинского фронта? «

М. Е. Неobjявляющий:

- 1) я,
- 2) Соловьев Фанка,
- 3) Соловьев, его брат, кажется, Дмитрий,
- 4) Воробьев Афанасий (живет сейчас в Тайшете между библиотекой и милицией, он был в отрядах не до конца, когда мы соединились с Красной армией, я встретил его в Нижнеудинске, где он уже работал в депо, кажется, вернулся из Шиткино),
- 5) Дерюшкин Дмитрий (Степанович),
- 6) Свирины или Сквирины Семен (сын) и Архип (отец),
- 7) Жичкин Михаил,
- 8) Завязкин Степан,
- 9) Шалыгин Николай (Никифорович, приезжий из Омской области),
- 10) Губкин Станислав,
- 11) Губкин Иван — расстрелян чехами,
- 12) Белкин Иван Потапович — расстрелян вместе с ним,
- 13) Белкин Потап Фомич, его отец, павший в бою под Кавказом 11 ноября 1919 года,
- 14) Шутис Александр,
- 15) Черкес Яшка (партизан-одиночка, мародер, сначала был в Конторке, а потом скрывался и безобразничал в районе Талой, настоящая фамилия Першвили),
- 16) Кислов Диамид Осипович — с одной из ближайших к Тайшету заимок, жив, тогда он совсем молодой паренек был,
- 17) Силин Григорий Григорьевич, умер,
- 18) Конюков Михаил Васильевич, младше меня, умер,
- 19) Неobjявляющий Василий Ефимович, мой брат, младше меня, тогда лет 16,
- 20) Агапитов Артем, рабочий,
- 21) Колосов Фадей,
- 22) Дерюшкин (Голдин).

А. Ю. Черневский: Как вам стало известно о том, что готовится партизанское движение, и как вы лично стали партизаном?

М. Е. Неobjявляющий: На Маслену (Масленицу) я поехал в гости в деревню Старый Акульшет к Горенскому Данилу Михайловичу (в партизанах не

был). В это время через Старый Акульшет в Нижнюю Заимку ехал белогвардейский отряд Галошина, 45 человек. В деревне говорили, что отряд едет, наверное, потому, что в Шиткино поднимается народ, что так и оказалось. Немного позже я поехал в деревню Конторку к своему тестю Власову Лазарю Степановичу (я был уже женат на его дочери Нюре (Анне) на Заверталовке). Вижу, бежит по улице конторский парень Пимен Проскуряков с оружием. Спрашиваю, в чем дело. «Большевики пришли, восстание!». Что такое «большевики», я даже не знал. Оказывается, в деревню вступил отряд Бича.

Я вступил в отряд Бича (лыжный), и мы стали ходить на диверсии на железную дорогу, главным образом на участок между Венгеркой и Юртами. Бич всегда был с нами, очень храбрый, но не опытный в военном деле. Я вступил в отряд под фамилией Новиков.

Однажды на восходе солнца, мы, человек семнадцать, под командой Бича ломали пути на том же перегоне. Хорошо помню, что с нами были братья Чемодановы (Николай и Афиноген (в моих годах, после отступления в отрядах не был, а выполнял роль связного). Максим Чемоданов был в Конторке, но в отрядах я его не встречал.

Мы вытащили костыли из шести звеньев рельс, но рельсы оставили на месте, и только на одной стороне. Поезд стал, но не сошел с рельс. На восстановление пути прибыли рабочие и пассажиры поезда № 3. Мы их обстреляли, и тогда прибыл броневик, засыпал нас из пулеметов, и мы забрались в снег, который уже таял, а потом отошли.

С Николем Чемодановым до восстания мы служили в одной роте в Канске.

Сначала из тайшетцев я был один в Конторке (да еще один хромой, фамилии его не помню, он все говорил, что его никогда не убьет пуля, потому что он то выше, то ниже). Позже, уже в Бирюсе, я был во взводе Гавриила Ильина (но это уже перед самым отступлением), к нам пришли тайшетские Кислов, Силин, Конюков и мой брат Василий, а также Шалыгин и Агапитов, Яшка Черкес и Жичкин (последний сразу был в Бирюсе).

В красильниковском бою я непосредственного участия не принимал, а находился с частью отряда Бича на охране дороги от Венгерки к Конторке, сам Бич с частью ребят был в Бирюсе на горе и на болоте — на поле боя. Потом прибыл нарочный, и нас бросили на помощь в Бирюсу, но когда мы прибыли, бой уже кончился.

Еловские и получеремховские с нами в отряде (Бича) не были, все они были во взводе Степана Петрова, а юртинские были. (Черневский: «Очевидно, и взвод Степана Петрова, и взвод, в котором был рассказчик, — части единого летучего лыжного отряда Бича? Выяснить, сколько было взводов в непосредственном подчинении Бича и кто были командирами?». — Е. С.).

Налет на Бирюсу

В этот день наш взвод, Гаврилы Ильина, расквартированный в доме крестьянина... (Черневский: «Гаврилы Мустюкова») почти в центре села, но ближе к мосту, уселся во дворе за столы завтракать. Вдруг слышим стрельбу, помню, что я разложил на столе пирог, присланный из Конторки тещей. Все бросились к оружию и побежали. Нам удалось заскочить на гору. Помню,

что со мной были Ильин Ганька (командир), Ерма Насонов, Федосеев Михаил Ильич и др., главным образом конторские и часть еловских. Но в это время чехи стали строчить из пулемета, и мы бросились обратно, на мост, отстреливаясь. Я, один мадьяр (но не Ганька-мадьяр, портной, а другой), Конюков (не из наших, а из караульного взвода), еловский Пестерев Алексей, раненный еще в окопе в плечо и в лицо, а также еще один еловский, толстый. У него была японская винтовка, а он затолкал туда русский патрон и не мог стрелять. Других не помню. Мы свернули вправо, в ельник (куда пошли Ильин, Насонов и Федосеев Михаил — не знаю). Раненый Пестерев отдал винтовку тому толстому, у которого своя не стреляла.

Мы пробрались в Старый Акульшет, а оттуда, уже на другой день, вернулись в Конторку. Здесь я узнал, что мой брат Василий ходил в Бирюсу на гору разыскивать меня, думая, что я убит. Тогда он взял у погибшего Якова Москвитина маузер (именно маузер, а не кольт), и винчестер и привез в Конторку — хотел отдать Бичу, но Бич сказал, что раз он снял их, пусть маузер возьмет себе (???)

В Конторке мы пробыли дня два-три, как началось новое крупное бело-чешское наступление и наше отступление. При этом наш взвод Ильина отбивал чехов у кладбища. Они стали рубить поскотину, чтобы пройти кавалерией — со стороны Тарая (часть села Конторка, или Еловой). Встретив сопротивление, чехи поднялись выше на гору. Мы тоже вошли на сопку — и видим кругом тьму белых. Надо отходить. Откуда-то появился мой брат Василий верхом без седла, посадил меня, и мы двое на одном коне прискакали в Синякино. Зашли в одну избу, хотели напиться, вдруг в окно кричат: «Убегайте, белые близко!».

Насколько мне известно, в день отступления в Нижней Заимке проходил съезд, не то конференция или совещание, оттуда ехал на двуколке Жичкин с одним партизаном. Велит идти на Коновалово, но никто не слушает, — идти в Коновалово к тракту все боятся, пошли тайгой, минуя Коновалово, в Нижнюю Заимку. Здесь простояли дня два-три. В Нижней Заимке или в Шиткино, сформировали два отряда: первый — Константина Москвитина и второй — Матвея Кретинина. В первый отряд попал я и, насколько мне помнится, один из тайшетцев. Мой брат Василий, Кислов, Силин, а всего шесть тайшетцев (возможно, и Воробьев Афанасий, Черкес Яшка, Жичкин и Конюков и Агапитов), из Шиткино вернулись и скрывались.

Я с отрядом Москвитина — Кочергина (главным мы считали Евдокима Кочергина, командовал он больше, он был грамотней Кости) ушел на Ангару.

До Червянки шли на подводах, а оттуда верхом до Дворца. Отсюда волоком (тянули крестьяне) на девяти лодках через реку Кова в Алешкино и Заимку. В Алешкино остановился на ночлег, но с Заимки прибежал крестьянин и сообщил, что там кулаки вооружили крестьян и готовят нам засаду. По тревоге поднялись раньше подъема и на рассвете уже верхом прибыли в Заимку, окружили деревню. Кулаки разбежались, мы нескольких вооруженных взяли в плен и расстреляли.

С Заимки опять на лодках в Кежму. Но деревня была почти пуста, т.к. те, что прибежали с Заимки, сообщили, что нас целое войско (не доходя до

Кежмы версты три-четыре, за речушкой на горе, были их окопы). Из Кежмы половина отряда пошла дальше в Паново (?), а мы, в т.ч. Москвитин и Кочергин, Пепул Ян, вернулись в Шиткинский фронт, по пути к нам присоединился кежемский учитель (Иван Емельянович Брюханов!).

Еще до нашего прихода на Ангару в Кежме казаки повесили троих и провели агитацию за вооруженное сопротивление большевикам.

В Кежме мы стояли три дня. Обрато все пятьдесят человек (половина отряда) плыла в одной лодке (?). Где-то во Дворце к нам присоединились три человека (Верхотуровы?). В Червянке оставили товар и охрану, но кого именно, я не знаю.

Прибыли с Ангары, дошли до Неванки и Бунбуйского моста, затем опять вернулись в Неванку (когда стояли на мосту, присоединившиеся к нам ангарчане убежали с поста, их догнали за Неванкой, привезли обратно. Кочергин решил инсценировать расстрел: он требует, а командир взвода Ганька Ильин не дает — так договорились. Они уцепились за ноги ему: «Взводный, не давай расстрелять, мы за тебя в огонь и в воду!»

В тот же день вечером собрали собрание и объявили: кто малодушен или слаб здоровьем, пусть уходят. Ушло человек двадцать (в т.ч. ангарчане).

На мосту стояли дней шесть-семь. После стоянки на Бунбуйском мосту в Неванку подошли человек двадцать (тридцать) баерцев, знаю, что среди них был Тришкин, бывший комиссар Нижнеудинска, *кажется, с ним был и Богданович (?)* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.)

Когда пришли в Березово, тут-то и сформировали отряд Бурлова (Николай Бурлов был до этого рядовым кавалеристом). Мне предлагали идти с ним его помощником как знающим путь, но я не захотел.

Дальнейший путь с Березово на Петропавловку — на плотях, там стояли дня два, потом на плотях же в Кондратьево. В Кондратьево приехали, а там уже Бич выбросил флаг «За власть Советов». Это не понравилось учредителям (сторонникам Учредительного собрания России), в т.ч. и Евдокиму Кочергину. Переизбрали штаб, верх взяли сторонники Бича.

Из Кондратьево пешим строем до 33-го километра, где стояли в зимовье с неделю. Отсюда на Лапино пошли, здесь, кажется, встретили Машукова. Наш взвод Ильина послали в Покатеево на охрану (заслон, связь) — все пешие, человек двадцать, стояли недели две без стычек. Ильин подчинился Машукову. Вот в это время я и узнал Волгина. С Покатеево нас отозвали в Шалаево. Тогда-то Бич и отправился на разведку в Черчет.

Бич взял с собой троих человек, сам четвертый, все пешие: я, Кочергин Николай Лаврович, нижнезаимский (он жив, живет в Тайшете!) и один незнакомый, не местный, рабочий, слесарь лет сорока, чернявый. Дошли до черчетской поскотины (немного не доходя), укрылись в колке¹. Поджидаем, не пойдет ли кто. Вдруг идет женщина, Бич сам вышел к ней (она шла копать картошку на еду, общая копка картошки еще не началась). Она сперва пере-

¹Колок — небольшая роща среди поля.

пугалась, но узнала Бича, успокоилась, однако толкового ничего не сказала, только то, что румын в деревне нет.

Пошли на заимку к Чемодановым в сторону деревни Пойма. Пришли туда к вечеру. Там Афиноген с женой. Афиноген решил направить жену, чтобы точнее разузнать. Пошла прямо в ночь. Ждем, заночевали. Пришло утро, ждем, волнуемся, не случилось ли чего. К обеду она вернулась, даже после обеда.

Наш основной отряд стоял в Пойме в окопах. Дошли до хутора *Яна Пепула*, его не было, он в это время был на *Ангаре* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Дома жена или мать, или сестра (Эмма?). Отмахивается, не хочет, чтобы мы у нее ночевали, боится. Пошли дальше бором к хутору Семена Кудрявцева, что в версте от Яна Пепула, не далеко от дороги, чуть в сторонке. Бич зовет нас в дом (новый, без дверей), мы отказываемся — здесь нас можно поймать, лучше в зародах сена укрыться. Но Бич только что перенес приступы малярии, ночевать в сене не хотел, боялся, повторится приступ. Он пошел в избу, а мы в зарод между хуторами Пепула и Кудрявцева.

Переночевали и направились к дому Семен, а навстречу уже идет Бич. Встретились у колодины², беседуем. Кочергин и слесарь прислонились к колодине и уснули. Бич зовет пить чай. «Нет, вы, Иван Андреевич, пойдите попейте чай, а мы тут понаблюдаем». — «Ну, глядите». — «А если пойдут румыны, что делать?». — «Заметите — сообщите, а стрелять не надо».

Бич ушел. Я присел рядом с ребятами, они спят, я наблюдаю. Вдруг слышу, какой-то топот, вижу — летит кавалерия. Я толкнул ребят, мы спрятались за выскорь³. Румыны проскакали мимо во весь карьер. Всадников было человек пять. Когда они проскочили, мы поднялись, чтобы спрятаться получше, — сообщить уже не успеем, поздно заметили, да и румыны проскакали галопом. В это время нас заметили ехавшие сзади на двух телегах румыны, человек десять, и открыли стрельбу, нам пришлось уйти в лес, вглубь. Что произошло дальше, мы не видели.

Позже узнали, что вслед за нами в конную разведку отправился Машуков, с которым мы не встретились (Черневский: «См. об этом воспоминания Малеева». — Е. С.).

Через месяц после этого события меня, Степана Рукосуева (Черневский: «Какого?». — Е. С.) и еловского Громова Ивана (из торгашей) — все из нашего взвода — направили на разведку в Конторку. Это было 1—14 сентября, в Покров, когда мы прибыли, т.е. подошли к Конторке. Машуков наказывал перед Конторкой отобрать у Громова обрез, так ему не доверяли, он шел как бы в отпуск к жене в Еловую. У меня наган, у Рукосуева граната. Говорю ему о наказе Машукова — не отдает. Я вернулся после разведки (?) на заимку Мамонта Никаноровича Непомнящих, что на Соломенке, на торке (?). Вдруг, запыхавшись, Николай Федосеевич: «Беги, румыны гонятся. Я еле его успокоил».

² Колодина — ствол поваленного большого дерева.

³ Выскорь — сваленное бурей дерево с обнаженными корнями; надрез.

Вот с тех пор Федосеев и не вернулся на фронт. Я тогда привел, кроме него, Ивана Носонова, Хорька Степана (Хорева), Коршуновых Семена и Архипа и еще кого-то, всего человек десять.

Перед соединением с Красной армией штаб и главные силы стояли в Коновалово. Оттуда через Старый Акульшет вошли в Тайшет. В Тайшете во всех домах, и в доме моего отца, были солдаты, догонявшие свои части. Мы двинулись к Нижнеудинску не вместе с Красной армией, а вслед ей. Как известно, между селом Уком и Нижнеудинском был бой Красной армии с чехами, но мы догнали ее в Рубахино, за Нижнеудинском. Взводным был у нас в последнее время уже не Ильин, а он в ревтрибунале.

Мы были в Выдрино (станция за Слюдянкой у Байкала, на границе Иркутской области и Бурят-Монголии), когда получили приказ на Врангелевский фронт. Я был каптенармусом и жил вместе с конюхом. Как-то он положил свою винтовку на мою койку. Я взял ее и сую ему, а он хватился за курок и нечаянно выстрелил и пробил мне ладонь. Я попал в госпиталь, и часть ушла без меня. После госпиталя вернулся в Тайшет и по совету Ганьки Ильина, который был в Тайшете военкомом, поступил в милицию.

Соколовы отец и сын (Афанасий Васильевич и Владимир Афанасьевич) были в партизанах, но они тогда жили в Нижней Заимке.

Тайшетский Панасенко Яков существовал, но в партизанах никогда не был.

О налете на Бирюсу другие партизаны рассказывали:

Толстихин. Он в это утро должен был идти на пост в окопы. Только собрался, слышит выстрелы. Побежали: он, Игнатовский Николай, Козлов Иван, Пестерев Алексей, Макаров Илья, Сафронов Алексей (Лешка Тоболиковский). На горе их ранило: его в руку, Софронова, Макарова и Пестерева. Все, кроме Пестерева, перешли мост и на лодках переплывались в Конторку (лично его переправил бирюсинский Петр Богданов). Пестерев попал сперва в Акульшет (т.к. он вместе с Михаилом Необъявляющим, Конюковым Михаилом, мадяром и четвертый еловский свернули в ельник вправо и пошли в Акульшет).

Насонов упоминает Ивана Козлова, Василия Малахова, Георгия Власова (тоже был ранен осколком гранаты, когда они забежали в окопы за кладбищем на западной стороне тракта, а впереди в окопах у поскотины сидели чунари), а всего восемь человек. Трое, а с ним четверо (он, Козлов, Малахов и Власов), успели пробежать мост через протоку, отстреливаясь. Насонов стал пробираться по задам, поймал чью-то лошадь и ускакал.

Кавалеров. Он, Исак Костецкий и еще один были в день налета на посту, бежали влево в ельник (а не вправо, как другие) и переправились на случайной лодке на остров Старичный и с тех пор удрал к тестю в Средний Ужет и скрывался.

Макаров Илья среди участников стычки и боя называет Марченко Григория (тяжело раненного в секрете у поскотины), Насонова, Константина Попова, Калинина Евихания (он же Евграф), убитого в секрете, Алексея Пестерева, Толстихина. Всем удалось перебежать мост, лично его переправил у старого паррома санитар Сансонас.

Адамович: Он с взводом разведки Ильи Москвитина был в караульном помещении, и все бросились на гору. Илья Москвитин на коне через мост, и тут его ранило в руку. Он и другие — вправо в ельник и тоже попали в Акульшет, а оттуда в Конторку. В этом налете был взят в плен Копочка Иван.

Налпин: он, Роман Лукашенко, Арсентий Новиков, Степан Савула, братья Федор и Петр Мыльниченко (камышлеевские, а остальные туманшетские), Тимофей Антонов и Никита Кушиков, Герасим Маслаков были в окопах на посту и утром сменились. Только прошли мост (шуги уже не было, Бирюса поднялась, но вода еще из берегов не вышла, дул сильный ветер), как услышали пулеметную стрельбу. Люди бежали к мосту из деревни и с горы в деревню. Но им уже участвовать в бою не пришлось.

Таким образом, прямыми участниками боя 22 мая 1919 года достоверно являются:

конторские:

Игнатовский Николай Емельянович,

Козлов Иван Моисеевич,

Насонов Ермил Поликарпович,

Толстихин Семен Павлович,

Власов Георгий Лазаревич – ранен (зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

Кавалеров Ефим Васильевич,

Ильин Гавриил Флегонтович,

Необъявляющий Михаил Ефимович (тайшетский),

Федосеев Михаил Ильич,

Костецкий Исак Пахомович;

еловские:

Макаров Илья Ефимович — ранен,

Пестерев Алексей Никифорович — ранен,

Конюков Михаил Васильевич — тайшетский;

черчетский: Марченко Григорий Леонтьевич — тяжело ранен;

получеремховские:

Калинин Евграф (Михайлович?) — убит,

Москвитин Илья Павлович — легко ранен,

бирюсинские:

Попов Константин,

Бурлов Сергей Ананьевич;

нижнезаимские:

Малахов Василий,

Софронов (Тоболиковский) Алексей Яковлевич — ранен.

Пали без боя:

Москвитин Яков Миронович,

Белоногов Василий,

Копочка Иван (Дорожка),

Калинин Михаил (Евграф).

Были, но в бою не участвовали, группа туманшетцев, Адамович и др. Возможно, Горяев Иван Григорьевич.

ДЕМИД ТИМОФЕЕВИЧ НЕГРИЕНКО

Родился в 1893 году.

Участник партизанского движения, крестьянин деревни Авдюшино,
где ныне и проживает.

Беседа состоялась 10 августа 1961 года.

Хотя у вас и имеются сведения обо мне как о партизане, но это не совсем так. С оружием в руках в отрядах я не участвовал, а лишь содействовал тем, что производил сбор боеприпасов, свинца (приходилось снимать даже грузила с рыбацких сетей), изготавливал лыжи и все это тайком сам лично ночами через Бирюсинский переезд возил в Бирюсу и Конторку.

Непосредственно в отрядах с оружием в руках из наших авдюшинских крестьян партизанами были:

Крячик Григорий Семенович (повешен),

Крячик Марко Семенович (убит в бою),

Готовый Вартолий Максимович (повешен) (здесь и далее выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

Готовый Андрей Максимович (убит в бою),

Негриенко Федор Тимофеевич (был ранен в Бирюсе),

Демченко Осип,

Демченко Григорий,

Бельницкий Перфилий Лаврентьевич,

Нигрей Степан,

Готовый Вартолий Максимович,

Ладченко Степан Михайлович (повешен),

я (получил 50 плетей),

Баран Куприян (повешен),

Готовый Матвей Максимович (50 плетей),

Кваша Никита (100 плетей).

Последние пятеро, в том числе и я, активно содействовали и помогали партизанам, одновременно были как бы их связные, но прямого участия в отрядах с оружием в руках не принимали.

Ляшко Семен Мефодиевич никакого отношения к партизанскому движению не имеет, он был призван в колчаковскую армию, бежал и скрывался на пашнях и в тайге вокруг своей деревни Авдюшино, во время облавы на партизан попал в ловушку вместе со всеми и повешен (Черневский: «Нет, явился с повинной». — Е. С.).

Что касается Крячика Емельяна, то он также никакого участия не принимал, взят вместе со всеми не был и никаким репрессиям не подвергался (все время болел).

Был в партизанах Омельченко Харитон, но недолго. Его можно отнести к авдюшинским и к осинниковским партизанам.

Во время облавы на партизан, перед Петровым днем, всего было захвачено 21 человек, т.к. по доносу в списке значилось 21 человек, но многих из тех,

кто был в списке, не оказалось, и поэтому схватили других, чтобы «выполнить приказ». Часть из них тут же в деревне отпустили.

В Тайшет увезли:

Крячика Григория Семеновича — партизан,

Крячика Марко Семеновича — партизан,

Готового Вартолия Максимовича — партизан,

Готового Матвея Максимовича — содействующий,

Негриенко Демиды Тимофеевича — содействующий,

Ляшенко Семена Мефодьевича — содействующий,

Ладченко Степана Михайловича — содействующий,

Барана Куприяна — содействующий,

Квашу Никиту Петровича — содействующий,

Бельницкого Федота Лаврентьевича — содействующий.

Братья Демченко во время облавы в деревне не были, а скрывались в тайге и в плен не попали.

Мой брат Федор Негриенко в это время находился в партизанском госпитале в Кондратьево, т.к. он еще в Бирюсе был ранен и в Авдюшино не скрывался. Бельницкий Перфилий так же был с фронтом.

Вместе с нами взяли осинниковских Андрейчука Петра Григорьевича, Пастухова Василия, Красинского Мефодия Яковлевича (брат партизана Красинского Петра) и двух татар (это, очевидно, кирпичник и смолокур Кирилл и пимокат Ромка, по воспоминаниям Ткаченко) (Черневский: «Нет, не вместе, смотрите воспоминания Пастухова Иосифа Семеновича». — Е. С.).

В Тайшете стоял целый эшелон вагонов, куда садили арестованных (между станцией и переездом), где теперь Тайшет-2 (чуть восточнее железнодорожного тоннеля). В нашем вагоне были авдюшинские, а осинниковские сидели отдельно. Из осинниковских с нами в одном вагоне попал только один из татар, как мы позже поняли, — для того чтобы шпионить за нами, «наседка». Потому что все, о чем мы говорили в арестантском вагоне, становилось известно белым.

Нас водили на допрос, давали зуботычины. Допрашивал русский офицер в присутствии чехов (или румын?). Однажды нас навещил авдюшинский житель, что работал в земской управе у белых, Лосинский Иван Потапович, он поздоровался с нами и говорит: «Ай-ай-ай! Как же это вы меня, землячки, подвели, а? Я говорю, что у нас в Авдюшино народ смирный, тихий, с большевиками не знается, и вдруг на тебе! Ну, ничего-ничего, не бойтесь, помогу». — «Не повесят?» — «Да нет, что вы! Только вы, братцы, не путайте, говорите правду, как и что было, да не вздумайте бежать. Все уладится».

Дело в том, что нас водили из арестантского вагона на покос для румынских лошадей. Водили два румына (или чеха), сядут под куст в накомарниках и отмахиваются, а мы косим себе, хоть бы что. Подойди, резани косой — и голова долой, а то и так придавить, как плюнуть. И если бы не успокоил нас лиса Лосинский, мы так бы и сделали, но доверились, дураки, и многие заплатились жизнями. «Вот подойду, взмахну косой — и голова долой!» — сказал *Баран Куприян* (зачеркнуто. — Е. С.) Марко Крячик!

Однажды приводят нас с покоса, видим, один румын отмеривает веревки, рубит тесаком. Отмеривает, как приказчик мануфактуру, — на размах

руки. Берет пачку концов в руку и уносит. «Братцы, видно, последние минутки мы доживаем», — говорю я.

Вереvoчные отрезки натирали чем-то (мылом). Несут лестницу. Потом приходит русский офицер и два чеха (или румына), несут какие-то бумаги. Русский начинает читать приговор. Указывает, на основании чьих показаний судятся. Хорошо помню, что против всех нас упоминались показания Давыда Кравченко, Никиты Бельницкого (сельского писаря), Марка и Ивана Суханевичей (а Усик Иван). Первым называют Крячика Григория, затем Ладченко Степана (Черневский дописал позже: «Готового Вартолия, Ляшко Семена, Барана Куприяна» — *Е. С.*)... — к смертной казни через повешение.

Повели всех пятерых к переезду, ставят лестницу, подвязывают петли к телеграфным столбам. Загоняют на лестницу осужденного (первого Григория), велят прислониться спиной к столбу, самому надеть петлю — и вырывают лестницу из-под ног.

Мы все это видим и ждем своей очереди. Я, Марко, Готовый Матвей, Кваша (и татарин?). Как раз такая же партия. Конвой возвращается, ставит ружья в пирамиду. Значит, какая то перемена в нашей участи.

Приходят врач, два палача с плетью. Нам троим — мне, Марко, Матвею — по 50 плетей, Кваше — 100...

Тяжело рассказывать об этом и вспоминать.

Кладут на шпалу, один усаживается на голову, второй на ноги — держат. Бьют по очереди два палача: 25 плетей дает один, потом второй. Румын считает, русский офицер стоит наблюдает. Лично мне повезло. Палач оказался добрым, старался бить не концом плети с оттяжкой, а серединой, не так больно, а все равно — весь в крови. Тело жжет, чуть живы. Дают пропуск домой. Квашу почти несем на руках, потом с попутной подводой везем домой. Так было... Трупы висели пять дней, потом разрешили взять тела, они уже разлагались, когда их на Петров день — 12 июля — хоронили на авдюшинском кладбище (Черневский: «12-го привезли, 13-го хоронили». — *Е. С.*).

Примерно через месяц, в пору уборки урожая гречихи, я был на своем поле — на горе к Бувальчику. Помню, подъезжает вершой (верхом) Михаил Жичкин, грязный, из тайги, и с ним еще человек пять-шесть незнакомых. В шапке-ушанке как у Бича. «Где Марко?» — «У себя на пашне, молотит рожь в остожье¹».

Я рассказал, как его найти. Ушли. К вечеру слышу выстрелы у Бувальчика². Оказывается, они нашли Марко, затем поймали К.Д., погнали его дальше к Бувальчику и там расстреляли. После этого Марк уже не вернулся в деревню, а ушел с Жичкиным в Шиткино, где и погиб. Остальных предателей судили в первые годы советской власти. Некоторые из них вернулись из заключения, но вскоре уехали из нашей деревни. Татарин, насколько мне известно, удрал с румынами.

¹ Остожье — покос такой меры, чтобы давал стожок сена, или изгородь вокруг стога сена, или плетень для охраны от скота.

² Деревня Бувальчик основана в 1908 году переселенцами-украинцами. В 1926 году 16 хозяйств, 95 жителей (48 муж. и 47 жен. пола).

Помню, скрываясь вокруг Авдюшино, Марк, Григорий и с ними еще кто-то, устроили засаду на чехов на горе по пути в Тайшет, где теперь Тимирязевка (а тогда заимка Авдюшева...), принесли домой чешские кепки.

Когда я возил партизанам боеприпасы, коня мне часто и безоговорочно давал Рудюк Кондрат (его раскулачили, а зря). Быстрый, добрый был конь, звали его Лыска. Ездил я обычно через Бирюсинский переезд, где будочником был Церковников, содействовавший нам. Морчан Иван Карпович был будочником у трубы. Его повесили в Тайшете на эстакаде, уже после Бича. (Черневский: «Чушь! Одним из первых, в марте или апреле». — Е. С.).

Жену казненного Ладченко Степана звали Ефросинья Антоновна, ей тогда было 52 года. У них в это время были дети: Иван, 1908 г., и дочь Анна, 3—4 года (Черневский: «Агафья Григорьевна»).

Состав семьи других участников событий:

- Глава семьи Крячиков — Крячик Семен (Самон) Ефремович (Еремеевич), которого все звали Самоном, семью — Самонами; мать (его жена) Матрена Игнатьевна (Самониха). С ними тогда жили их дети: Марко, лет 25, Татьяна, Акулина (девки), Никон и Емельян (парни, как Марко), Евдокия (Евдоха) и Нюра (Анна), 1910 г., — девчонки, Василий, 1911 г.р., и Михаил, 1914 г.р., — ребятишки (все перечислены по старшинству). Самый старший сын Григория был уже женат и жил с семьей в отдельном доме (жена Дарья, Одарка, урожд. Петренко, по-уличному Драчан, Драчанивська, картавая и глуховатая, с толстым языком; дочь Ефросинья, Фрося, а по-домашнему Приська, лет.. и сын Иван, четыре года. «Приська, принеси туюсок», а получалось неприлично: «Тхуюсок»).

Следующая за Григорием дочь, Дарья Семеновна Крячик, также уже была замужем за Федотом Бельницким, братом Перфилия, и жила своей семьей. (Черневский: «Нет! Тогда только гуляла с Федотом!» — Е. С.). То есть Крячики состояли в родстве с Бельницкими и Петренко — Драгонивскими.

- Семья Негриенко Федора Тимофеевича: жена Анфиса, Фиска, не авдюшинская, Анфиса Николаевна. Дети (?)..

- Семья Барана Вартолия (Варфоломея) Куприяна, жена Матрена, детей не было (до революции они ездили в Америку). Отец был жив.

- У Ляшко Семена Мефодиевича был младший брат Самуил.

- У Марчана Ивана Карповича жена Мария и сын Александр, один годик.

- У Готового Вартолия (Варфоломея) Максимовича жена Александра, старшая дочь Надежда, лет.. и дочь Лидия, полтора годика, 1917 г.р. (рассказала Лидия Готовая, по мужу Жирун).

- У Бельницкого Перфилия: самостоятельно жившие со своими семьями братья Карп и Роман. (Федот тогда еще не был женат, а гулял с Дашей Крячик, они поженились в ноябре 1919 г.)

(Черневский: «У самого рассказчика была жена Крячик Матрена Михайловна и один ребенок, лет одиннадцати...»)

- У Готового Матвея... дочь Мария, 1911 г.р.

Предатель К.Д., лет 22 (нет, старше, лет тридцати), был женат на авдюшинской Мотре Горобчихе (Матрене Горобец). После того как ее отец женил и отделил двух своих сыновей, он вошел в дом к тестю и жил в начале деревни,

пятый дом справа в черемушнике от входа в деревню со стороны лугов (со Сполоха).

(Черневский: «См. воспоминания Крячика Василия, книга 2—3; Марчан Анны Лаврентьевны, книга 5, стр. 88; Загородникова, книга 7, стр. 35; Ткаченко, Ладченко и др.». — Е. С.).

- Негриенко (урожд. Крячик) Матрена Михайловна (дочь Михайлы Еремевича Крячика), 1902 г.р., рассказала, что она вышла замуж за Демку в Михайлов день — осенью 1919 года, уже по снегу, после того как авдюшинцев повесили (Черневский: «Быстро ожил Демка, коль жениться захотел!». — Е. С.). Она запомнила, что повесили авдюшинцев в среду 9 июля, сняли и привезли в Авдюшино в субботу 12 июля (Петров день), а хоронили в воскресенье 13 июля. Отпели в церкви.

В это время деревню снова окружили чехи и услышав звон сказали: «Э, да тут свадьба!» Когда допрашивали Демку, выпытывали, где Федор. «Бирюса сгорела, и он сгорел».

Когда возвращались после экзекуции, Демка и Марк разделись догола, т.к. идти в белье было нельзя — больно.

Как поймали и казнили К.Д. Рассказывает женщина — кто она?

Когда хоронили пятерых повешенных к гробу, подошел Давыд (они были свояки, зятя) прощаться. А Марко не выдержал: «Иуда! Предал людей, а теперь слезы крокодила льет. Граждане-товарищи! Это же он выдал нас...»

Давыд отошел, прижался к стене, побелел. С тех пор с поля возвращался раньше всех, а выезжал на поля позже всех. Боялся. Остерегался. С 6 часов вечера из дома никуда не выходил.

Другой предатель, Усик Иван, выслеживал скрывавшихся в тайге Кузьмиченка Лукьяна... Харитона и Демченко Осипа.

Почти все авдюшинские пашни были в осиновых колках на запад и на северо-запад от деревни на возвышенной местности в направлении к Винту (???) Была пора уборки, и все были в поле, была в поле и я на...

Марк действительно молотил цепом рожь на своей пашне за осинником (в остожье). Пошла туда (от нас не видать за осинником), нет, видать. Вижу, двое вооруженных — Жичкин и кто-то другой — вышли из-за осинника, подошли к моему отцу Крячику Михаилу Ефимовичу: «Чей ты?» — «Крячиков». — «Марку кем доводишься?». — «Фамилец». — «А где Марка найти?». — «Да вот он, на своей пашне».

Подозвали Марка, сели, закуривают. Значит, порядок. Потом все трое направились на пашню Давыда, Марк с поднятыми руками, вроде как под конвоем, для отвода глаз. Давыд в это время шел с литовкой, увидел их, бросил литовку, стал сворачивать самокрутку. Сам молодой, красивый (из ссыльных). Повели обоих через Морчанку к Луговке под гору. Там, оказывается, дожидались еще пять-шесть человек. Слышно было выстрел (Черневский: «Бельницкий?». — Е. С.). Позже узнали: его судили, бросился бежать — и тогда выстрелили. Он упал. Марк подбежал, перевернул его: жив! В упор пристрелил. Валялся долго, несколько дней, боялись брать. Его жена, М.Г.Г. (К.), живет на Тайшетке. У К. от нее осталось двое детей.

ЛАВРО ВИКТОРОВИЧ ГОРЕНСКИЙ

75 лет, старожил села Нижняя заимка,
ныне проживает в г.Тайшете по ул. Кирова, 150.
Беседа состоялась 12 сентября 1961 года

Хоть сам я в партизанах не был, а помогал кое-чем, продукты возил да пакеты и всех наших партизан и их дела знаю. «

Село наше старожильческое, дворов 258—333 в ту пору было. Были у нас и ссыльные. Когда на Маслену (Масленица) ехал Галоша в Шиткино, он арестовал у нас только троих братьев Москвитиных: Костю, Марка и Якова Мироновичей. Но их выпустил староста Кузьма Григорьев, который сам вместе с ними ушел в партизанский отряд, как и его брат Емельян (они имели шерстобитку и их уличная фамилия была Шерстобитовы).

Из нижезаимских крестьян в партизаны пошли (одни сразу, другие позже, третьи по мобилизации):

- Москвитин Константин Миронович, 1897—1937 гг., лет 30 — старше 35;

- Москвитин Яков Миронович, 1890—1919 гг.;

- Москвитин Марк Миронович, 1885, самый старший, лет 40;

это трое братьев, отца не было, мать, Нинила Карповна, была жива;

- Москвитин Макар Антипович;

- Кривоуццкий Прокопий Дмитриевич, 1883—1937 гг., старший;

- Кривоуццкий Иван Дмитриевич, 1896—1937 гг.;

- *Кривоуццкий Алексей Дмитриевич, 1901 г., не был, но его били* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.);

- Кривоуцкая Александра Дмитриевна, единственная дочь;

эти четверо братья и сестра, их отец был жив — Дмитрий Васильевич, румыны его секли;

- Кривоуццкий Лавро Сергеевич, эсер, командир роты, его отец тоже был жив;

- Кривоуццкий Емельян Меркурьевич

(А. Ю. Черневский: «Лифантьев в числе партизан называет и кулака-мельника Кривоуццкого Семена Власовича» — «Да, был в хозчасти»);

- Старовойтов Федор — убит (расстрелян) одним из первых румынами, нет — чехами;

- Кочергин Евдоким Григорьевич, 1889—1944,

-Кочергин Федор Григорьевич,

-Кочергина Антонина Григорьевна —

братья и сестра богатого кулака Кочергина Григория Филимоновича, по-уличному Филимоновские, Федор погиб на Врангелевском фронте;

- Кочергин Григорий Романович — венгерский, жив;

- Кочергин Василий Николаевич,

- Кочергин Петр Николаевич —

эти двое братья, по-уличному Тарасенковы, Василий — активный и командир;

- Кочергин Трофим Ильич;
- Кочергин Павел Ильич;
- Кочергин Федор Семенович (Маевский) — племянник Павла Ильича;
- Кочергин Матвей Антонович, партизанская книжка №10970, живет в Бирюсе;
- Кочергин Иван Васильевич (по-уличному Алениных);
- Кочергин Николай Лаврович, живет в Тайшете;
- Кочергин Евдоким Осипович — казнен румынами;
- " - Федор Фелофанович (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- Кочергин Иван Андреевич, эсер, поговорка «Чёл не лопнуло»;
- " - Андрей Иванович (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- Кочергин Филимон Николаевич;
- Кочергин Николай Филимонович;
- Кочергин Иван Андреевич (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- " - Ц...Д... (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- " - И...Ф... (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- Чайковский Филипп Михайлович — приехал продавцом в винополку;
- Запасов Федор Демьянович,
- Запасов Николай Демьянович — это родные братья, батраки;
- Насыров Баготын (Борис);
- Степаненко Вавил Веденисович (живет в Нижней Заимке);
- Неизвестных Нефед Феклистович;
- Малахов Василий Иванович (коновал);
- Еницин Роман Викторович (Юницин);
- Семенов Константин Никитович, тогда лет 45, живет в Тайшете;
- Тохватулин Васька (Захыр);
- Абатулов Захыр Семенович — сын ссыльного;
- Колбасов Иван Викторович — погиб на Врангелевском фронте;
- Адамюк Иван Анисимович;
- Смолин Степан Наумович; (зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- Зуенко Прокопий Фадеевич;
- Болдовский Ефрем Семенович, глуховат, казнен румынами, его отец основал д. Болдовский, а потом они вернулись в Заимку;
- Григорьев Кузьма,
- Григорьев Емельян — это Шерстобитовы, братья, первый был старостой;
- П.А.В. (Иннокентий), брат Петровых, предатель;
- Куприянов Николай Иванович и Куприянов Иван Иванович — братья, сыны Ивана Степановича Куприянова;
- Андрюкович Трофим Васильевич (Трошка), казнен в Тайшете;
- Горенский Егор Макарович
- Казеный Федор - убит в тайшетском бою вместе с Паниным и Андрюковичем;
- Лифантьев Гаврил Кириллович
- Лифантьев Александр Сергеевич, 1899—1937;

- Лифантьев Никон Иванович, 1880—1859;
- Масленников Алексей — зять Криволуцкого Прокопия;
- Москвитин Тарас Андреевич;
- Москвитин Александр Тихонович;
- Москвитин Родион Терентьевич;
- Белоусов Алексей — батрак Семена Власовича Криволуцкого, но сам конторский, лет 45;
- Соколов Афанасий Васильевич;
- Соколов Влад. Аф.;
- Максименко Никита Иванович;
- Максименко Феоктист Иванович.

Предатели

В начале партизанского движения штаб находился в школе, а в последующий период в доме предателя Г.Г.И., по-уличному Савельевского. Он водил румын в Верхний Ужет и собственноручно поджигал там дома. Впоследствии раскулачивался и репрессировался (Черневский А.Ю.: «Безобразничал в Бузыкано» — *Е. С.*).

С самого начала предателями оказались купцы-лавочники И.Н.С. (старший из братьев, младшие еще были подростками, мать звали Верой Поликарповной, Сидорихой), и еще был предатель М.А.З. Их обоих утопили в проруби в Шиткино, куда они привели галошинцев (Черневский: «Нет, в Шемякино. Галошин шел в Шиткино через Н-Заимку, а обратно миновали ее через Борисово» — *Е. С.*).

Ярыми врагами партизан и их семей были два брата П. — М.В. и Г.В. М. был старше и раньше Г. связался с *румынами* (зачеркнуто. — *Е. С.*) белочехами, а потом стал предателем и Г., пожалуй, превзошедший своего брата.

Предатель Д.М. (он же З.М., церковный староста), прозванный так за свой большой рост, указывал белочехам и румынам на скрывавшихся партизан, на их семьи. Он указал на Кочергина Евдокима Осиповича, которого почитали за командира Кочергина Евдокима Григорьевича и зверски казнили румыны — срубили голову.

Купец Кочергин Алексей Клементьевич, наоборот, никакого вреда не делал, помогал материально партизанам и их семьям и спас много людей от расправы.

Мне известно, что в Нижнем Ужете были расстреляны братья Максименко Осип и Изот Ильичи (румынами) (Черневский: «Не так. См. книгу «Погибшие»». — *Е. С.*).

Близ Нижней Заимки, на р. Поперечке, в тайге, находилась постоянная партизанская разведка — связь из наших нижнезаимских партизан. Там базировались Насыров, Петр и Василий Тарасенковы, Абадулин, Запасов Федор Демьянович — всего пять человек. Им в лес родные и крестьяне доставляли пищу и сведения.

У нас были крестьяне по фамилии Яцук — Давыд и Степан, но в партизанах они не были, и тем более никто из них не погиб, как пишет Петров.

Криволуцких было семеро братьев и одна сестра. Был у них еще один Прокопий (младший), Антон и другие, но в партизанах не были.

Вторая большая семья братьев — это Кочергины (Тарасенковы).

Когда штабу стало известно, что идет 6-я рота, на Неванском тракте, на Шухаревой горе, были вырыты окопы.

Я слышал, что какой-то Генералов сидел у румын вместе с Бичом!

Гришку Ц. арестовал Василий Тарасенков, а расстрелян в Бузыканоно (по одним данным, расстреливали Василий Тарасенков и Захыр Абатулин). Гришка был не нижезаимский, временно там проживал на квартире, занимался воровством и, говорят, шпионажем. До этого жил в Верхнем Ужете у Пятниковых. У него был сын Витька.

(Черневский: «Что представлял из себя Кочергин И.Д., и в чем заключалось его предательство? Кто такой Кочергин М.Н.? Кочергин И.Н.?, Кочергин И.Ф.? Кочергин И.П.? Кочергин Павел Ильич? Кочергин Трофим? Москвитин Родион? Москвитин Ф.? Москвитин Егор? Кто они и почему были арестованы белыми?

По другим данным, Криволуцкий Прокопий-второй, Алексей и Антон и... не родные, а двоюродные братья по отцу — Криволуцкому-партизану (а если семь братьев, то два Прокопия, Иван, Алексей, Антон, а кто еще? — всего получается пять). Говорят, что вторая жена П.Д. Криволуцкого сейчас живет в Синякино с сыном Славиком, 1922—1923 г.р. Андриюкович Трофим Васильевич (Трошка) был пленен и казнен в Тайшете вместе с Паниным». — Е. С.).

НИКОЛАЙ ЛАВРОВИЧ КОЧЕРГИН

**Родился в 1894 году, старожил Мартяшиной заимки (д. Венгерка).
Партизан, ныне пенсионер (г. Тайшет, Пушкина, 3-6).
Беседа состоялась 14 сентября 1961 года**

В 1919 году наша деревня, бывшая Мартяшина заимка (от первопоселенца нижнезаимского крестьянина Мартемьяна Москвитина, Мартяшки, Мартяшина) называлась уже Венгеркой, 7—8 дворов располагались на левом берегу Бирюсы. Здесь жили: «

- Зимарев Григорий Яковлевич, старик, мой тесть (я был женат на его дочери Пелагее),
- Балакирев, старик с шестью детками,
- я, Кочергин Николай Лаврович,
- Москвитин Дмитрий Демидович (самый зажиточный в нашей деревне, имел табуны лошадей и коров),
- Москвитин Иван Дмитриевич, его сын, жил в особи, т.е. отдельно,
- Зимарев Михаил Григорьевич, мой шурин,
- Москвитин Иван Андреевич, по-уличному Мартяшин, внук основателя деревни Мартемьяна Москвитина, левый эсер, партизан,
- Кочергин Григорий Романович (а отец его жил в Н-Заимке), был партизаном, но лишь с осени 1919 г., живет в Тайшете рядом со мной.

Я остался без отца в 13 лет, работал у богатых мужиков, а потом стал охотником. До революции, еще при царизме, у меня за недоплату податей в сумме 5 рублей приехавшие из Канска и Тайшета пристав и урядник забрали самовар и посадили в «чижовку» — каталажку. Тогда я еще был холостой.

В 1915 году я призвался и был на германской войне. После контузии в 1917 году лежал в госпитале в Полоцке, Витебской губернии. Однажды утром, только поднялись с постелей, слышим, поют «Марсельезу», — это свергли царя, была Февральская революция.

В начале 1919 года через Костю Москвитина (ему было лет 30—35) и Николая Ивановича Куприянова (он был старше меня года на два-три, тогда ему было лет 38, а Костя мой ровесник, годок) узнал о готовящемся восстании против колчаковцев.

У меня скрывался от мобилизации нижнезаимский батрак, живший в работниках у богатого крестьянина (зажиточного) Николая Филимоновича Кочергина, Тахватулин Василий, ставший впоследствии одним из активных организаторов-подпольщиков и партизаном. Он хотя и был батраком, но жил у Николая Филимоновича Кочергина за сына и очень дружил с его сыном, ровесником Филимоном Николевичем.

Когда мы узнали от крестьян, что в Шиткино галошинцы захватили кого-то в плен, мы с Василием Тахватулиным взяли ружья, лыжи, сели на сани и поехали в Нижнюю Заимку, думая, что нижнезаимские подпольщики организуют «встречу» галошинцам, поехавшим через Борисово, а не через Нижнюю Заимку. Но они бездействовали, и тогда решили поехать в Борисово

сами и узнать, кого взяли галошинцы, думая, что они уже уехали. Но по дороге встретили ... который нам сказал, что белые еще в деревне — и мы вернулись, т.к. вдвоем против отряда ничего сделать не смогли бы, а лишь попали бы в их лапы. (Черневский: «О Свенском» — Е. С.).

С организацией партизанского фронта я сразу в отряд не пошел, т.к. после контузии чувствовал себя плохо, а Василий Тахватулин пошел сразу, как и эсер Иван Андреевич Москвитин.

В отряд я вступил уже после сожжения Бирюсы, Конторки и Акульшета, когда партизаны стояли в Шиткино (отряд Прокопия Криволуцкого).

Было это так. В пяти верстах от Венгерки есть остров в устье р. Топорок — Топорков остров. После того как я пришел в Шиткино и Криволуцкий выдал мне боевую винтовку, я в составе разведки, человек 25, пошел из Шиткино ночью к Н-Заимке (дней через десять), но наша разведка уплыла на лодках на остров, а оттуда мы и вели разведку. С нами были: я, Чайковский Филипп Михайлович, Куприянов Николай Иванович, Лифантьев Никон Иванович, Кочергин Павел Ильич, Кочергин Осип Николаевич, Тахватулин Василий, Абатулин Захыр, Москвитин Иван Андреевич (Мартяшин).

Прожили на острове с неделю. Я, Чайковский, Куприянов и Тахватулин пошли ко мне в Венгерку за хлебом и помыться в бане. Чайковский и Куприянов остались в лесу в метрах в ста, я принес им хлеб (жена много напекла), а сам ушел опять. Василий моется в бане, а я наблюдаю из избы за дорогой, что ведет от тракта в нашу деревню. У ворот своего дома сидит богатый мужик Москвитин Дмитрий Демидович и все видит. Мы его боялись. Васька помылся, за ним я. Все благополучно. Вошел в дом, перевязали мешки с хлебом, стал вкидывать на плечи свой мешок, вдруг вбегает Васька: «Бежим, чехи!».

Выскочили в окошко. Оружия с собой нет, я спрятал винтовку у лодки, а у них вообще не было оружия. Из кустов наблюдаем. Чехов вел О., он ехал впереди на коне, в руках наган. Подъехали к моим воротам, залаяли мои три собаки, вышла жена. Но они в дом не пошли, уехали. Мы подошли к Чайковскому и Куприянову и все вместе вернулись, без хлеба, на остров.

Переночевали. Голодно. Рано утром Захырка Абатулин зовет на Кавказ — там осталась штабная кобылица, хотели зарезать на мясо. Пришли вдвоем, но, оказывается, кто-то уже зарезал, и мясо лежит в погребе у старика Баймуратова (тесть Захырки). Взяли килограммов десять, старик дал две булки хлеба.

Идем к лодке, которую оставили на том берегу, и вдруг видим — стоит оседланный конь. Подозрительно. На мне японская винтовка. Спускаемся по косогору. Слышим: стрельба. Спрятались за камень. Стрельба прекратилась. Конь стоит. Может, кто-то из наших приехал, из Шиткино? Идем осторожно. Снова стрельба, в районе нашего острова с борисовской стороны. Оказывается, чехи окружили остров, наши бросились к лодке, чехи их заметили и обстреляли. Чайковскому прострелили воротник на шубе! Они перешли протоку вброд и ушли в Шиткино. И мы туда.

Отряд Криволуцкого снова стал расти, сошлись разбежавшиеся. Простояли еще с неделю и отступили по Неванскому тракту на Чуну (командовали Криволуцкий и Матвей Критинин). Простояли неделю в Мохначах, крестьяне изготовили плоты, поплыли вниз. В районе Выдрино наши взяли в плен Ма-

шукова и с ним девять человек. Мы взяли его на поруки и вернули ему и его ребятам оружие (Черневский: «Это баерцы». — Е. С).

До Кондратьево шли на плотках. Там стояли около недели, оттуда на Лапино. Около месяца. Затем вернулись на 33-ю версту, здесь была военная конференция (августовская?). Есть было нечего. «Ешьте ягоды, хлеба не спрашивайте», — говорил Криволицкий (год был ягодный).

Снова пошли на Лапино и по участкам. Я был во взводе Ивана Криволицкого, что стоял в Глинном. Прокопий Криволицкий в Пойме. В Пойме был и Костя Москвитин. Он стоял у богатого мужика Карпеевского и там сошелся с Таней Кочергиной, сестрой Евдокима Кочергина. Она перед соединением с Красной армией родила парнишку весом в пять килограммов.

Между Костей и Евдокимом был раздор. А оба они, да и Криволицкий, недолго любили Машукова за его командирский талант.

Когда Машуков шел на разведку на Черчет, Бич хотел идти с ним, но он и другие командиры отговорили: и болен, и там все знают. У него уже тогда мы замечали что-то неладное с головой.

После ухода Машукова он снова стал проситься в разведку и просить людей. Пришел к нам. Иван Криволицкий сказал, если кто хочет идти добровольно, пусть идет. Пошли шесть человек, Бич седьмой. Я помню четверых: Бич, я, Необъявляющий и Михаил Шабан с Сергиевского участка (*Михаил Сидоров?* (зачеркнуто. — Е. С.) Михаил Яковлев-Ласточкин?) и трое из 6-й роты. Остальное так, как рассказал Необъявляющий: мы слышали выстрел. До этого, когда Бич звал нас пить чай, я заметил, что он выпивши). Мы с разведки вернулись в Глинный.

Потом я снова попал на Чуну, зимой 1919—1920 гг., в распоряжение Н.И. Куприянова для сбора лыж. Мы ездили до Каменки вверх по Уде и собрали около тысячи пер лыж. Со мной были: Соколов Владимир (за старшего, выдавал расписки), Тимошечкин (мы его звали Тимофей Тимофеев), Кочергин Федор Григорьевич и Емельян Криволицкий.

В Иркутске с Красной Армией я, Насыров и еще человек шесть попали в охрану золотого поезда.

Отдельные эпизоды и замечания

- Брат казненного партизанами кулака И.Н.С., И.И.С. (младший), тоже был предателем, мстя за брата, доносил и водил белочехов и румын.

- Запасов Федор жил в работниках у Кочергина...

- Басурманин однажды чуть не пристрелил Ивана Андреевича Москвитина — Мартяшина. Тот был эсер, но очень смирный, а Басурманин анархист.

- Штаб был сначала в школе, а потом в доме кулака Гуреева (или Горенского — Григория Ивановича Савельевского?).

- В Нижней Заимке сейчас живет бывший партизан Запасов Федор (его жена много знает о румынах), Кочергин Григорий Романович (переехал в Тайшет), Москвитин Тарас Андреевич, Степаненко Вавил Веденисович, Адамюк Иван Анисимович.

- В Шиткино живет дочь пленного румына Пензаль (кажется, Ивана — Ивана Румынца?). В Тайшете недавно умер бывший пленный румын Брич.

ПЕТР АРХИПОВИЧ КАЮЧКИН

**Родился в 1897 году, бывший крестьянин-переселенец из с. Шелехово, партизан Серафимовского отряда, ныне пенсионер, проживает в Тайшете по ул. Тимирязева, 29.
Беседа состоялась 23 сентября 1961 года**

» В 1907 году наша семья переселилась из Могилевской губернии в Сибирь, в деревню Шелехово, Конторской волости, Канского уезда Енисейской губ. Состав семьи: отец Архип, мать Акулина Остаповна, я самый старший из детей, сестра Татьяна и братья Дмитрий, Матвей, Иван и Егор (1918 г.р.).

В 1916 г. я был взят в солдаты, служил на КВЖД в 1-й роте железнодорожного батальона 3-го Заморского железнодорожного полка в Харбине. В 1918 г. за выступление против Хорвата¹ нашу часть в 24 часа погрузили и эвакуировали Никольск-Уссурийск, оттуда в Иркутск, где мы приняли участие в борьбе с кадетами (?). В апреле 1918 года перед бело-чешским переворотом я прибыл домой (в армии стал кузнецом).

После бело-чешского переворота, а затем и колчаковского, зимой 1919 года в Шелехово приехал Бич Иван Андреевич и в сельской провел собрание, открытое. Помню, он читал воззвание Красной армии к сибирякам с призывами организовывать восстания и вести борьбу с колчаковщиной. (Я был еще не женат!) «Вот, товарищи, Красная армия просит помочь ей восстановить в Сибири советскую власть».

Вскоре после этого первые добровольцы из Шелехово и других сел прибыли в Серафимовку, заняли школу и разместили в ней штаб и кухню, а людей — по крестьянским избам.

Я хорошо помню, что в Шелехово на собрании были Горегляды из Ингашета.

В числе первых добровольцев из Шелехово были:

- Каючкин Петр Архипович,

- Артюх Григорий Пантелеевич (был командиром взвода),

- переселенец с Украины Иовенко Лука Зиновьевич, активный партизан,

умер,

- Дмитриченко Степан,

- Кляус Петр,

- Квашин Трифон (активный партизан),

¹ Дмитрий Леонидович Хорват (1858—1937) — русский генерал-лейтенант, инженер-путеец по образованию, в разные годы руководил различными участками железных дорог Российской империи, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. В ноябре 1902 года получил предложение занять пост управляющего строившейся тогда Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). С 1903 года — руководитель строительства, затем, вплоть до 27 апреля 1918 года, управляющий КВЖД (<https://ru.wikipedia>).

- Парчиков Михаил Григорьевич (живет в Тайшете по Ленина),

- Кляус Аркадий — позже вступил;

из Ингашета:

- Горегляды Василий, Максим и Никанор,

- Лозицкий Леонтий Ант.;

(дописано позже. — Е. С.): Морозов Тимофей, Федоров Константин,

- из Талой Мясников Иван Еф. (д. Благодатская),

- Бачанов Семен,

- Крюков Яков;

из Серафимовки:

- Чуяшов Роман;

- Филатов Афонька

- *Быков Павел* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.)

(живет в Тайшете, Комс., 185);

(дописано позже. — Е. С.): Дыдалев Александр Никитович (живет в Соляной);

из Еланки:

- Федотов Семен Ив. (живет в Венгерке),

- Кошура Александр (живет в Юртах),

- Кончаленко Антон,

(дописано позже. — Е. С.): Грязновский Филипп;

из Большой Речки...

из Надежденки (дописано позже. — Е. С.): Свитин Дмитрий, Лисин, Ферес;

из Нового Акульшета (дописано позже. — Е. С.): Грибанов Павел (очень

хороший лыжник).

Потом к нам в отряд прибыл наш шелеховский Барчук Максим Иванович. Он сбежал от Колчака и привел с собой четырех солдат, все с винтовками, а также Филимонова Михаила.

Командиром отряда был Горегляд Василий Адамович, взводными командирами Горегляд Никанор, Горегляд Максим, Артюх и я.

Я командовал взводом лыжников в сорок человек по диверсиям на железной дороге в районе ст. Байроновка. До деревни Надеждинской мы ездили на санях, а оттуда на лыжах к линии железной дороги. Дважды с Байроновки приносили трофеи — оружие, два маузера, железнодорожный инструмент.

В Шелехово создали волостной исполнительный комитет. Там работали Офицеров Федот Тимофеевич и Скороход Петро.

Вразное время — точно не помню, когда, возможно, некоторые и сначала — вступили в отряды:

ингашетские:

Малущицкий Иван,

Климович (а не Климкевич) Степан Федорович,

Бурван Захарий (живет в Тайшете),

Бурван Михаил (Минка), умер.

Петухов Иван Ефремович (живет в Енисейке),

Козлов Иван Егорович (там же),

Кулешов Филип (погиб при несчастном случае),

Кулешов Максим (более активный, чем Филип),

Шкредов Афанасий Леонтьевич (живет в Ингашете),
Шанчук (Шемчук) Василий (больше в обозе, живет в Ингашете),
Жоров Василий Тихонович;
шелеховские:
Справников Василий Карпович,
Чертков Иван Григорьевич;
другие:
Мясников Иван Ефимович (живет в Благодатской, его брат, Герой Советского Союза, погиб в Отечественную войну),
Рукоуев Илларион Филимонович, был секретарем отряда, очень активный (живет в Талой),
Рукоуев Терентий Митрофанович, маленький, хороший лыжник и активный партизан;
тальские:
Козлов Николай,
Ширяев Григорий, бывший политкаторжанин,
Титов Григорий, фронтовик,
Непомнящий, рядовой (Черневский: «А по воспоминаниям Иллариона Рукоуева, командир отряда». — Е. С.),
Брюханов Степан Григорьевич (Самолятов),
Гредюшко Илья Михайлович (хутор Светлый).

Что касается участия в партизанском движении Горегляда Николая Лукича, Дворяниновичей Якова Федоровича (отца) и Федора Яковлевича (сына), Якименко Филиппа Прохоровича, Крышки Кондрата, Офицеровых Григория, Данилы, Сергея и Минки Тимофеевичей, Меренкова Парфена Наумовича — это сомнительно, я не помню, чтобы они участвовали, хотя и хорошо знаю этих людей.

Серафимовские Ковалев (староста), Быков Клим и Шатун участвовали не в отрядах с оружием в руках, а в обозе, давали подводы, подвозили продукты, содействовали косвенно.

Кроме диверсий на железной дороге (на которые со мной ходили следующие из тех, кого я хорошо помню: Иовенко Лука Зиновьевич...), мы участвовали в наступлении на Тайшет.

Тайшетская операция

Все отряды под общим командованием Василия Адамовича Горегляда, поехали на подводах в Тайшет.

В этом походе участвовали:

- Горегляды Максим, Василий, Никанор,
- я,
- Артюх Григорий Пантелеевич,
- Квашин Трифон,
- Иовенко Лука Зиновьевич,
- Барчук Максим Иванович,
- Филимонов Михаил,

- Дыдалев Александр Никитович,
- Кашура Александр,
- Федотов Семен Иванович,
- Морозов Тимофей Андреевич,
- Жоров Василий Тихонович,
- *Кулешов Максим* (зачеркнуто. — Е. С.),
- Чуяшов Роман,
- Гредюшко Илья Михайлович,
- Непомнящий Андрей,
- *Бурван Захарий* (зачеркнуто. — Е. С.),
- Козлов Николай?
- Козлов Иван Егорович ???
- *Мясников Иван Ефимович* (зачеркнуто. — Е. С.),
- Бычанов Семен,
- *Рукосуев Илларион Филимонович* (зачеркнуто. — Е. С.),
- Рукосуев Терентий Митрофанович,
- Федоров Константин,
- Шкредов Афанасий Леонтьевич,
- Лозицкий Леонтий Антонович,
- Бурван Минка.

(Дописано позднее Черневским: «Кулешов Филипп. Был!» — Е.С.)

Василий Горегляд хрипастым голосом командовал: «Вперед! Вперед!». Наш Серафимовский отряд имел задачу к часу ночи выйти повзводно к объектам — сначала к Тайшету — и ждать ракет: первой зеленой (по ней подтягиваться к объектам) и красной (по ней открывать бой). Нашими объектами были: лесозавод, почта, церковь и волостная управа. Я командовал взводом, который должен был взять церковь, т.к. на ней пулемет.

Отряды, не дождавшись ракеты, сигнал которой должен был подать Конторско-бирюсинский отряд, не выполнивший задания, получили приказание от подъехавших на конях Константина Москвитина и Николая Шалыгина наступать, и мы подошли к церкви. Остальные отряды тоже вышли на свои объекты.

Но в результате промедления белочехи успели развернуться и стали нас (акульшетцы должны были взять водокачку или бирюсинцы?) окружать, открыли огонь. Из моего взвода было убито четверо бойцов: молодой боевой паренек Швецов, пришедший в отряд перед самым наступлением, Павел Грибов из Нового Акульшета, хороший лыжник, и еще двое, их имена не помню.

Нам пришлось отойти. Отошли и другие взводы, и мы все вместе вернулись в Серафимовку. Сам я при отходе по 1-й Зеленой улице (ныне им. Ленина) был ранен в руку — возле дома Иона Яковлевича... (ингашетский, держал в Тайшете постоянный двор, это место на углу нынешних улиц Ленина и 19 Партсъезда, наискосок от редакции).

После неудачной Тайшетской операции отряд, опасаясь наступления белых и расправы, перебазировался на Красный мост — в тайгу, между Серафимовкой и Старым Шелеховым, ближе к Серафимовке (в 4 верстах от Серафимовки и в 10—11 верстах от Шелехова, в 4 верстах от Лысой горы, точнее,

между Серафимовкой и Лысой горой). Здесь устроили шатры-юрты из веток лозняка, елей, осинника и других деревьев и не покидали этого лагеря до зимы, высылая разведки, давая бой в засадах карателям и уходя в тайгу, лавировали. Был бой на мосту, где у нас постоянно была охрана, выходили к Серафимовке и там устраивали засады. Ходили навстречу белым под Серафимовкой, засады между Лысой горой и мостом, где много белых уничтожили.

В июне 1919 г., когда прибыл Жичкин и провел в Ингашете собрание-конференцию, в это время дозором сообщили, что идут чехи (или румыны) из Сергино. Они уже погрузились на паром с правого берега, но мы их обстреляли и много уничтожили (?). Но все же каратели пришли и часто громили наши села. Приезжали чехи, русские белогвардейцы- красильниковцы с собаками.

У Горегляда, Артюха, Скороходова, Офицеровых и у меня они забрали весь скот, а мою семью (мать и детей) выгнали из дома на остров, приказали обществу, чтобы не только я, но и никто из членов семьи не появлялся в с. Шелехово. Отец в это время из-за меня сам скрывался в тайге, иначе бы его казнили. Мать Акулину Остаповну избили до полусмерти шомполами и сослали на безлюдный остров, где тогда никто не жил. Они там соорудили юрту — балаган и жили голодными и холодными. Там умер самый маленький мой братишка Егорушка (ему было около годика). Хотели сжечь дом, но вступился поп отец Иван (Иван Иванович Сулавка), с которым мой отец очень дружил, т.к. был богомольный. Вообще же этот поп не вредный.

Максим Барчук как-то пошел к отцу помочь на покосе (он в это время был секретарем волисполкома), там жил в юрте. Белые пригрозили отцу, и он сам повел их к сыну. Максима захватили спящим и повесили в Тайшете на эстакаде в сентябре, но уже после Бича.

Никанора Горегляда встретили в Ингашете двое белогвардейцев, верших, с винтовками: «Ты партизан?». «Партизан!» — и он у обоих выхватил винтовки, сбросил с седел, а сам вскочил на коня и привел обоих коней на Красный мост (там у нас были склад, полевая кухня). Никанор был большого роста, силач.

Забыл сказать, что в Тайшет большинство шло переодетыми (??) в чешскую форму, добытую на железной дороге при налетах (??).

Мне часто приходилось ходить на разведку в Тайшет (наган, гранаты, кинжал). Там жил на 1-й Зеленой улице (ныне Ленина) мой знакомый Кузьма Иванович Седых, с которым я в первые месяцы до чешского переворота немного вместе работал в волостных мастерских, а при белых он работал у них в санитарном поезде. Он был нашим связным. У него я не только узнавал сведения, но добывал через него патроны, гранаты. Однажды я попал в плен. Но об этом сейчас говорить не могу... (Черневский: «Здесь рассказчик не выдержал, слезы выступили на глазах». — Е. С.).

Отдельные эпизоды и замечания

- Награбленный скот белочехи пасли на юго-восточной окраине Тайшета на пастбище. Пастухи верховые, с ружьями. Мы послали два взвода и захватили весь табун, пригнали на Красный мост. Часть роздали крестьянам, часть пользовали для общей кухни.

- Серафимовскую учительницу за шпионаж (у нее обнаружили фото партизан и тайные записи, сын у нее был белым офицером) казнили партизаны М.Г. и К.Ф.

- Партизан Ферес связался с шелеховским кузнецом Савелием Хромым (прозвище). Он приезжий, открыл кузню, но занимался воровством. Вдвоем они ограбили ингашетского зажиточного крестьянина Кравченко Андрея Романовича, пожилого, 50-летнего. Он пожаловался в волисполком, оттуда сообщили в штаб отряда, и обоих приговорили к смерти — утопили живьем в реке.

- Когда по разным дорогам отступали белые: красильниковцы, сахаровцы и каппелевцы, мы наносили им серьезные удары.

АННА (ГАННА) ЛАВРЕНТЬЕВНА МАРЧАН

Родилась в 1884 году, бывшая жительница деревни Авдюшиной, родная сестра партизана Перфилия Лаврентьевича Бельницкого, замужем за Александром Карповичем Марчаном, братом казненного партизана Ивана Карповича Марчана. Ныне проживает в п. Суетиха по ул. Пушкина, 24. Беседа состоялась 1 октября 1964 года

В 1919 году наша семья Бельницких состояла из восьми человек: отец Лаврён, мать Лаврушиха, старшая сестра, брат Карп (Карпо), я, брат Перфилий (Перфил) — самый младший, брат Роман, брат Федот (еще не женатый, бегал за Дашкой Крячиковой — Самоновой).

Перфилий был года на два-три младше меня. Он был женат на Нине (Анисье) Абрамовне Омельченко, когда ушел в армию (еще до революции). В его отсутствие Нинка (Анисья) спуталась с его братом Романом. Перфилий узнал и, когда вернулся из армии, отказался от нее (детей не было), и тогда ее совсем взял Роман. А Перфилий тем временем сошелся в Чите с офицерской женой, звали ее Степанидой. И когда, вернувшись, он окончательно убедился в измене Анисьи и отказался от нее, послал брата Карпо за офицерской женой, и тот привез ее из Читы.

Году в 1917-м или 1918-м, перед партизанщиной, у них родился дочка Тамара, вся в мать, красивая, с родинкой на щеке. В 1919 году ей было всего один или два годика. Степанида застрелилась из Перфильева нагана вскоре после партизанщины.

У Перфилия Бельницкого было несколько жен: Анисья Абрамовна (Нина, сестра партизана Харитона Омельченко), Степанида-офицерша, Маланья Никитовна (Кваша), Александра Ефимовна (Марчан) — живет в Сполохе, замужем за Якущенко Григорием.

В партизанских отрядах были:

- Бельнийкий Перфилий Лаврентьевич;
- Крячик Григорий Семенович, у него осталось двое детей: Ваня лет двух и Приська 1918 г.р.;

- Омельченко Харитон Абрамович, брат жены П. Бельницкого Нины (Анисьи);

- Негриенко Федор Тимофеевич,
- Демченко Осип...
- Демченко Григорий...
- Готовый Андрей Максимович;
- Баран Куприян Анисимович;
- Готовый Вартолий Максимович;
- Готовый Матвей...
- Ладченко Степан Михайлович.

Ладченко был вроде тылового начальника, старшим среди этих.

Первым из авдюшинцев был взят чехами Иван Карпович Марчан — у себя в железнодорожной будке, где он жил с женой Марьей и сыном Александром. Его предупреждали партизаны, чтобы уходил к ним, но он не послушался. Жена в это время с ним не была, она ушла в Авдюшино. Его повесили на эстакаде в Тайшете как «разборщика пути». Снять не давали и хоронить тоже. Где он похоронен — неизвестно. Жену Марчана звали Мария. Предал его дорожный мастер К., его участок Тайшет—Юрты.

Облаву на вторую группу партизан румыны начали ночью (Черневский: «Другие говорят: на рассвете». — Е. С.), когда мы спали. Тогда согнали очень много людей — в том числе Бельницких Романа и Федота — в дом Остапа Карповича Марчана (жена Елена).

Один русский офицер или чех, он был белый, хорошо говорил по-русски, зашел ко мне, стал расспрашивать, нет ли родни среди партизан, — всюду разыскивал Перфилия. Я сказала, что нет. Он сказал, чтобы я не боялась и кого надо предупредила. Но обыск произвел. И рассказал, что в одной избе он видел партизана, но не взял его. Я все же зашла в избу Остапа, шепнула Федоту и Роману, мол, бегите, а то вас всех расстреляют или повесят. Федот вышел, вроде по нужде, пошел на огород, потоптался, но вернулся. Побоялся. Он тогда еще не был женат, а крутился с Дашкой Крячик. Только пришел с гулянки, его и захватили.

Потом я у Галины, жены Харитона Омельченко узнала, что офицер говорил правду. Она рассказала, что Харитон в эту ночь пришел домой из тайги, они помылись в бане и легли спать. Вдруг стук в дверь, Галина встала, накинула ряденец¹. Увидев офицера и трех румын, отскочила, и ряденец упал. Харитон, когда постучались, успел забраться на чердак. Чех или русский офицер, когда румыны хотели забраться на чердак, отговорил их и сам полез. Он увидел там Харитона, но крикнул вниз: «Здесь нет никого!».

Помню, еще до этого приезжали чехи (в первый раз), все верхом, седла скрипят, сами чистые, аккуратные, красивые и вежливые. Спросили у сидящих на бревне мужиков: «Что так смотрите? Нельзя ли на крупу выменять квашеной капусты». А на другой день приехали с бочками, нагрузились капустой и картошкой.

В отношении нападения на них я ничего не слышала. Ехали они не осинниковской дорогой, а через гору, где была Авдюшева заимка.

Партизан наших выдали К.Д. и С.М. Говорили и про Ивана Суханевича и Никиту Бельницкого, но Никита был наш сродный брат, мы такого про него не думали. А когда появился вокруг Авдюшина отряд Жичкина, и бабы [об этом] рассказали, С.М. испугался: «Теперь жать на пашню не ходи!». Александр Карпович Марчан, мой муж, и говорит: «Дурак, надо будет, и дома с печи стянут». К.Д., узнав об этом, скрылся в лесу у Мутовина, и на пашне своей не был, и домой не приходил, но его нашли и казнили.

¹ Ряденец — оберег.

Однажды наши партизаны поседлали коней и хотели прорваться к своим, но наткнулись на чехов и вернулись, рассыпались. В это время жена Ивана Марчана держала коня, конь вырвался и разбил ей нижнюю челюсть. Вся в крови, говорить не может...

Отдельные эпизоды и замечания

- Жену Лосинского Ивана Петровича звали Мартохой (Матрена Игнатьевна, вторая жена Лосинского, по первому мужу Суханевич).
- На Троицу в Авдюшиной всегда качались на качелях.
- Баран Куприян был не такой великан, как вам расписали другие, но крепкий. Много выпивал, бывал в Америке с женой Матреной. У них была одна дочь...
- Квашу звали Никита.
- У Самона Крячика была клуня — Самонова клуня, на которой многие молотили.
- Дети часто играли в «киці бабы» — «пижмурки» на украинском языке, в жмурки, особенно девочки.
- Демка Негриенко женат на *Козодоихе* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Матрене Крячиковой.
- У Григория Крячика были дети: Фрося, или Приська (старшая), и сын Иван, жена Дарья (Петренко, картавая, глуховатая). У нее был очень толстый язык. Григорий только пришел с германской, враз свадьбу сыграл.

Родство Крячиков

1. С Бельницкими через Дарью Семеновну Крячик, вышедшую за Федота Бельницкого, но тогда [в партизанщину] они были еще только парень-ухажер и девка-невеста.

2. С Негриенко: Григорий Крячик был женат на Дарье Петренко, по-уличному Драгонивьска, Дреган. У Дарьи была сестра Миля (Анфиса) Драгонивьска (Петренко), которая вышла замуж за Федора Негриенко. Вышла в советские годы. Кажется, в 1919 году они еще не были родней, как и с Бельницкими. У Федора была первая жена Анфиса (не авдюшинская) и двое детей, Люба и Юра, приблизительно 1920 г.р.

3. С Петренко — Дрогонивськими через жену Григория Дарью Дрогонивськую.

(Черневский: «Узнать, когда женился Федор Негриенко». — Е. С).

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КОРОТКОВ

Родился в 1894 году,
бывший активный участник партизанского движения —
Шиткинского фронта,
ныне проживает в Новосибирске-5, ул. Каменская, 69, кв. 2.
Был арестован и реабилитирован в 1962 году.
Беседа состоялась 14—15 ноября 1961 года

В 1918 году я работал машинистом паровоза в Чите и был у Лазо в Красной гвардии. После падения советской власти я пробрался в Получеремхово к свояку Ивану Сергеевичу Быбину (мы женаты на сестрах). Здесь меня вскоре арестовали белогвардейцы (пронюхал и арестовал юртинский милиционер Зелененко) как комиссара Лазо. Увезли в Канск. Грозилась смерть. Попросили жену Фаину Антоновну (урожденную Кочергину из Нижней Заимки) (Черневский: «Сестра партизана Кочергина М.А.» — Е. С.), чтобы собрали сход и написали поручительство (приговор). Посодействовали Быбин Иван Сергеевич и Логинов Павел, др.

Первые, с кем повел я подпольную работу, были Павел Логинов и Эрнст Беркен, еще до моего ареста. После ареста я стал осторожнее. Боялся Глеба Логинова, Якова Широглазова... В партизаны пошли не все сразу, а группами (мы имели связь с Гавриилом Поповым — еловским). Я ушел одним из последних, иначе нельзя было.

Я хорошо помню, что из Еловой пришли сразу семь добровольцев:

- 1) Петров Степан,
- 2) Логин Максим Трофимович,
- 3) Попов Гавриил,
- 4) Сидоров Василий,
- 5) Макаров Илья Ефимович,
- 6) Семенов Спиридон,
- 7) Пестерев Афанасий.

Я работал в ружейных мастерских сперва в Конторке, а потом в Нижней Заимке. В мае был избран членом районного гражданского Совета. Во время отступления часто видел Богдановича — в шляпе, в толстовке, подпоясанной шнурком. Он ничем себя не выказывал, был тогда еще рядовым бойцом. Часто дежурил при штабе (Черневский: «Вот это здорово: рядовой дежурный боец стал начальником штаба!»). — Е. С.).

Отступал я на Шалаево вместе с Дрошкиным. Его и мою семью мы отправили на подводах вперед. В лесу кто-то выстрелил, лошадь понесла, мой восьмимесячный ребенок вывалился и сильно разбился, после этого все время болел и умер в Кадарее поздней осенью 1919 года, по снегу. Они ехали вместе с табуном организационных коров, которых гнали на Шалаево. Потом приехали мы. В Лапино переправились на правый берег на лодках, т.к. у парома был перерублен канат.

Забыл сказать, что перед Тайшетским боем была конференция в Старом Акульшете, где был и я. Дерюшкин был там секретарем штаба, он тайшетский старожил, анархист, имел связь с Тайшетом через собаку, посылал записки в ошейнике: туда с кем-нибудь, а оттуда собака бежит сама. Так вот собака Дерюшкина принесла записку (а от кого, не знаю), в которой говорилось, что все воинские части из Тайшета уведены на подавление восстания в Камарчаге на Клюквенском фронте, остался только железнодорожный батальон, который не окажет сопротивления. Но к моменту нашего выступления части вернулись.

В тайшетском бою участвовали серафимовцы! Участвовал Иван Смолин. Погиб Андрукевич Трофим, тайшетский или нижезаимский партизан.

Все лето и осень 1919 года я работал в Совете и в ревизионной комиссии Шиткинского фронта. Об этом у вас есть документы в книге Криволицкого П. Д. «Шиткинские партизаны».

В середине ноября вместе с Жичкиным и Насоновым (втроем) был в следственной комиссии по расследованию действий Яна Пепула и Ивана Смолина на Ангаре и вернулся в декабре (Черневский: «По воспоминаниям Насонова, поехали не трое, а пятеро. Кроме указанных трех, были Гавриил Попов и Павел Савицкий». — *Е. С.*).

Делегат августовского и декабрьского съездов (в Петропавловке и в Бузыканово).

Мне много пришлось работать вместе с товарищами Вирченко Иваном Васильевичем (пожилой), Поповым Александром (тоже пожилой), оба из Червянки, и с Антоновым Федором Алексеевичем — все это очень порядочные люди.

Отдельные эпизоды и замечания

- В отряде Бича-Таежного был Михаил Александрович (возможно, Иванович) Полканов (не то из Нижней Заимки, не то из Тайшета). Он сейчас живет в Чунском районе, пос. Октябрьский, ул. Мира, д.2.

- Лушников — работал в штабе на машинке.

- Павловский — огромного роста, а жена его — маленькая, с оружием в руках была в партизанских отрядах.

- *Трилюс* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — *Е. С.*) — тайшетский партизан Шиткинского фронта (Черневский: «Роберт Прилус?». — *Е. С.*).

- Были шалаевские партизаны два брата Лютых — Александр и...

- Мне хорошо известно, что переселенческие участки Черчет, Черенгачет, Шегашет и Глинный нарезаны одновременно в 1901 году (Черневский: «Нет, Глинный в 1900-м, Шегашет в 1902-м, Черенгачет в 1907-м, Черчет в 1902-м». — *Е. С.*).

- Михаил Жичкин среднего роста, плечистый, русский, с усиками. Храбр, но грубоват.

- Половиночеремховский Тимофеев был в очень близких отношениях с Теодоровичем, когда тот жил в Тайшете. Инженер ж.д., хотел строить какой-то завод. Он из Тины. Звать Иван Тимофеевич.

- Басурманин — лет сорока, его отряд состоял из семнадцати кавалеристов.

МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ ПЯТНИКОВ

Родился в 1909 году,
бывший житель села Верхний Ужет¹, ныне — села Бирюса.
Беседа состоялась 24 декабря 1961 года

Село наше основано в 1906 году. При нарезке участка было намечено место для церкви, поэтому оно и называлось селом. Наша семья переселилась туда из Белоруссии, Могилевская губерния, в 1908 г. В 1919 году село состояло из двух основных улиц: Верхней и Нижней, третья улица — Забегаловка — представляла продолжение Нижней улицы, но уже в лесу, с выходом в тайгу. «

С Верхней улицы идет главная дорога — на Конторку. На этом конторском краю стояли дома всей нашей родовой — Пятниковых, и поэтому этот конец улицы так и звали: Пятницкий край.

Здесь стояли дома:

- 1) Пятникова Ефима Павловича (наш дом, дом моего отца),
- 2) Пятникова Тимофея Павловича (мой дядя),
- 3) Пятникова Петра Павловича (тоже) (Черневский: «Но ведь этот жил вместе с Тимофеем!»). — Е. С.).

Дальше, т. е. за этим краем по Верхней улице:

- 1) С.Ф. (отец), предатель,
- 2) Стефановский Иван Францевич, его сын партизан (дом на две половины, через два дома от Истратова Григория, Иван был женат),
- 3) Марченко Николай (отец),
братья:
 - 4) Марченко Никифор Николаевич (партизан),
 - 5) Марченко Лука Николаевич (до отступления был в Конторском отряде, где во время чистки ружья нечаянно убил одного партизана),
 - 6) Марченко Григорий Николаевич
(все трое отдельно от отца, в своих домах),
 - 7) Чечура Антон Харламович, жил с отцом, хромым,
 - 8) Тринутин Афанасий Иосифович, жил с отцом, холост (партизан), недалеко от Стефановичей,
 - 9) Суман Елистрат Васильевич (Алистрат), старик, и два парня по 14—15 лет, Петр и Иван,
 - 10)
 - 11)
 - 12) Казаченко Архип, старик лет 50—55,
 - 13) Тринутин Иосиф Иосифович (отец партизана),
 - 14) Малиновский Семен Савельевич, старик лет 70-ти, с сыном партизаном Моисеем Семеновичем,

¹ Деревня Вершино-Ужет (Верхний Ужет) основана в 1906 году. По данным на 1917 год, 72 хозяйства, 443 жителя (226 муж. и 217 жен. пола).

15) Матвеев Корней Корнеевич (отец партизана Ивана Корнеевича Матвеева, жили вместе, и Афанасий с ними),

16) Сидоренко Ефим, старик (сожжен дом), один,

17) Сидоренко Федосья, вдова Сидоренко Петра, умершего к тому времени, жили рядом, заплоты сходились,

18) Штагаев Григорий Николаевич, партизан,

19) Матвеев Афанас Корнеевич, 1900 г.р., с отцом.

Нижняя улица ведет на дорогу в Средний Ужет через мост через р. Ужет. Вторая дорога на Средний Ужет идет с Верхней улицы и за мостиком они сходятся в одну главную дорогу.

Здесь, у самого края, у моста, т.е. на краю Нижней улицы, жили:

1) Штагаев Николай — старик, жил с сыном Иваном (Григорием) (зачеркнуто Черневским. — Е. С.), партизаном (убит румынами), сожжен,

2) Сазонов — старик, отец партизана Сазонова Ивана,

3) Сазонов Иван, его сын партизан (сожжен), жил вместе с отцом, холост (?),

4) Смород Филипп Леонтьевич (сожжен),

5) Макрусев Дмитрий Осипович, старик (дописано позже: «Вместе с сыном партизаном Василием Дмитриевичем сожжен»),

6) Лысенко Сафрон Лукич, лет 30, сожжен,

8) Лысенко Данил Лукич, его старший брат, сожжен, были у них красивые дома,

9) Лысенко Цимбалист, сожжен.

Дальше, не с края, по Нижней улице, жили: Рубановы *Павел* и Ефим, *братья-партизаны* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.); рядом с ними Батурины Спиридон, Никита и Афанасий (их четвертый брат, Григорий, в ту пору жил уже в Догадаевке). Ближе к Забегаловке — Тихоненковы Михай и Аврам Михеевичи (отец и сын, оба партизана). Нет, они жили в самом краю Забегаловки, у поскотины.

Сазонов Федор (сожжен) жил... брат Ивана, женат, жил отдельно, уходил с партизанами. Партизан. Старший.

В 1919 году деревня состояла из 104 дворов (Черневский: «А по описи 1916 года — из 72-х». — Е. С.).

Участниками партизанского движения из нашего села были:

1. Малиновский Моисей Семенович, лет 22, жил с отцом. Их дом сожгли румыны, он уходил с партизанами в Шиткино, но с регулярными войсками не пошел (1897 г.р.).

2. Матвеев ... Корнеевич, сосед Малиновского, с 1897 г., дом его отца сожгли румыны. Сам он уходил с Красной армией на восток, но весной 1920 года вернулся раненый и умер

3. Тихоньков Михай.

4. Тихоньков Аврам Михеевич, отец и сын, жили в самом краю Забегаловки у поскотины, куда румыны не пошли, потому их не сожгли, сын ушел с Красной армией.

5. Сазонов Иван, лет 20—28, жил на краю Нижней улицы у мостика, у дороги, что ведет со Среднего Ужета. С отцом или отдельно? С отцом. Расстрелян румынами. Его взяли в подполье после старика Штагаева, отвели к лесу и там расстреляли.

6. Штагаев Иван Николаевич, 1897 г.р., жил с отцом на краю Нижней улицы, их дом сожгли, а отца казнили.

7. Штагаев Гр. Николаевич, 1895 г.р., его старший брат, живший отдельно на Верхней улице. Оба ушли с партизанами в Красную армию и вернулись после победы.

8. Пятников Петр Павлович, 1894 г.р., фронтовик с германской войны, ветеринарный фельдшер. Женат. Ушел с партизанами в армию и в 1921 году погиб от хунгузов² на Востоке, похоронен во Владивостоке.

9. Пятников Тимофей Павлович, 1897 г.р., женат.

10. Пятников Ефим Павлович, 1896 г.р., вместе с Тимофеем были у партизан до отступления, с регулярную Красную армию не пошли.

11. Рубанов Ефим Яковлевич, ушел с Красную армию, не пострадал, почему — неизвестно. Женат.

12. Родионов Павел, участвовал немного в начале, с войсками не уходил. Живет в Конторке. Не пострадал.

13. Батурин Афанасий — с регулярными войсками не уходил, не сожжен, почему — неизвестно.

14. Шахаев Василий, 1886 г.р., его арестовали как партизана, вывели расстреливать. Увезли из Верхнего Ужета в Нижнюю Заимку.

15. Стефановский Иван Францевич — сын предателя С.Ф., жил с отцом. Участвовал в поимке и казни отца. Уходил с регулярными войсками.

16. Прудников Гаврил Иванович, 1897 г.р., жил с отцом, холост. Дом его брата Никифора, отца уже не было (или их общий) сожгли.

17. Трифоненко Федор Евменович.

18. Матвеев Афанасий Корнеевич.

19. Чечура Антон Харламович.

Эти трое 1900 г.р., не знаю точно, были или нет в партизанах, но все трое ушли с Красной армией.

20. Азаренко Матвей Михайлович.

21. Марченко Лука Николаевич.

Летом 1919 года (в Ильину пятницу) у нас заночевал партизанский отряд. Со стороны Среднего Ужета пришли румыны. Их привели Л. И., борисовский... (Черневский: «Ж. И.» — Е. С.) и нижнезаимский Г. Г. И. Савельевский. Из окна дома Штагаева (где жили Рожкова и Швайдецкая) кто-то из партизан наблюдал и открыл огонь, убил коня и одного румына (капитан), после чего партизаны разбежались. Ворвавшиеся румыны учинили жестокую расправу. Первым долгом схватили старика Штагаева Николая, хозяина дома, и тут же

² Хунхузы (*кит.* краснобородый, северные разбойники) — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX — первой половине XX вв. В широком смысле — любой преступник, промышляющий разбоем. На территории России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы, составлявшие абсолютное большинство членов хунхузских бандитских группировок (Википедия).

искололи штыками. Затем поймали в подполье Ивана Сазонова, затем стали жечь подряд и сожгли семь домов на этом краю. Под репрессии попали некоторые нейтральные (Смород, Макрусов, три дома Лысенко). Но потом старик С. Ф., переселенец с Виленской губернии, кажется поляк, вызвался указать те дома, где в семьях есть партизаны, и повел по улицам, сожгли Сазонова Федора, партизан, Прудникова Никифора Ивановича (брат партизана Прудникова Гаврилы Ивановича).

На Верхней улице /сожгли/:

Марченко Никифора Николаевича, 1895 г.р. (Черневский: «Он партизан? Жил отдельно». — «Да, партизан»);

Малиновского Семена Савельевича, отца партизана Моисея Семеновича Малиновского;

Штагаева Григория Николаевича (партизана);

Матвеева Корнея Корнеевича — отец партизана Ивана Корнеевича;

Казаченко Архипа (Черневский: «Кто он и за что сожгли?». — Е. С.);

Сидоренко Ефима — содействовал партизанам;

Сидоренко Федосьи (вдова Сидоренко Петра) (Черневский: «За что?». — Е. С.);

Сумана Елистрата Васильевича (Алистрата) (Черневский: «За что?». — Е. С.);

Тринутина Иосифа Иосифовича — отец партизана Афанасия Иосифовича;

Пятникова Тимофея Павловича;

Пятникова Ефима Павловича;

Кроме того, многих из сожженных арестовали и увезли в Тайшет, а именно:

1) Малиновского Семена Савельевича,

2) Матвеева Корнея Корнеевича (за сына-партизана Ивана Корнеевича),

3) Сидоренко Ефима (в Тайшете под арестом он умер),

4) Сумана Елистрата Васильевича (Черневский: «За что?». — Е. С.),

5) Тринутина Иосифа Иосифовича,

6) Сморода Филиппа Леонтьевича (Черневский: «За что?». — Е. С.),

7) Макрусова Дмитрия, старика, его сын Василий был партизаном,

и с ними Пятникова Петра Павловича, который был партизаном, но жил с братом партизаном Тимофеем. Почему он не сбежал? Секретарь собрания. Его захватили до сожжения. Он еще закричал: «Выгаскивайте вещи!».

Позже их всех, кроме умершего Сидоренко Ефима, отдали обществу на поруки.

С тех пор общество вознегодовало на С.Ф. Он не был кулаком, это темный мужик, но все время агитировал за Колчака, за настоящее правительство. (Черневский: «По другим сведениям, богатый, имел работников, грозился выдать свата-партизана (?). Он стал скрываться, боялся своих, жил то на пашне, то в подполье у себя и не показывался людям. Но однажды пришли партизаны, в том числе его сын Иван, который зашел к матери и спросил, где отец. Мать сказала. Иван позвал партизан, достали старика из подполья, увели в лес и расстреляли. Василий Тарасенков — Кочергин отрубил ему голову клинком». — Е. С.).

Сейчас в Верхнем Ужете есть пожилые люди, которые могут кое-что рассказать:

1) Боярин Иван Егорович, в 1914 году был призван на германскую войну и так с тех пор прошел пешком с армией с Запада на Восток, вернулся в 1920—1922 годы, сейчас 65 лет;

2) Кокорич Потап — пожилой крестьянин;

3) Моя мать Пятникова Татьяна Васильевна, ее тогда дома не было, пришла, когда уже сожгли;

4) Азаренко Матвей Михайлович (немного партизанил).

Был у нас в селе мой одноклассник Мельников Карп Федорович, 1909 г.р., из бедняков. При советской власти в 1924 году он вступил в комсомол, а отец был за это. Вскоре отец помер, и он стал за хозяина в доме — и пахал, и все делал, но комсомол не бросил. Ходил в Шиткино пешком на комсомольские собрания, т.к. отец и мать лошади не давали. Обует веревочные лапти да в запас в сумку лыковые положит (лозовые), кусок хлеба — и пошел! Стал учиться. А теперь он в Москве кандидат наук, преподаватель в институте каком-то.

Отдельные эпизоды и замечания

• Активные партизаны:

Рубанов Ефим (командир отряда), служил в царской армии,

Пятников Петр Павлович,

Пятников Тимофей, сбежал из Канска с винтовкой и был в партизанах,

Малиновский Моисей (командир отряда), в царской армии был,

Матвеев Иван (командир отряда), в царской армии,

Тихоньков Аврам (один),

Штагаев Иван,

Штагаев Григорий,

Стефановский Иван Францевич,

Шахаев Василий, командир взвода, рабочий с Путиловского завода, 1886 г.р., у него был сын Михаил, 1908 г.р.

• Бич был в Верхнем Ужете. Я видел его единственный раз, и именно в своей деревне. Очевидно это было при отступлении, и он со своим штабом несколько дней стоял у нас.

• Летом, после сожжения части деревни, у нас недели три подвизался цыган Григорий с женой-ворожейкой и дочерью Раей. Он квартировал у моего отца. Однажды отец поспорил с ним о власти. Цыган склонялся к партизанам, но отец заподозрил его и сказал: «Нам все равно, и от тех и от других спасаться надо». — «Верно, батя, верно».

• После сожжения же были пойманы А. К. В. и Ш. В.

Ш. отпустили уже в Нижней Заимке по ходатайству общества. С. казнили в октябре или ноябре, а на другой день Г.Ц. (уже не у нас).

• По конной лесной дороге между Конторской и Верхним Ужетом населенных пунктов не было, кроме Белоусовой заимки, на месте которой стала Красная Горка. От Конторки до Верхнего Ужета 20 километров, нет — 15 верст.